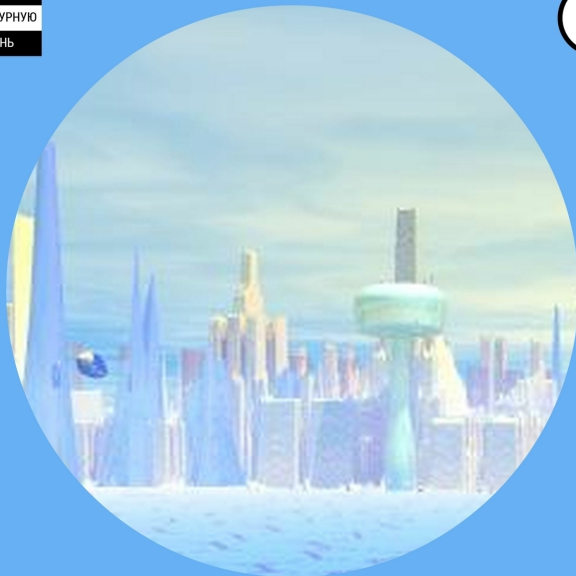


Сергей Бушов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+



Космический маразм

Сергей Бушов

Космический маразм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29016120

SelfPub; 2020

Аннотация

Владимир Ясоний, студент, живёт в Москве и учится в МГУ. Однажды он замечает, что вокруг него начали происходить фантастические события, которые просто не могут быть реальными – по крайней мере, так ему в тот момент кажется. Однако чем дальше, тем больше он убеждается, что всё совсем не так просто.

Содержит нецензурную брань.

Сергей Бушов

Космический маразм

Предисловие

Эта книга создавалась непростительно долго, примерно двадцать два года. Это не значит, что я писал непрерывно, просто было несколько попыток и не очень много возможностей писать. За это время многое поменялось в мире, и некоторые идеи, возможно, устарели. К примеру, я знаю одну шутку, которую за это время уже придумали независимо от меня. Я не стал убирать её из текста, потому что она мне нравится, и я не чувствую себя виноватым из-за того, что идеи носятся в воздухе.

Я также хочу подчеркнуть, что все персонажи – вымышленные. Даже если некоторые из них получились похожими на конкретных людей, это сделано не намеренно. Просто я тоже живу в реальном мире и черпаю идеи из того, что меня окружает, так что в некотором смысле любой описанный мной образ – собирательный. Исключение составляет глава об интернате, большинство героев которой имеет реальных прототипов. Но даже в этом случае то, что написано – это вымысел, отчасти гипербола и гротеск. Если я написал, что такой-то персонаж подумал то-то и то-то, это совершенно не значит, что реальный человек в жизни думал то же самое. Если кого-то обидит упоминание в этой главе, заранее при-

ношу свои извинения.

Предвижу много критических замечаний. Наверняка скажут, что вот в этом месте написано коряво, здесь глупо, а здесь не смешно. Но прошу поверить мне – я потратил достаточно времени на написание, перечитывание и правку этого текста, чтобы быть уверенным, что теперь он выглядит именно так, как я хочу. Если какой-то фрагмент кажется странным, значит, он так и задуман. Если вы хотите, можете написать то же самое, но лучше, я не имею ничего против, только это будет уже совсем другая книга, не моя.

Теперь о тех, без кого этой книги бы не было. В первую очередь это Владимир Тен и Константин Соколюк, с которыми мы когда-то давно задумали и написали первую версию этого текста. Очень многие идеи принадлежат им или были придуманы совместно. Некоторые моменты я сознательно сохранил из первоначальной задумки, хотя и было бы проще и логичнее всё написать совсем не так, просто я до сих пор испытываю некоторый священный трепет перед тем, старым, «Космическим маразмом». Ради справедливости, впрочем, надо признать, что теперешняя книга ушла от него очень далеко. Ещё я очень благодарен моей жене, которая с пониманием относилась к моей потребности периодически сидеть за компьютером и мучить этот текст, несмотря на постоянное наличие более срочных и важных дел. Спасибо моим бывшим одноклассникам, которых я нагло использовал для этой книги, а также Сергею Леонидовичу Катреч-

ко, Маргарите Славиной, Владимиру Семёнову, Ирине Горюновой, Агате Кристи, Жюлю Верну, игрушечному и многим другим людям, животным и предметам, которые разными способами повлияли на этот текст.

Я знаю, что эта книга по большей части полный бред, но не считаю это недостатком. Писал я её для себя. Если кто-то ещё получит от неё некую пользу или удовольствие, я буду рад, хотя моей целью это не являлось.

Приятного чтения!

Часть 1

Глава 0. Зарождение

Когда начинаешь рассказывать длинную и запутанную историю, всегда сложно выбрать, с чего именно начать. Та история, которую хочу рассказать я, может быть, и не самая длинная – это сказать пока трудно – но уж точно одна из самых запутанных, какие мне только встречались. Если же принять во внимание, что эту историю я не вычитал в книге или на сайте с анекдотами, а непосредственно в ней участвовал, то получается, что в моей жизни это однозначно самая запутанная история.

Итак, с чего бы начать? Обычно говорят – начни сначала. Это довольно мудрый совет, только вот у многих историй начала нет. Где начало кольца? Очевидно, вне этого кольца, поскольку наверняка это кольцо было кем-то либо придумано, либо изготовлено.

Так что начну я с того, что, на первый взгляд, никакого отношения к данной истории не имеет. Со сна.

Я был точкой. Просто точкой – хочется сказать «материальной», но в данном случае это слово плохо подходит. Я висел то ли в пространстве, то ли во времени, а может, сразу внутри двух этих ипостасей, если такое вообще возможно. Впрочем, было ли тогда время, это большой вопрос. Похоже, оно только начиналось.

Я существовал, и этим ограничивалось то, что я мог тогда делать. Я не думал, не чувствовал, не видел. Но тут словно бы включили свет, так что как раз появились чувства.

Передо мной, или, вернее, с одной стороны от меня, ведь трудно сказать, где у точки зад, а где перед, висели огромные чёрные сгустки тьмы. Близкие по форме к параллелепипедам, они напоминали надгробные плиты, по неведомой причине парящие в пространстве. Они казались одновременно и полупрозрачными, и плотными, массивными, и в то же время невесомыми. Плиты были покрыты множеством экранчиков, рычажков, клавиш и Бог знает каких ещё крохотных элементиков, которые словно бы ждали своего часа, и, похоже, этот час приближался. Плит было много, то есть больше одной – ведь тогда я мог оперировать только числами «ноль», «один» и «много».

Плиты располагались полукругом, в центре которого таким же чудесным образом висело существо. Оно походило на человека, но человеком не являлось – слишком много ног,

глаз и рук, морщинистая блестящая кожа желтоватого оттенка, короткий загнутый книзу клюв... Хотя я не очень уверен, можно ли это назвать клювом – я мог различить на нём улыбку, а это, как правило, для клювов не характерно.

Существо зашевелилось и протянуло все свои руки к плитам. Из одного этого жеста мне сразу стало ясно, что произойдёт дальше. Вот представьте себе рояль. Подходит человек во фраке, откидывает фалды, садится на поворотный стульчик, поднимает крышку... Вы же знаете, что должно случиться?

Собственно, это и произошло. Многорукий пианист начал играть на плитах. Его пальцы ощупывали грани, нажимали кнопки, щелкали рычажками, и по экранам побежали надписи, а индикаторы заморгали, как гирлянды на новогодней ёлке. Трудно сказать, было ли это *andante* или *allegro con spirito*, но я почувствовал музыку. Я ощущал, как она протекает сквозь меня, придавая мне массу, смысл и сознание. Я видел, как внутри плит рождается нечто, готовое набухнуть, взорваться, разлететься во все стороны ярким потоком... И взорвалось.

Меня несло прочь от плит, кружа в разноцветном вихре, и я успел только рассмотреть, как улыбающийся пианист тоже растворяется в струях музыки, разваливаясь на части. Я летел и летел прочь, всё больше набирая вес, вокруг меня появлялись знакомые объекты, образы и звуки вроде тиканья часов на стене.

Короче говоря, я осознал, что зовут меня Владимир Каллистратович Ясоний, что я лежу в тёплой смятой постели – как и обычно, в одиночестве – и только что видел один из своих бестолковых снов, навеянный очередной порцией прочитанной и просмотренной фантастики.

Надо сказать, что сны мне снились часто, особенно про космос. Обычно – просто чёрное небо, усеянное помигивающими звёздами, иногда причудливой формы корабли на фоне этого неба, а иногда... Ну, в общем, некогда мне было рассуждать о снах, поскольку меня ждал Фёдор.

Я откинул одеяло, встал и решил, что не нужно делать зарядку, потому что времени нет, да и лень. Умылся и побрился, заглотил стакан подозрительно пахнущего кефира, параллельно натягивая футболку и джинсы. Обулся, вернулся в комнату за сумкой, остановился возле раскрытой книги Хайнлайна, прочитав несколько строк, затем заметил листочек, на котором были записаны дела на сегодня:

Лекции

Тамара

Соль

Я вообще всегда любил составлять списки. Мне казалось, что если выстроить в ряд несколько единиц чего бы то ни было, да ещё и пронумеровать, это придаст мыслям чёткость и ясность. Ну и глупый же я тогда был. Впрочем, извиняет меня то, что я почти никогда этим спискам не следовал.

В тот раз я, усмехнувшись, вычеркнул из списка Тамару,

и, вполне удовлетворённый, вышел из квартиры.

Да. Ну, так вот. О той истории, которую я начал рассказывать. Я тут подумал, а не является ли она заодно и самой длинной историей в моей жизни. Дело в том, что начала у неё, собственно, нет, а конца пока нет, и вообще он вряд ли предвидится. Можно даже сказать, что сейчас я нахожусь прямо в середине этой истории... Впрочем, я забегаю вперёд.

Я скакал по лестнице вниз – примерно так же, как скачут все молодые люди двадцати одного года, вовсе необязательно такие высокие худощавые блондины, как я. Разглядывал надписи на стене, наполненные ужасно ценной информацией типа «Лысый – лох», «Ташюсь от эмо» и даже «Fсак уюо» – что бы это ни означало. Пробежал мимо стареньких почтовых ящичков и заметил, что в моём что-то белеет.

Это оказалось письмо от родителей. Вот уже год как они уехали преподавать русский язык в Свазиленд, так что я был предоставлен сам себе, чем и пытался пользоваться на все сто процентов. Единственным минусом в отсутствии предков я находил нехватку чистых носков и глаженных рубашек, впрочем, и от этого не особо страдал.

Засунув письмо в сумку, я вышел из подъезда и зашагал в сторону проспекта, где и запрыгнул в отъезжающий автобус с цифрами «7», «6» и «1» в номере. На ходу я пытался достать из кармана мобильник, который с завидным упорством уже с минуту исполнял «Имперский марш».

– Привет, – донёлся из туманной дали телефонного эфира знакомый голос Фёдора. – Ты где?

– Я тута, – отозвался я. – Привет. Еду.

– Когда будешь? – уточнил Фёдор.

– Минут через пятнадцать.

– Ладно. Жду возле 14-08.

– Хорошо.

Я подумал, что «четырнадцать-ноль-восемь» – это совсем не 761, и это мне не понравилось. Я любил число 761, и оно попадалось мне по нескольку раз в день. Я много раз пытался подсчитать, какова вероятность того, что одна и та же комбинация трёх цифр попадает так часто.

Вот сколько всего разных цифровых последовательностей встречается за день? Номера машин, квартир, домов, длинные цепочки знаков на денежных купюрах и лотерейных билетах, телефоны и факсы, размеры одежды, показания приборов и слова считалочек...

Меня отвлекли от размышлений утыканные деревьями зелёные холмы, мимо которых проезжал автобус. Вам не казалось когда-нибудь, что Земля – живое существо? Что она дышит, думает, молчит, что деревья, которыми она тянется к небу – это не то пальцы, не то антенны, которыми она общается с космосом?

Кстати, про общение... Я достал из сумки конверт, вскрыл его и пробежал глазами текст. Типичное письмо от родителей, как и следовало ожидать. «Как дела?», «Остались

ещё деньги?», «Не заболел?» и прочие риторические вопросы. Мои родители всегда были людьми прошлого века. Писали до сих пор письма на бумаге, фотографировали плёночным фотоаппаратом... На приложенном к письму снимке они стояли в окружении группки белозубых негрятят, а отец держал на руках забавную обезьянку. Надпись на обороте гласила «Свази и мы». Я решил, что это имя обезьянки.

Автобус тряхнуло на колдобине, я опомнился и стал протискиваться к выходу. Вырвавшись на свежий воздух из железной коробки, заполненной густыми ароматами пота и перегара, я порадовался жаркому дню, полюбовался дырой в голубом небе, сквозь которую на Землю лился обжигающий поток электромагнитного излучения, а потом засмотрелся на студентку в лёгком сарафанчике. Этому, однако, мешало пятно на моей сетчатке, оставшееся от неосторожного рассматривания Солнца, так что я зашагал в сторону главного здания МГУ.

Оно самодовольно вздымалось впереди, протыкая небо шпилем с огромной звездой, распластав по земле крылья общежитий, громоздя друг на друга этажи, покрытые множеством окон-бойниц, и, казалось, готово было взлететь, как ракета.

Я тут же принялся считать, а способно ли оно взлететь при достаточном количестве реактивных двигателей. «Если не учитывать шпиль, высота здания метров сто пятьдесят», – думал я. – «Можно для упрощения принять его за куб реб-

ром сто метров. Плотность бетона составляет около тысячи килограммов на метр кубический. . . » Но тут полицейский на входе потребовал предъявить пропуск, и цифры в голове мгновенно осыпались.

Я проследовал мимо пустующих гардеробов, кинотеатра и книжных киосков. Здание строилось в те времена, когда ещё грезили о коммунах, поэтому его создатели позаботились о быте основательно. Люди, которые жили в главном здании МГУ, могли вообще никогда не выходить на улицу. Магазины, парикмахерские, столовые, буфеты, библиотеки, музеи, уже упомянутый кинотеатр и даже бассейн – это малая часть того, что существовало внутри. Это был целый мир или, по меньшей мере, город с населением в несколько тысяч человек. А если вспомнить ещё и легенды о катакомбах внизу, скрывающих гигантскую статую Сталина, и о подземном ходе под Москвой-рекой, то город этот представлялся ничуть не менее значительным, чем Урюпинск или даже Электросталь.

Тем временем я оказался в холле, и меня уже заносило толпой студентов в прибывший лифт. Я дотянулся до кнопки четырнадцатого этажа, и, прижатый к стенке, почувствовал, как кабина плавно тронулась вверх.

– А у меня в детстве «Цирикс» был, – донёсся до меня обрывок чужого разговора. – Грелся, сцуко, как батарея, и цэпэуайди на нём глючило.

– Что глючило? – переспросил другой голос, принадлежа-

щий девушке, притиснутой ко мне сзади.

– Ну, это команда такая... – неуверенно начал парень, но тут двери раскрылись, и я, не дослушав, выбрался наружу.

Фёдор поджидал меня, сидя на подоконнике, увлечённый чтением толстой потрёпанной книги, которую при моем появлении быстро захлопнул и убрал в портфель.

– Двадцать четыре минуты, – сказал он, и по губам блуждала его всегдашняя неопределённая улыбка, хотя в интонации чувствовался упрёк.

– Извини, – ответил я. – Не рассчитал малость.

– Бывает, – Фёдор спрыгнул с подоконника и аккуратно извлёк из портфеля тетрадь с лекциями. Он всегда всё делал аккуратно, да и выглядел так же – коротко стриженный, подтянутый, в чёрной отглаженной рубашке. Единственное, что казалось немного неуместным – если не знать Фёдора, конечно – это фрагмент электрической принципиальной схемы, содержащий транзистор, конденсатор и катушку индуктивности, который был нарисован ручкой на штанине его светло-голубых джинсов – впрочем, тоже весьма аккуратно.

– Держи, – он протянул мне тетрадь.

– А ты-то как? – спросил я. – Сдал?

– Пять, – ответил Фёдор, изобразив на лице лёгкое недоумение по поводу моего вопроса.

– А вообще он это... Сильно лютует?

– Тургенев-то? Ну как ты можешь так думать? Добрейший человек. Двоек поставил много, это да.

Я вздохнул:

– Правильно я не пошёл. До пересдачи хоть подготовлюсь. Я учебник начинал читать – вообще ничего общего с билетами.

– А что на лекции не ходил? – поинтересовался Фёдор.

– Да как-то не получалось... То неохота, то лень.

– Странно, – Фёдор пожал плечами и почесал колено. – Такие хорошие лекции. Жаль, что закончились. Теория вероятностей – одна из немногих областей математики, которую легко наблюдать в реальности. Чистый мир платоновский идей.

– А геометрия? – спросил я наобум – так, чтобы разговор поддержать, хотя тема меня не особенно увлекала.

– В рамках школьной программы – да, отчасти. Только где ты видел в природе идеальный треугольник? Неевклидовость или многомерность уже хуже согласуется с повседневным опытом, а уж доказательство теоремы Гаусса-Бонне ты наяву и вовсе вряд ли встретишь.

– А субмартингалы валяются на каждом шагу? – вспомнил я умное слово.

– Ты удивишься, – сказал Фёдор, улыбнувшись чуть шире обычного, – но так оно и есть.

– Ладно, – я махнул рукой, решив-таки прервать беседу. – Когда лекции вернуть?

– Да хоть осенью. Ну, удачи тебе. Мне в учебную часть надо – зачётку закрыть.

– Пока.

Мы пожали друг другу руки, и я направился в туалет, поскольку чувствовал позывы в нижней части живота – должно быть, сказывался утренний кефир.

Заняв место в свободной кабинке, я задумался. До экзамена оставалось полтора дня. Вроде не так мало времени, но я по опыту знал, как тяжело переваривать математическую дребедень, напичканную формулами, кванторами и словечками типа «допустим», «легко видеть», «отсюда следует»... Мне было совсем не легко видеть, почему из одной кракозябры следует другая, поэтому многие места я пропускал, говоря про себя как раз «допустим».

Я и сейчас не знаю, как относиться к учёбе. С одной стороны, те сведения, которыми наполняется голова, несомненно, имеют ценность. С другой стороны, то, что могло бы оказаться на их месте, имеет ценность ничуть не меньшую. А с третьей стороны, жизнь даётся для того, чтобы её прожить, и небольшая порция мучений – неизбежная плата за всё, что в ней есть хорошего и интересного. Впрочем, тогда я ничего этого ещё не понимал.

Я смыл за собой, щёлкнул шпингалетом, толкнул дверь и похолодел. Она не открывалась. Толкнул сильнее, но безрезультатно. Постучал.

– Фёдор! – крикнул я. – Это ты, что ли, прикалываешься?

Ещё сильнее навалился на дверь, но она не поддавалась. Это меня взбесило, и я полез карабкаться наверх. Поцарапав

руку и чуть не уронив сумку в унитаз, я выбрался из кабинки и спрыгнул на кафельный пол. Два молодых человека у писсуаров глядели на меня испуганно. «Так-то вот!» – пронеслось в моей голове. – «А то, небось, думали, что я не выберусь...» Я посмотрел на дверь, чтобы понять, что же с ней всё-таки не так. И понял.

Легонько толкнув дверь рукой, я увидел, как она распаивается внутрь кабинки.

– Ага... – пробормотал я, краснея. – Так, значит? Понятненько...

Я пулей вылетел из туалета, в первую секунду стора от стыда, а начиная с третьей или четвертой уже давясь от смеха. Я проследовал по коридору, отделанному толстыми деревянными панелями, к лифтам и, нажав на кнопку, принялся разглядывать паркет. На высоте сантиметров десяти от пола на стене красовалась надпись шариковой ручкой «Вся наша жизнь – сплошной Уимблдон». Я не вполне понял смысл, но готов был согласиться.

Подъехал полупустой лифт. Я вошёл и пристроился справа.

– Подождите! – раздался крик из-за угла, сопровождаемый топотом бегущих ног. Я машинально придержал дверь, хотя через миг уже испытал по этому поводу сожаление – в лифт запрыгнули Дима Савенков и Тамара.

– Привет, – бросила она мне и отвернулась. Дима меня проигнорировал. Двери закрылись, лифт пополз вниз.

– Привет, – прошептал я.

Тамара стояла всего в полуметре от меня – в чёрной водолазке, черных брюках, русые волосы были собраны в хвост при помощи красной резинки. Полоска кожи на шее белела нестерпимо, вызывая в памяти моё единственное с Тамарой рукопожатие пару лет назад.

– Чего? – сказала она тогда. – Ну, руку-то я тебе, так и быть, пожму.

Дальше следовали непередаваемые ощущения от прикосновения её пальцев к моей ладони, усиленные бешено трепыхающимся сердцем в левой части моей груди...

Моргнул свет, кабина дёрнулась и замерла. Опять вздрогнула и очень медленно поползла дальше.

– Лифт доедет с вероятностью одна двадцать вторая, – сумничал Димка.

– Мне плевать, с какой вероятностью он доедет, – отозвалась Тамара. – Лишь бы доехал.

«Зачем они в этом лифте?» – подумал я. – «Ведь начал забывать уже».

Да, всё это было уже слишком давно, чтобы переживать по этому поводу. Да и о чем, собственно, переживать? Ну, влюбился на первом курсе, ну, понятно, что не вышло ничего, потому что я – олух неотёсанный, а она вон какая...

Лифт раскрыл двери, и Тамара с Димой, держась за руки, зашагали в сторону выхода. Я пошёл туда же. Учить теорию вероятностей не было никакого настроения. Хотелось рас-

течься по полу, набить кому-нибудь морду, проломить стену головой или хотя бы просто прогуляться, что я и выбрал как наиболее реалистичный вариант.

Солнце стояло высоко, листья на деревьях еле шевелились, разморённые жарой, и жадничали отбрасывать тень. Я вырулил на Университетский проспект, затем на Ленинский, и остановился около палатки купить эскимо.

Тамару надо было выбить из головы. Ну что меня с ней связывало? В общем-то, ничего. Просто желание быть рядом, общаться и чувствовать её уважение. Зачем мне это нужно? А чёрт его знает. Когда я её долго не видел, не думал о ней совершенно. Но иногда, после таких внезапных встреч, вдруг накатывало.

Я разорвал обёртку, надкусил мороженое и уронил его с палочки на асфальт. Постоял с минуту в растерянности, запоздало разозлился и быстрым шагом двинулся к центру.

В конце концов, всё было не так уж плохо. Я был свободен во всех смыслах, молод и полон сил, погода стояла замечательная, по улице ходили чудесные люди. Добродушный толстячок не спеша выгуливал таксу на поводке. Такса хромала, бедняжка. Проехал навстречу парень на скейте. Девушка – симпатичная, в короткой светлой шубке, с розовым зонтиком над головой, грациозно проследовала мимо и даже, кажется, мне улыбнулась. Парень на скейте проехал в другую сторону... Стоп!

Я обернулся. Какая, к чёрту, шубка, какой зонтик? На

улице плюс тридцать пять!

Как и следовало ожидать, девушки не было. Только толстяк с таксой удалялся вдоль по проспекту в сторону Президиума Академии наук. Но я же отчётливо помнил, как шелвелился мех на шубке, как поблёскивали на солнце глаза и губная помада...

Я потрогал голову. Не очень горячая. Ну да, мне же повезло – я блондин, а светлые предметы нагреваются медленнее, поскольку отражают электромагнитные волны. Мысленно пожав плечами, я продолжил путь.

Ленинский проспект, хотя и являлся самой длинной улицей в Москве, всё же довольно скоро закончился. Спустившись в переход, я оказался перед турникетами станции метро «Октябрьская».

Турникеты – изобретение человека с ярко выраженными садистскими наклонностями, гильотина в миниатюре, слегка модернизированная в эпоху расцвета капитализма. Мало того, что они больно били людей по ногам и не пропускали их вопреки человеческой природе, нуждающейся в свободе передвижения не меньше, чем в воздухе или еде, так они ещё и требовали денег за работу. В те времена уже, правда, не использовались ни монеты, ни жетоны. В ходу были так называемые карточки «Ультралайт» на разное количество поездок – прямоугольные кусочки пластика, снабжённые индивидуальными номерами, которые нужно было прикладывать к жёлтому глазку турникета, чтобы он милостиво соблагово-

лил разрешить проход в метро.

Карточек у меня было две, одна израсходованная, вторая почти новая. Их легко было различить – на новой номер был больше. Я приложил новую, с опаской миновал турникет, и выбросил старую в чёрную цилиндрическую урну перед эскалатором. Ещё раз посмотрел на карточку, оставшуюся в руке. Номер начинался на «30761». У выброшенной было «29176», так что я всё сделал правильно, хотя в голове что-то не складывалось, и я пребывал в состоянии необъяснимой озадаченности.

Возможно, я и зря сейчас так подробно рассказываю про оплату проезда, но всё же хочу подчеркнуть – да, в ту эпоху турникеты ещё не слушались мысленных приказов, как это ни противоестественно...

– Из-звините, – сказали рядом. – А вы не п-подскажете, как проехать на станцию «Парк культуры»?

Я поднял глаза. Передо мной стоял молодой человек примерно моего роста, тоже худой и светловолосый, даже слегка похожий на меня, если не считать курносого носа, глуповатого выражения лица и ушей трубочкой. Его окружало ещё несколько человек, не менее странного вида: полноватый мужчина в пиджаке, надетом прямо поверх засаленной майки советского образца, трясущийся старичок с клюкой и орденской планкой, неимоверно толстая женщина, сжимающая в руках журнал «Красота и здоровье», дебиловатый подросток с магнитолой на плече, небритый маленький му-

жик в допотопной драной телогрейке и девушка в чудовищно огромных очках.

– Вам в эту сторону, – махнул я рукой. – Одну остановку.

– Спасибо, – ответил с улыбкой молодой человек, и я уже собрался идти дальше, как вдруг меня схватила за запястье тётка, представлявшая собой полтора центнера красоты и здоровья.

– Вы уверены в своём ответе?! – рявкнула она.

– Уверен, – ответил я, безуспешно пытаюсь вырвать руку из её цепких жирных пальцев.

– Мы туда уже ездили! – выкрикнула она с нескрываемой злобой. – Там всё время «Октябрьская»!

– Не всё время, – тихо поправил её старичок. – Иногда там вообще ничего нет.

«Они сбежали из сумасшедшего дома», – внезапно дошло до меня. – «Или это флэш-моб какой-нибудь».

– Попробуйте ещё раз, – сказал я, освободив, наконец, руку. – Вот увидите – там «Парк культуры».

Подходил поезд. Я зашёл в вагон, и, к моему ужасу, вся безумная компания последовала за мной. Они встали во круг, уставившись на меня немигающими глазами, словно я вот-вот должен был превратиться в кактус. У меня от этих взглядов побежали по коже мурашки, и появилось отчётливое желание выйти из вагона или хотя бы переместиться в дальний его конец.

– М-меня Володей зовут, – сказал молодой человек.

– Меня тоже, – машинально ответил я.

Двери вагона захлопнулись. Потух свет. Потом снова загорелся. Мне вдруг показалось, что я уже переживал подобное совсем недавно – в другой жизни, во сне или в фантастическом мире внутри прочитанной, но забытой книги. В воздухе висела напряжённость, которую разрядила фраза из динамика, произнесённая машинистом:

– По техническим причинам поезд дальше не идёт. Пожалуйста, освободите вагоны.

Я вышел на перрон и с облегчением заметил, что Володя и его компания, перекинувшись парой слов, двинулись к поезду, следующему в противоположном направлении. Должно быть, решили проехать до «Парка культуры» через всё кольцо. «Туда им и дорога», – мрачно подумал я и зашёл во вновь подошедший состав.

Я пытался прикинуть вероятность встречи в одной точке пространства сразу семи лиц с психическими отклонениями, но мне не хватало статистики. Да и что, в конце концов, такое «психическое отклонение»? Отклонение от среднего? Так ведь нет среднего среди всего разнообразия человеческих личностей. И разве может себя считать нормальным хоть один человек в мире? Каждый из нас хотя бы раз в жизни совершал какое-нибудь безумие, не говоря уже о том, что безумием является сама жизнь как ограниченно устойчивая форма существования белковых тел...

Опомнился я на выходе из станции «Парк культуры».

Семь ополоумевших белковых тел умудрились мне внушить свою навязчивую идею добраться сюда, хотя делать мне здесь было абсолютно нечего. И вот я стоял на улице рядом с театральным киоском, схватившись за голову, и тихо хихикал, понимая, что со стороны выгляжу таким же безумным, как они. Но что уж тут поделаешь...

– Привет ещё раз.

Я обернулся. Передо мной стоял Фёдор, довольный как слон, со своим дурацким аккуратным портфельчиком.

– Привет, – буркнул я.

– Удивительно, не правда ли?

– Что именно? – не понял я.

– Мы с тобой встретились посреди огромного города, в случайном месте. Такое редко бывает. Ты не считаешь, что в этом есть нечто знаменательное?

Я пожал плечами:

– Я вообще не должен был здесь оказаться.

– Этого не может быть. Раз оказался, значит, должен был.

М-да. Я и забыл, как любит Фёдор точные формулировки.

– Ну, так скажем, в мои планы это не входило. Метро перепутал.

– Здорово. А я вышел из МГУ и пошёл так, чтобы мне солнце в затылок светило.

– Зачем?

Лицо Фёдора изобразило возвышенную мечтательность.

– Искал вдохновения своим мыслям и, более того, чув-

ствам. Последовательность людей, зданий и других зрительных образов, поочерёдно сменяющих друг друга – разве это не прекрасно?

Он взмахнул руками, чем-то напомнив мне Христа.

– Не знаю. Мне, наверно, к экзамену готовиться надо. Теория вероятностей.

– Я помню, – Фёдор как-то неожиданно насупился. – Ну, дерзай.

– Пока.

Я снова зашёл в метро. Приложил карточку к глазку турникета. Загорелся красный огонёк – железный страж пускать меня не хотел. Я попробовал ещё раз, с тем же результатом. Похоже, на этой карточке поездок не осталось. Как это могло быть? Я не понимал. «Будешь задумываться о деталях – с ума сойдёшь», – промелькнуло в голове, и я не мог вспомнить, откуда взялась эта фраза. Однако мысль была дельной, и я поплёлся покупать новую карточку.

Оставшаяся часть пути до дома прошла, в общем, без приключений. Войдя в квартиру, я разулся, бросил на стол ключи и заметил листочек со списком дел. Соль купить я, конечно, забыл. Но идти на улицу уже не хотелось. Нашёл в холодильнике три сосиски, две из них разогрел в микроволновке, потому что варить было лень, и съел. Попил воды из чайника. Потом вернулся в комнату, лёг на диван и раскрыл тетрадь Фёдора. Повествование начиналось заголовком «Пространство элементарных событий». Звучало интригующе, и

я приступил к чтению.

Если вдуматься, чтение – один из самых бестолковых способов усвоения информации. Вот появилась у одного человека новая идея. Он захотел поделиться с другими. Что он делает? Берет примитивное орудие письма и царапает на бумаге каракули, которые имеют некоторое отношение к его идее, преодолевая при этом эссенциальный тремор, дисграфию, отсутствие воображения, поверхностное знание языка или просто патологическое косноязычие. Написание книги может занять годы. Другой человек, желающий воспользоваться сохранённой идеей, идёт в библиотеку, ищет книгу, открывает, читает в течение нескольких дней и пытается переварить многостраничную тарабарщину, несмотря на его, в свою очередь, отслоение сетчатки, аллергию на бумажную пыль, дислексию, опять-таки отсутствие воображения, слабую эрудицию и врождённую безграмотность. И в результате в его мозгу, возможно, зарождается идея, которая, с некоторой вероятностью, имеет отношение к первоначальной. На радостях он пишет свою книгу и пошло-поехало.

И почему, спрашивается, просто не хранить идею в чистом виде, в баночке на кухне, и не вкладывать её в голову готовой по мере необходимости, не тратя своё и чужое время, электроэнергию на освещение и трудновоспроизводимые природные ресурсы на производство бумаги?

Проснулся я рано. Постель была залита тёплым светом из окна. В шкафах поблёскивали корешки книг. Выключенный

компьютер обиженно молчал, и с ним был солидарен потухший телевизор. На стене тикали часы, показывая, что мне остался ещё целый день подготовки к экзамену, а за окном щебетали птицы.

Я потянулся, ощущая приятный хруст косточек, повалился ещё минут пять, потом встал. Сходил в туалет, почистил зубы, помахал для проформы руками, вяло изображая зарядку, соорудил несолёную яичницу с использованием засохшей сосиски и дряблой луковицы и не без удовольствия съел.

Вернувшись в комнату, я набросал новый список из двух пунктов:

1. Учиться.
2. Соль.

Затем подошёл к окну.

На улице всё было наполнено предчувствием жары. Вдали, в лёгкой утренней дымке, возвышалось здание университета. Чуть ближе, между зелёных холмов, покрытых разросшимся кустарником, причудливо вилась Сетунь. Деревья испускали из ветвей в небо невидимые позывные. А совсем рядом, за забором из толстых металлических прутьев, белело старое пятиэтажное здание, известное мне под названием «восемнадцатый интернат».

Казалось бы, обычный ветхий дом, построенный по типовому проекту, как и многие школы в Москве, покрашенный белой краской, облупившийся и подмазанный ещё раз, вы-

зывал у меня страх. Должно быть, сказывались детские воспоминания. Играя с дворовыми ребятами в войну, мы обходили этот дом стороной, а на вопросы о нём мне навевающим ужас шёпотом рассказывали, что в интернат свозят со всей страны умных детей и ставят над ними опыты. Говорили, что многие сходят с ума или даже умирают, и что призраки мёртвых учеников бродят ночью по коридорам здания и пугают новичков.

В те времена загадочную школу окружал бетонный полуразвалившийся забор, возле ворот которого на столбе было намалёвано красной краской, похожей на запёкшуюся кровь: «КРЕМЕНЧУГ-СЯ 17». Потом, после реконструкции, забор сменился на более солидный, металлический, а надпись – на менее зловещую «Специализированный учебно-научный центр им. А.Н.Колмогорова».

Кстати, о Колмогорове. Мне давно было пора перестать пялиться в окно и продолжить учить теорию вероятностей.

Перво-наперво я сверился со списком билетов, чтобы оценить, какую часть я прошёл вчера. Прогресс не впечатлял – четыре вопроса из тридцати восьми, да и то усвоенные условно. Я уселся на диван, разложил вокруг учебники и конспекты – ущербный мой, состоящий из полутора вкривь и вкось записанных лекций, и добротный Фёдора, набитый данными под завязку, снабжённый иллюстрациями, сносками и словариком сокращений – и продолжил чтение.

Итак, теорема Чебышёва. Если последовательность независимых случайных величин... Я зевнул и снова вспомнил Фёдора. Как же, чистый мир платоновских идей! Ну и где эти независимые случайные величины в реальном мире? Вот, предположим, едет поезд из пункта А в пункт Б. С какой вероятностью он доедет? А чёрт его знает! Если даже учесть скорость, массу, все дефекты состава, незакрученные болтики на стыках рельсов, перемещения груза в вагонах и рассчитать, что вероятность, предположим, одна вторая, то кто гарантирует, что не начнётся война и какой-нибудь чукотский террорист не пальнёт по паровозу из «Стингера»? Да что там террорист – какова вероятность того, что машинист не уснёт в пути, а помощник не напьётся с горя? А как оценить вероятность, что в точке перед конечным пунктом вдруг не схлопнется пространство, и поезд не ухнет во временную воронку, чтобы не доехать уже никогда? Перед глазами промелькнула вчерашняя компания в метро, лифт в университете, Тамара... Чёрт! Я помотал головой и попытался сосредоточиться.

Через час я начал уставать. Греческие буквы скакали передо мной в причудливом танце. Большая «омега» подбочивалась, «кси» шла вприсядку, «фи» крутилась на одной ножке, а «пи» просто придуривалась, косолапя и прищуривая глаз. Они смотрели на меня, а я смотрел на них, и они для меня переставали быть текстом – просто нарисованные уродцы, не несущие в себе никакого смысла.

Мне нужно было немного расслабиться, поэтому я включил телевизор и принялся бездумно щелкать с канала на канал. «В здешних лесах жители неоднократно встречали реликтового гоминоида», – вещал диктор, а по экрану, неуклюже наклонившись вперёд, перемещался слева направо человек, одетый в шкуры. Камера в руках оператора тряслась, отчего у положения человека в телевизоре имелась ненулевая дисперсия. Следующая кнопка... Показывали «Гостью из будущего». Коля Наумов, в фильме превратившийся в Герасимова, произнёс: «Нет, я всем говорил, что я из Конотопа». Слово «Конотоп» напомнило мне старые материалы съезда КПСС, где в списке участников значился некто В.И. Конотоп, обведённый траурной рамочкой. К чему это я? А, проехали... «Популяция амурских тигров стремительно сокращается». К чёрту тигров... На очередном канале транслировали заседание Государственной думы. Я вздохнул, включил видак и вставил наугад один из эпизодов «Звёздных войн».

Несколько минут я смотрел фильм, находясь в лёгкой прострации, потом почувствовал в себе силы вернуться к чтению. Сумма, сигма, корень, предел, интегралы. N независимых опытов. Вероятность наступления события. Тем временем в далёкой-далёкой галактике на фоне чёрного-чёрного космоса с большой-большой скоростью пронеслось звено имперских истребителей. Так как «кси и-тое» может принимать только два значения: 0 и 1, то для любого «и» имеем...

На последующей формуле я подвис и понял, что голова

имеет конечный объем.

Трудно оспорить большую прикладную ценность теории вероятностей. К примеру, можно попить воды из-под крана, а можно купить в бутылке, оплатив при этом меньшую вероятность наглотаться болезнетворных бактерий. А можно купить не просто воду, а воду известной, уважаемой марки, заплатив больше денег, но ещё сильнее снизив вероятность заражения. Вот только когда именно в твоей бутылке дорогой воды ты обнаруживаешь плесень, ты понимаешь, что эта вероятность для тебя не значит ровным счётом ничего.

Зачем мне всё это было нужно? Зачем я впихивал в себя громоздкие формулы, смысла которых не понимал? Зачем я вообще поступил на мехмат МГУ? Чтобы получить отсрочку от армии? Чтобы повесить вероятность последующего устройства на хорошую работу?

Мне стало тоскливо. Я не понимал, кто я такой и зачем живу. Коля спасал Алису от космических пиратов, Люк Скайуокер – империю, а я сидел в маленькой комнатке пятиэтажного дома по Кременчугской улице и готовился к передаче предмета, на который мне было абсолютно наплевать.

Вот мой отец, к примеру. Воспитывался он в детском доме. Мало того, директор-шутник, который любил придумывать всем имена и фамилии, назвал ребёнка Каллистратом Евграфовичем Ясоном. И ничего – отец смог поступить на филологический факультет, защитить диссертацию, получить квартиру в Москве, жениться на красивой девушке –

моей матери – которая заканчивала МГИМО, а теперь жил в своё удовольствие, мотался по заграницам и, похоже, ничуть не жалел о том, как сложилась судьба.

От отца мне досталось отчество, из-за которого в школе меня дразнили Кастратычем, худосочное телосложение и пренебрежительное отношение к частной собственности. Ни везения, ни деловой жилки, ни любви к науке в генах не передалось. Зато примешались мамино увлечение книгами и фильмами, способность мало есть и – возможно, как следствие – неумение нормально готовить. Оставалось только понять, для чего такое сочетание качеств, дополненное моим личным раздолбайством и ленью, может пригодиться.

Нет, в моей жизни было много хорошего. Хайнлайн, Саймак, Гаррисон, Стругацкие, Лукьяненко, «Звёздные войны» и «Властелин колец». Но жить мне предстояло в реальном, не фантастическом мире, а я не очень представлял, как.

Раскрытая тетрадь с лекциями вызывала отвращение. Мне нужно было сейчас совсем не это – может быть, поддержка и сочувствие, или просто разговор ни о чем... Я не успел толком закончить мысль, как уже набрал на мобильнике номер Тамары.

– Да, – прозвучал в трубке её голос – звенящий, нежный...
– Кто это?

Я внезапно сообразил, что нужно не только слушать, но и говорить.

– Привет, – пробормотал я. – Это я, Володя.

Она вздохнула.

– Привет.

– Как у тебя дела?

– Нормально, – она слегка картавила, и это жутко мне нравилось.

– Э... А я вот на экзамен завтра иду.

– Ну, молодец. А что вовремя не сдал?

– Не пошёл. Боялся.

– Ясно. А что звонишь-то?

– Ну, это... А ты не хочешь за меня замуж?

– Нет, – похоже, она усмехнулась.

– Э... Ну да... А может, в кино как-нибудь сходим?

– Может быть. Когда-нибудь... Давай потом обсудим, а то у меня в одной руке вилка, а в другой сосиска.

– Э... Ладно. Пока.

– Пока.

Она положила трубку. Я трясущимися руками опустил телефон на диван и закрыл глаза, прокручивая в голове каждое слово. «Когда-нибудь», – сказала она, и, значит, у меня была надежда. Вот только одного я не понял – зачем нужно держать в одной руке вилку, а в другой сосиску? Мне представилось, как Тамара лихорадочно кромсает сосиску вилкой, вымещая на ней злобу за то, что я достал её своими бестолковыми звонками.

– Почему я такой идиот? – спросил я вслух. Вопрос остал-

ся без ответа.

Часы тикали, тетрадь была прочитана наполовину, возможность угодить в армию казалась всё более реальной, и я начинал впадать в панику. Я пытался решить, что делать, и вдруг вспомнил, что обычно люди с горя пьют. Я не был вполне уверен в том, горе ли у меня и какое именно, да и алкоголя никогда раньше не пробовал, но идея несколько воодушевила, так что через минуту я уже спускался на улицу.

Погода, как ни странно, стояла просто прекрасная. Солнце палило всё так же, но лёгкий ветерок, поигрывая листиками и травинками, приносил свежесть. Не спеша ползли по улочке автомобили, чинно прогуливались люди, и ничто не напоминало о проклятой теории вероятностей.

Человеческое сознание – странная штука. Если бы меня до того дня спросили, есть ли рядом с моим домом ларёк, торгующий пивом, я бы уверенно ответил «нет». А сейчас оказалось, что он есть, стоит совсем неподалёку, на улице Артамонова, именно тогда, когда мне впервые в жизни понадобилось пиво. Честно сказать, я не очень представлял к тому моменту, чем можно напиться, но пиво мне казалось наиболее подходящим выбором. Приблизившись к ларьку, я понял, что забыл взять с собой деньги. Правда, в кармане завалилась большая куча мелочи, так что я высыпал всё на ладонь и принялся считать, при этом бормоча в окошечко:

– Э... Дайте, пожалуйста, «Балтику» номер три. Три бутылки... Нет, четыре... Нет, пять.

Растерянно прижав охапку бутылок к животу, я подумал, что не помешал бы ещё и пакет, но мелочь уже закончилась, так что мне оставалось только поплестись обратно к дому, чувствуя себя кретином.

– Нет, ну в кого я такой уродился? – горестно лепетал я. – Отец у меня умный, у матери два высших образования, а я пиво не умею покупать...

Вдруг мне показалось, что над травой вдоль дорожки скользит небольшой прозрачный предмет, похожий на тонкую стеклянную коробочку. Я успел заметить его боковым зрением, и не был уверен до конца в том, что мне не помешало, но повернул голову в ту сторону, благодаря чему споткнулся и полетел лицом на асфальт, хороня под собой бутылки.

Когда звон, хруст и бульканье уже затихли в моих ушах, я приподнялся с тротуара и осмотрел себя. Рубашка пропиталась вонючим пивом, пуговица на джинсах оторвалась, из носа капала кровь. Единственная чудом уцелевшая бутылка подкатилась к моим ногам, и я, подобрав её, направился к дому в окончательно испорченном настроении.

А навстречу мне, вывернув из-за угла, двигалась небольшая, но шумная процессия. Грязная драная одежда, обрюзгшие небритые лица, недобрые взгляды, плакаты, написанные от руки фломастерами на листах бумаги и картона: «Нет дешёвой стеклотаре!», «Бомжи – санитары помоек!», «Грабёж!» и даже «Даёшь два рубля!» производили ужасающее

впечатление. Некоторые демонстранты орали примерно те же лозунги, что на плакатах, громко бряцали баулами пустых бутылок, и это усиливало эффект. Я поспешно сошёл с дорожки, встал у дерева, чтобы не бросаться в глаза, и оторопело наблюдал за происходящим, закапывая кровью траву.

– Это что же получается? – кричал, блестя лысиной, один из бомжей. – Водка дорожает, а бутылки дешевеют? Больше рубля уже и в тошниловке не дают!

– Разврат устрою, сволочи! – вопила, поддерживая своего коллегу, пьяная тётка с двумя огромными фингалами на лице.

Со стороны Аминьевского шоссе к ним приближался полицейский «Форд». Голос из динамиков проверещал на всю улицу:

– Граждане бомжи, приказываю разойтись! Ваше шествие не санкционировано администрацией!

– А обираловка ваша санкционирована?! – сипло выкрикнул лысый демонстрант. В машину полетели пустые бутылки. Разбились обе фары, побежала трещина по лобовому стеклу. «Форд» притормозил, помешкал немного и стал неуклюже разворачиваться, подставляя для атаки теперь уже заднюю часть.

Я вдруг осознал, что и сам, пожалуй, здорово похож в своём теперешнем виде на бомжа и могу попасть под горячую руку. Поэтому, тенью проскользив меж деревьев, я по-

спешил к двери в свой подъезд. Начал тыкать в кнопки домофона, путаясь и не понимая, что происходит.

– Ключи забыл, сосед? – послышалось сзади.

Я обернулся. За мной стоял накачанный бритый наголо мужчина в спортивном костюме и кроссовках. Звали его Шура, он жил напротив меня, и я здоровался с ним, встречаясь на лестнице. Кажется, раньше он служил офицером, а сейчас работал в охране. В руке Шура держал оранжевый кирпич.

– Да нет, – пробормотал я. – Здравствуйте. Я это того...

Наконец я сообразил достать из кармана магнитную «таблетку» и открыл дверь. Шура буркнул нечто вроде «Ну, ты даёшь», а я помчался по лестнице наверх.

Войдя в комнату, я содрал с себя рубашку, швырнув её на стул, сел на диван и уставился на бутылку пива в руках. Нужно было открыть. Я рассеянно достал из кармана складной ножичек, повертел и с удивлением обнаружил, что в нём есть открывашка. Откупорив бутылку, я приложился к горлышку и сморщился – жидкость оказалась горькой, противной, похожей на слюну. К тому же из носа снова закапала кровь. Я приложил бутылку к носу и запрокинул голову.

Периодически отхлёбывая пиво, я раскрыл тетрадь и попытался читать дальше. Мысли ворочались вяло, словно разморённые жарой отъевшиеся крысы на пляже. Формулы складывались в причудливые узоры, а текст – в скучную невнятную белиберду. Бутылка скоро закончилась, кровь

остановилась, а до конца тетради было ещё далеко.

Так я просидел до позднего вечера, тупо листая лекции взад-вперёд, позёвывая и посматривая на время. Похоже, единственным результатом опьянения оказалось размягчение мозга, поскольку я не мог даже толком осознать, запоминаю я то, что читаю, или нет. В конце концов, я разобрал кровать и лёг.

В первые минуты сон не шёл. Прокручивались в голове теоремы, определения, доказательства, собственный голос, непрерывно бубнящий «Не сдам, не сдам», и второй – тоже, по-видимому, мой – жалобно попискивающий «А может, повезёт?». Затем реальность размазалась, и поползли туманные образы сепарабельных множеств, функций распределения и интегралов Стилтеса. Я то погружался, распадаясь на точки, в бесконечную бездну канторовского множества, то проваливался в каверну кишечнополостного гиперболоида, по стенкам которого текла кислота, разъедающая мне руки.

– Рядовой Ясоний! – кричали мне.

– Я!

– Два шага вовнутрь через плечо равняйся!

– Ураааа! – орал я, выворачиваясь наизнанку и пролетая сквозь n -мерное банахово пространство, где меня ждала Тамара с огромной плотоядной сосиской в руке. Увернувшись от её клацающих челюстей, я наткнулся на металлическую букву «кси», которая вкручивалась мне в ногу, словно штопор, и пыталась оттяпать кусочек моего розовенького мяса,

создавая на коже разрыв первого рода...

Я лежал в обнимку с пропитанной потом простыней, уставившись в потолок красными глазами, воткнутыми в глазницы разгорячённого тяжёлого черепа. Меня окружало что-то белое, прозрачное, яркое, тёплое... Я никак не мог понять, что это.

Это наступило утро.

Один мой знакомый, вернее, отец знакомого, солидный мужчина лет сорока пяти, рассказывал, что плохо спит каждый год в январе и июне. Ему снятся кошмары о том, что завтра нужно сдавать экзамен, а он забыл подготовиться. Он говорит, что нет ничего страшнее, чем в такие ночи проснуться и начать лихорадочно соображать, сон это или нет. Мне кажется, что теперь, когда я видел нечто пострашнее, чем экзамены, мне такие кошмары не грозят, но зарекаться не буду.

...Всё в этой аудитории было деревянным – отделка стен, столы, доска, ступени, ведущие к месту экзаменатора. Он сам – стареющий крепыш в роговых очках, с огромной лысиной, которую пересекали несколько волосков, имитирующих причёску – тоже чем-то походил на дерево. Скорее всего, смугловатой морщинистой кожей, напоминающей изъеденную насекомыми кору.

Ряды деревянных скрипучих столов взбегали ввысь, словно трибуны, полупустые с самого начала экзамена, а сейчас и вовсе осиротевшие. Кроме меня, оставалось человек пять. С билетом мне не повезло. Первый вопрос – характеристики

случайных величин – проблем не предвещал, но вот второй – эргодичность и перемешивание – у меня не вызывал никаких ассоциаций. Поэтому я сидел на своём месте, царапал ручкой невнятные узорчики на листе бумаги и никак не мог решиться пойти сдавать.

Девушка возле экзаменатора вдруг резко встала, с грохотом отодвинув стул, улыбнулась и взяла зачётку. Судя по всему, пятёрка. Везёт же людям...

Профессор поднял глаза прямо на меня:

– Ясоний, сколько можно сидеть? Подходите, отвечайте.

Я хотел возразить, но понял, что это ничему уже не поможет, и смиренно поплёлся по ступеням вниз. В помещении сильно штормило, и стены скрипели от качки. Я унял дрожь в коленях и опустился на стул.

– Что-то плохо вы, Владимир, на лекции ходили, – сказал профессор. – Болеее часто?

– Э... Как когда, – ответил я, при этом силясь вспомнить имя и отчество профессора Тургенева.

– Ну ладно, давайте. Рассказывайте первый вопрос.

Я начал рассказывать. Профессор вяло кивал, и у меня сложилось впечатление, что он едва не засыпает. Внезапно он остановил меня:

– Ну, хорошо, достаточно. Что там по второму вопросу?

– Эргодичность.

– Хорошо. Какое преобразование называется эргодическим?

В моей голове начался истерический мыслительный процесс. Если есть преобразование, то оно что-то во что-то преобразует. Что-то – значит, множество. То есть одно множество в другое.

– Э... Ну, это такое преобразование, которое, во-первых, преобразует множество...

– Так-так... Какое множество?

«О Боже, – подумал я. – Какие вообще бывают множества?»

– Интер... Инвариантное? – сам не знаю, из каких глубин моего сознания выплыло это слово.

– Хорошо. Только начните сначала. Определите инвариантное множество, про меру нужно какие-то слова сказать...

Он явно хотел мне помочь. Но это было бесполезно.

– Множество называется инвариантным, если преобразование «тэ»...

– На чем действует преобразование?

– На вероятностном пространстве.

– Хорошо. Что такое вероятностное пространство?

И пошло-поехало. Я не понимал, что происходит. Он задавал мне вопросы один за другим, не давая ответить. Я путался, говорил какие-то слова, смысла которых не понимал, и, наконец, услышал:

– Ну, хорошо. Чувствую, что читали, но даже не знаю, что вам ставить. Как-то всё у вас неуверенно. Последний вопрос. Чему равна вероятность неизбежного события?

– Нулю! – с облегчением выпалил я, обрадовавшись простому вопросу.

Профессор уставился на меня, не моргая.

– Как? Чему?

– Нулю... – пробормотал я. – Если оно неизбежно, нет у него никакой вероятности...

Профессор хрюкнул, покраснел, размашисто черкнул что-то в зачётке и сунул её мне.

– А может, «пи»? – спросил он, не скрывая злобы. – Может, бесконечности?

– Может... – кивнул я.

– ЕДИНИЦЕ, молодой человек. Зарубите себе на носу! ЕДИНИЦЕ! До свидания, – сказал он, уже успокаиваясь.

Я встал. Кровь отлила от головы, в глазах потемнело. До выхода из аудитории добрался почти на ощупь, затем лестница, солнечный свет, свежий воздух...

– Ничего. Не я первый, не я последний. Сдам осенью. Впереди ещё целое лето. Куча времени, за которое можно как-нибудь умудриться выучить эти тридцать восемь билетов, а если надо, то и семьсот шестьдесят один. Ничего. Всё в порядке, – от разговора с самим собой меня отвлекла полненькая корейка, которая на выходе из университета попыталась всучить мне брошюрку «Как правильно верить в Бога». Я отшвырнул книжечку в сторону и по перепуганному лицу миссионерши понял, что сделал это чересчур злобно. Нервы... Я взял себя в руки и зашагал прочь.

Автобус уносил меня от каменного многоэтажного sklepa, набитого прогнившей древесиной, и я постепенно приходил в себя. Два с лишним месяца начинали казаться достаточным сроком для подготовки к последней пересдаче. Кроме того, теперь я хоть немного представлял себе, что такое эргодичность, да и в целом теория вероятностей уже не выглядела страшной бредятиной.

В конце концов, каждый человек находится в вероятностном пространстве и сам является своим математическим ожиданием. Но, кроме того, у него имеется некоторое среднеквадратичное отклонение, поэтому человек постоянно колеблется вокруг себя, будучи флуктуацией пространственно-временного континуума.

Добравшись до дома, я залез в холодильник, нашёл там кусок чёрствого хлеба, съел, запил водой из-под крана и, доплетаясь до неубранной постели, свалился спать.

Разбудило меня яркое тёплое солнышко, бьющее прямо в окно. Я сел на кровати и понял, что об экзамене уже можно не думать. Меня ждали два с лишним месяца беззаботной жизни. Хотелось: поиграть в кучу компьютерных игр, прочитать пару десятков книжек, усовершенствовать свой английский, а заодно поизучать французский и итальянский, посмотреть в десятый раз «Звёздные войны», убраться в квартире, постирать все носки, попрограммировать, погулять, порисовать чёртиков, послушать музыку, купить, наконец, соль, позвонить Тамаре, помыться, побриться, поесть, пока-

таться на метро, узнать последние известия, написать письмо родителям, научиться печатать слепым десятипальцевым методом, собирать кубик Рубика, не дышать три минуты и ещё много чего. Короче, всем этим я и собирался сегодня заняться.

Включился компьютер, игра запустилась, и я взлетел с авианосца. Это подтверждала надпись на мониторе: «take off» – взлёт то бишь. Я опустил глаза в книгу и, пока автопилот выравнивал самолёт, прочитал пару абзацев «Звёздного десанта», краем глаза поглядывая в раскрытый и лежащий рядом самоучитель французского. Телевизор тем временем демонстрировал магистра Йоду, который поднимал из болота увязший там космический корабль.

Ко мне спереди приближались две ракеты. Я накренился влево и сманеврировал, развернувшись перпендикулярно их курсу. «Поэтому не получается у тебя» – сказал Йода. Эль фэ дё ля жимнастик. Эль э маль а ля тет. Я уклонился от ракет, перевернул страницу самоучителя и отхлебнул кетчупа из бутылки. Динамики магнитолки извергали «I'm losing my favorite game», а мне пора было обстреливать радар. Жизнь начинала казаться не такой уж плохой, тем более что в ванной стирались носки, а завтра должен был начаться ещё один свободный день, ничуть не хуже сегодняшнего.

Миссия была выполнена, я возвращался на базу. Вив ля Франс!

«Ну вот», – скажет кое-кто из читателей. – «Шла нормальная глава, а тут вдруг, откуда ни возьмись, три козявки». И будет ждать объяснений. А я не мастер насчёт объяснений... Ой, нет, это не мои слова. В общем, начиная именно с этого момента, характер моего повествования несколько меняется, но если я начну вдаваться в подробности, то получится, что я опять же забегаю вперёд. Так что лучше я не буду ничего объяснять, а продолжу. В конце концов, захотелось мне козявок, вот и поставил, и ровно три штуки, потому что такая уж у меня прихоть, или, если хотите, авторское право.

Много говорят сейчас об авторских правах, законов разных напридумывали, а, на мой взгляд, у автора есть только одно неотъемлемое право – писать, что он хочет, и надеяться, что его поймут.

Итак... Ровно как и вчера, я нежился в уютной тёпленькой постели, под лёгким ласковым одеялом, а из окна снова светило летнее озорное солнце. И на мгновение я засомневался, новый ли это день, или я забыл пережить вчерашний.

Я сел в кровати и осмотрелся. Компьютерный стол, покрытый слоем нетронутой пыли и обшарпанный на углах, стенка с ровными рядами книг и старым лупоглазеньким телевизором, коричневые шторы, которые отползли в сторону, открыв свету путь через прозрачные стекла, кровать, журнальный столик на тонких ножках, увенчанный магнито-

лой и кипой журналов, кресло с гнутыми подлокотниками, дверь, снова компьютер – я видел это сотню, нет, сотню тысяч раз, но сейчас всё выглядело по-другому. Нет, определённо вокруг за ночь произошли неуловимые изменения, я готов был поклясться в этом на томике Хайнлайна, но не мог определить, какие именно.

А может быть, я сам стал новым, не таким, как вчера? Я осторожно поднялся с кровати. Прислушался к себе. Внутри бежала кровь, билось сердце, урчал желудок. Всё, как и обычно. Подойдя к окну, я увидел, что по-прежнему нахожусь на пятом этаже своего дома. Впереди за деревьями виднелось мрачноватое здание школы-интерната, за ним – Сетунь, а дальше – университет. Над шпилем МГУ медленно плыл флаер. Солнечный свет заливал всю улицу, просачиваясь сквозь листву, и ложился на асфальт пёстрым узором, а под окном сонно ходили люди.

Я зевнул, почесал затылок, потом решил, что размышлять тут не о чем, и сделал короткую, но энергичную зарядку. Проследовал в ванную, взглянул на себя в зеркало. Я бы не удивился, если бы увидел там нечто необычное, но, конечно же, в очередной раз это оказалось моё собственное отражение. Слегка припухшее ото сна лицо, взлохмаченные волосы... Я напрягся и пригляделся к лицу человека в зеркале, улавливая в себе смутное беспокойство, но так и не понимая причины. Может быть, кожа стала свежее и чище? Может быть, взгляд немного увереннее? Может быть, я просто вы-

спался лучше, чем обычно? Ладно, проехали...

Почистив зубы и умывшись, я пришёл на кухню и принялся шарить в холодильнике, довольно скоро обнаружив, что у меня не осталось абсолютно ничего съедобного. Полная опись содержимого холодильника сводилась к пустой банке из-под огурцов, сгнившей картофелине и заплесневелой горбушке хлеба.

– Так жить нельзя, – произнёс я и быстро собрался в магазин, взяв из книги в комнате тысячную купюру.

Стены подъезда, всё так же покрытые надписями, сегодня выглядели чуть более шершавыми и не такими влажными, как прежде, и это тоже показалось мне необычным. А в почтовом ящике опять угадывался белый конверт.

Это меня насторожило уже окончательно. Не могли родители писать мне письма два раза в неделю. Нахмурившись, я открыл ящик, взглянул на конверт и понял, что это не от родителей. На нём вообще не было обратного адреса.

Собственно, и адрес получателя, то есть мой, был обозначен весьма условно – «Планета Земля, Ясонию», так что совершенно непонятным становилось, как письмо вообще добралось до моего ящика, учитывая качество работы нашей почты. Повертев конверт, однако, я не нашёл и традиционного почтового штемпеля, только маленький красный в углу, где мелким шрифтом по кругу было написано «П/О Эгозона-1».

Поразмыслив, я дал этому два возможных объяснения:

либо надо мной пытались подшутить, либо в конверте лежали споры сибирской язвы. Подняв конверт над глазами и посмотрев на просвет, я увидел только исписанную сложенную пополам бумажку, так что решил рискнуть здоровьем и вскрыть письмо.

Шутки бывают разные. Помнится, мне рассказывали, как один парень в общежитии никак не мог понять, что случилось с его электрической плиткой. Вставляет в розетку – свет вырубается, все вокруг орут, надо бежать в конец коридора и щелкать пробками. Он несколько раз перебрал плитку по винтикам, но не нашёл никакого замыкания. Опять вставляет в розетку – снова крики на весь этаж. Потом догадался разобрать вилку и увидел, что её ножки обмотаны толстой медной проволокой. Чуть соседа по комнате не убил за такую шутку.

Достав листочек из конверта, я понял, что если это и была шутка, то довольно специфическая. На бумажке ужасно корявым почерком было написано: «Каранзима ременди трапсканци убывлато городису крах мнеторвалы...» и в таком же духе две страницы. Единственное слово, имеющее смысл – «крах» – повторялось в письме раз семнадцать, а заканчивалось послание подписью «К.Рах» и длинным заковыристым росчерком.

Я погадал с минуту, кто бы мог подбросить мне подобное письмо. Друзей у меня не было. Одного группников я вряд ли интересовал настолько, чтобы они специально сочинили

этот бред, приехали ко мне и положили конверт в почтовый ящик. Кто-то из соседских детей? Возможно, хотя это тоже плохо укладывалось в голове. Я махнул на всё рукой и продолжил путь, прихватив дурацкое письмо с собой.

Огибая угол дома, я всё ещё думал, что иду в магазин. Но на улице моё сознание вдруг посетила странная уверенность, что мне туда не нужно. Ни к чему это. Ничего там, в магазине, не было хорошего. С чего я взял, что должен туда идти?

Я топтался на месте напротив автобусной остановки с табличкой «Интернат» и пытался собраться с мыслями. Наконец я понял. Моя цель – старый белый дом за забором. Определённо. Стопудово. Непременно. Я направил шаги туда – сначала неуверенно, потом чуть быстрее. Решётка забора приближалась. Я подумал, что меня всё равно не пустит охрана, однако беспрепятственно минул калитку и начал спускаться по длинной дорожке вниз. Охранника то ли не было, то ли он не обратил на меня внимания.

Интернат полз навстречу. Я впервые находился так близко, хотя и прожил по соседству больше двадцати лет. В нём было четыре этажа. Высокие узкие окна. Рамы старые, деревянные, перекрашенные много раз. Здание состояло из нескольких корпусов – кажется, трёх – соединённых переходами. Угол одного из них, главного, я сейчас обходил, приближаясь к ступеням крыльца. Я уже видел впереди коричневатую двустворчатую дверь, к которой меня буквально тянуло...

Я медлил, предчувствуя нехорошее, и никак не решался подойти к двери, как вдруг она распахнулась сама, и из здания стремительным прыжком вырвался – ну кто бы мог подумать! – огромный тигр. Я ойкнул от неожиданности и шарахнулся в сторону. Тигр же, гигантский, мощный, грациозный – хотя тогда мне такие эпитеты бы и в голову не пришли – остановился в каких-то нескольких метрах от меня, так что я мог видеть, как шевелится на ветру его полосатый длинный мех, как вздуваются его ноздри, как морда поворачивается в мою сторону...

Моё сердце готово было выпрыгнуть наружу. Я не мог решить, то ли бежать, то ли наоборот, стоять неподвижно. Я чувствовал, как по лицу заструился ручеёк пота. Мне вдруг показалось, что всё это не совсем реально, и тигр – не настоящий, а просто очередная компьютерная графика... Он смотрел на меня пару секунд своими щелевидными зрачками, затем усмехнулся и засеменил мимо меня к калитке. Я был уверен, что он именно усмехнулся, хотя и не знал, усмеваются ли тигры вообще.

В оцепенении я стоял ещё минуту или две. Мне определённо не померещилось. Но я обязан был найти для себя объяснение. Возможно, тигр сбежал из зоопарка. Или из цирка. Или его привезли из Африки богатые торговцы алмазами, поигрались немного и отпустили на волю, когда он надоел. Тигра вполне могла привлечь эта школа, полная молодого мяса... Хотя нет, вряд ли, каникулы же.

Я встряхнул головой, приходя в себя. Ну ладно – тигр, какие вопросы к животному, но я-то что здесь делаю? Был один способ это выяснить. Я поднялся на крыльцо и решительно открыл дверь. Затем другую дверь – у здания оказался тамбур.

Я очутился в холле. Пол был выложен кафельной плиткой, на стене висели стенды из деревянных реечек, а слева, со стороны лестницы, ко мне приближался подтянутый пожилой человек с жидковатой седой бородкой, одетый в элегантный белоснежный костюм и такого же цвета шляпу, надвинутую на лоб. Несмотря на улыбку и доброжелательный прищур в глазах, похоже, он был слегка растерян.

– Здравствуйте, – сказал я машинально.

– Вам кого? – спросил старик со странной утвердительной интонацией, при этом протягивая ко мне руку.

– Да мне, собственно... – начал мямлить я.

– Э... Кхм... – пробормотал он нерешительно, затем вдруг опустил глаза, заметил в моей руке конверт и отчего-то рассердился. – Знаете что? Отдайте-ка это!

Он вцепился в письмо рукой и потянул к себе. Я ничего не понимал, но автоматически стиснул пальцы и заскользил на кафеле. Две секунды продолжалось бессмысленное перетягивание конверта, а затем с головы старика свалилась шляпа, и тут я чуть не умер от ужаса.

Я много раз видел подобное в фильмах. Но одно дело – экран телевизора, и совсем другое, когда в полуметре от те-

бя стоит живой человек, у которого во лбу зияет огромная дыра с неровными краями, и за ней ничего нет, кроме чёрной бездонной пустоты... Впрочем, в ту же секунду из дыры вылетел маленький розовый шарик.

Я, кажется, поймал его на лету, отчего выронил конверт. Ноги сами вынесли меня из интерната, и я помчался прочь, едва не врезавшись в дерево.

– Володя! Куда же вы? – слышалось сзади, и факт, что старик знает моё имя, подхлестнул меня ещё сильнее. Дорога, подъезд, лестница пролетели мимо за пару секунд. Оказавшись в квартире, за запертой дверью, я почувствовал, что можно отдышаться.

Мои руки мелко тряслись. Я только тогда заметил, что всё ещё сильно, до боли в костяшках, сжимаю пальцами шарик – просто сферический кусок розовой пластмассы, на котором было написано черным маркером: «К. Рах».

Но это могло означать только одно – я схожу с ума. Я выронил шарик из рук и в шоке опустился на пол.

Глава 1. Гибель Конотопа

Человечество пока ещё не умеет лечить болезни. Ну, разве что самые примитивные, вроде насморка или ангины, которые и лечить-то не нужно. Всем ведь известно, что лучшее лекарство от насморка – подышать ледяной водой, а от боли в горле – симхасана, так что никакие медикаменты не требуются. Люди так и не умеют бороться ни с раком, ни со СПИДом, ни с диабетом, и так называемое лечение зачастую

сводится к удалению поражённого органа либо насыщению его ядами в надежде на то, что в нём усилится иммунитет.

Поэтому люди довольно неплохо приспособились к недугам уживаться. Человеку без ноги помогает протез, близорукому – очки, начинающему диабетика – манинил, подхлёстывающий умирающую поджелудочную железу. Если у вас плохая память, вы носите с собой блокнот, если плохой слух – слуховой аппарат, а в случае фобии вы можете просто избегать источника своих страхов.

Хуже дело обстоит с серьёзными душевными заболеваниями. Во-первых, больной может о своей болезни не знать или же не верить, что он болен. Во-вторых, к душевной болезни очень сложно приспособиться, потому что не знаешь, чего от неё ждать. А в-третьих, невозможно становится доверять самому себе.

Я сидел на полу возле двери и пытался понять, что из того, что я видел – правда, а что мне только почудилось. Если я сходил с ума, то насколько? И что мне стоило делать дальше – смириться, попытаться жить с этим, идти к врачу или сразу наложить на себя руки?

Наверно, мне грозило в скором времени провозгласить себя Наполеоном, начать ходить в туалет, не снимая штанов, а если бы вернулись из Африки родители, я бы застрелил их, приняв за вампиров... На этой мысли я немного успокоился,

так как вспомнил, что у меня нет ни пистолета, ни серебряных пуль.

Начал я с того, что поднялся с пола, прошёл в комнату и отыскал на полке потрёпанный медицинский справочник. Полистав его, я убедился, что у меня присутствуют симптомы сразу всех форм шизофрении. Галлюцинации – есть, неадекватные эмоции – есть (я же испугался несуществующего тигра), ступор и интенсивное возбуждение, пожалуй, тоже бывают, а уж слова «поведение больного неправильное» – это просто писалось с меня.

Но с чего я вдруг заболел? В роду, насколько я знал, душевнобольных не было, хотя наверняка сказать это было трудно из-за детдомовского прошлого отца. Психологических травм я не переносил – не считать же травмой разговор с Тamarой или проваленный экзамен. Может быть, всё дело в том, что я уже пару недель практически не ел? Может быть, меня просто глючило с голодухи?

Я встал. Кровь стучала в голове, перед глазамиплыли чёрные шершавые круги, похожие на автомобильныепокрышки. Розового шарика на полу видно не было. Одно из двух – либо он куда-нибудь закатился, либо его не существовало в реальности. Ну что же, критический взгляд на своё душевное здоровье – это первый шаг к выздоровлению. А второй – это правильное питание. В конце концов, до мага-

зина я ведь так и не дошёл.

Я только сейчас почувствовал, как хочу есть. Чёртова теория вероятностей, будучи лженаукой, всё-таки умудрилась притупить моё восприятие действительности до такой степени, что я забыл о своих важнейших физиологических потребностях.

Надо было идти в магазин. Но решиться на это стало теперь намного сложнее. Там, в мире за дверью, прятались ухмыляющиеся тигры и старики с дырами во лбу, а может, и кто пострашней...

Я посмотрел в глазок. Ни души. Осторожно повернул ручку замка и приоткрыл дверь. На площадке было пустынно и тихо. Я выскользнул наружу и начал спускаться вниз.

Лестницы. Ряд упорядоченных в пространстве плоских поверхностей, предназначенных для подъёма и спуска человекоподобных существ. По ним удобно передвигаться в вертикальном направлении, если у тебя две ноги и ты среднего роста. Если бы люди рождались преимущественно с колёсами вместо ног, то место лестниц заняли бы пологие спуски, а если бы умели летать, то лестниц бы и вовсе не существовало. Но, поскольку человечество в своём большинстве ходит на задних конечностях и не имеет надёжных когтей, чтобы цепляться за наклонную плоскость, лестницы остаются лестницами.

Вот и моя тоже. Я спускался по ней, должно быть, уже несколько тысяч раз, и она практически не менялась, всё так

же отзываясь лёгкой вибрацией на стук моих шагов. Кое-где, конечно, стирались углы ступеней, на стенах по пути моего следования появлялись новые надписи, но, в общем и целом...

Я похолодел. Совсем недавно на том месте, куда уставился мой озадаченный взор, располагалась корявая надпись «Лысый – лох», исполненная в классической технике выщарапывания на штукатурке. Теперь же я видел только гладкую девственно чистую стену, и пытался понять, как же такое возможно.

Очевидно было, что стену никто не красил, а другого способа бесследно удалить нацарапанные буквы не существовало. Значит, я что-то путал. К примеру, раньше надпись располагалась на третьем этаже, а я сейчас был... На каком?

Я приблизился к перилам и бросил взгляд вниз, отчего ментально закружилась голова. Лестница уходила вниз бесконечной угловатой спиралью, теряясь в сумрачной пугающей бездне.

– Это сколько же этажей? – произнёс я вслух. – Сто?

Я вцепился в перила и попытался успокоиться. Всё это могло иметь объяснение. Например, это не мой дом. Или у меня не все дома. Или... Нужно было просто идти дальше.

Я медленно спускался вниз. Рука скользила по стене. Мне показалось, что стало темнее. Наверно, на улице солнце зашло за тучу. Лестница подрагивала под моими шагами, и я ощущал, как эта дрожь отдаётся в бетоне, заставляя покачи-

ваться пространство вокруг.

Я старался не смотреть вниз. Просто шёл, погружаясь всё дальше и дальше в темноту и стараясь сдерживать всё уско-ряющееся биение сердца. Мне казалось, что, внизу, в глуби-не, меня ждёт огромное и страшное чудовище, готовое сца-пать меня за ногу своей зубастой пастью...

Я вздрогнул, услышав рядом с собой тихое сопение. Оста-новившись, прислушался. Тишина. Должно быть, это дышал я сам. Но тут же из-за стены послышался сдавленный, недоб-рый смех. И на штукатурке прямо перед моими глазами про-ступила надпись, размашисто процарапанная гвоздём или когтем: «Варгнаттубогариттул – лох».

Это было уже слишком. Я быстро понёсся по лестнице вниз, делая виток за витком по спирали. Почтовые ящики. Дверь. Улица. Мне в глаза ударил яркий свет. Я отбежал от подъезда и обернулся назад. Обычная серая хрущёвка, в которой я жил много лет. Никаких дополнительных эта-жей, никаких телескопических подвалов или раздвигающих-ся крыш.

Я огляделся. Пара прохожих, спешащих по своим делам. Пустая алюминиевая банка возле корней пёстрой берёзки. Гул машин, проезжающих за соседним домом. Всё так, как и должно было быть. Но я уже понимал, что мир только ка-жется привычным и безопасным.

Обойдя свой дом, я поднялся на крыльцо магазина. Боко-вым зрением заметил, что школа-интернат по-прежнему на-

ходится на месте. Вошёл в магазин. Приблизился к витрине.

Подход к выбору продуктов у меня всегда был простой. Я покупал то, что легко приготовить. Конечно, правильнее употреблять пищу, полезную для здоровья. Но когда ты молод и ещё не очень почувствовал, что означает это самое здоровье, то выбирать трудно. Углеводы ведут к ожирению, орехи засоряют кишечник, свинина забивает жиром сосуды, молоко может вызвать расстройства желудка, перец разрушает печень и только глутамат натрия безопасно выводится из организма. Так что я не очень обо всем этом задумывался.

– Слушаю вас, – сказала полная женщина, стоящая по ту сторону прилавка.

– Э... Пельменей вот этих полкило. Сосисок штук десять. Рис. Кетчуп. Макароны такие спиральками. Соль. Хлеб чёрный.

– Соли нет, – отрезала продавщица.

– Нет? А вместо неё ничего... То есть... Ну ладно, – я положил перед ней тысячную бумажку.

– Не знаю, наберу ли сдачи... – пробормотала она, и стала толстыми пальцами, похожими на гнилую морковь, копать в ящиках кассы. Я тем временем складывал всё в пакет, думая про себя, что сегодня необычный день, который явно добром не кончится.

– Вот, держите. Можете не пересчитывать.

Я поднял глаза. Передо мной на прилавке стоял огромный полиэтиленовый пакет, набитый мелочью. Насколько я мог

видеть, преимущественно рублями.

– Что это? – спросил я упавшим голосом.

– Сдача. Семьсот шестьдесят один рубль, – продавщица улыбалась и смотрела прямо мне в лицо своими заплывшими жиром озорными глазками.

– Э... А покрупнее... Ну ладно... Спасибо.

Я уложил пакет с мелочью поверх сосисок и поплёлся во-свояси. Добрался до квартиры, на кухне рассовал продукты по углам, мелочь в пакете оставил на столе и подумал, что всё-таки нужно раздобыть соль.

Я вышел на площадку, не запирая дверь, и позвонил соседу напротив. Первую минуту никто не открывал, потом я услышал приближающиеся шаги и шорох.

– Кто там? – спросил голос Шуры из-за двери.

– Это я, Владимир. У вас нет случайно соли?

Клацнул замок. Дверь приоткрылась. В щель высунулась бритая голова. Шура некоторое время меня разглядывал, словно пытаюсь узнать, потом открыл дверь пошире и сказал:

– Ну, проходи, сосед. Как нос?

– Нормально, – ответил я, ещё не успев вспомнить, при чём тут, собственно, нос, и вошёл. Вернее, протиснулся, потому что прихожая до самого потолка была заставлена ровными рядами красного кирпича.

– Ремонт делаете? – ляпнул я почему-то.

– Нет, кирпичи коплю. По несколько штук в месяц. Хочу дом построить, – ответил Шура, не оборачиваясь. Он, оде-

тый в тёмно-синий спортивный костюм, двигался на кухню. Я шёл за ним. Мы миновали вход в комнату, и я увидел, что она вся сплошь забита кирпичами, не считая маленького пространства возле стены, где стояла железная койка.

– А не проще деньгами копить? – поинтересовался я.

– Деньги я пропью. Или украдут. Кирпичи унести труднее.

Мы оказались на кухне. Шура пролез между двумя стопками кирпичей, вынул пару штук из ряда и просунул в отверстие руку. Через мгновение он извлёк оттуда килограммовую пачку соли.

– На, держи. Только отдашь обязательно. Можно солью. Можно кирпичами.

Он посмотрел на меня кислым взглядом, словно спрашивая: «Ну, чего тебе ещё надо?»

– Спасибо. Отдам, конечно. Просто в магазине нет... – пятась, я продвигался к выходу из квартиры.

– Не за что.

Дверь захлопнулась. Я вернулся к себе. Прошёл на кухню, пристроил соль в шкафу. Поставил воду под пельмени. Задумался.

Неужели мозг человека настолько ненадёжная и хрупкая субстанция, что может выдавать абсолютно ложные данные только потому, что получает недостаточно энергии? А где же диагностика, сообщения об ошибках? Неужели нельзя у сумасшедшего на лбу зажигать специальное предупреждение: «Словам и действиям данного индивидуума в текущий мо-

мент доверять нельзя, системные сбои». Я сразу вспомнил старика с дырой в голове и поморщился.

Выловив всплывшие и вдоволь побултыхавшиеся в воде пельмени на тарелку, я с удовольствием заглотил их один за другим и попытался понять, стало ли мне лучше. Осмотрелся и с удовлетворением отметил, что никаких аномалий вокруг не наблюдается – обычная газовая плита, холодильник, мойка, стол, на котором стоит пустая тарелка, измазанная кетчупом, и пакет мелочи. Кстати, надо было её пересчитать.

Я развязал пакет и стал раскладывать монетки столбиками. Кроме рублей, там оказались ещё полтинники, двух- и пятирублёвки, копеечки и десятикопеечные монеты, то есть практически полный ассортимент металлических кружочков, находящихся в денежном обращении.

Раскладывание монеток меня успокоило и привело в расслабленно-мечтательное состояние. Всё было хорошо. Если я и сходил с ума, то не в данный момент. Вот лежит себе столбик рублей и лежит, никуда не девается. Я водрузил сверху ещё один рубль и увидел, как он соскользнул на стол. Должно быть, криво положил. Поднял его со стола и вернул на место. Монетка упала вновь. Я осторожно, сосредоточенно взял её двумя пальцами и положил на вершину столбика. Столбик рассыпался, и монетки раскатились по столу. Это была уже полная чертовщина.

Я начинал злиться. Снова собрал рубли в горсть и стал укладывать один на другой. Нижний в столбике рубль вдруг

подпрыгнул, и остальные снова свалились с него на стол. Затем подпрыгнул и развалился соседний столбик – с двухрублёвками. Тут же раскатились полтинники. Зашевелился пакет с оставшейся мелочью, и из него выпрыгнуло несколько монеток. Через мгновение по столу уже скакало несколько десятков безумных блестящих кусков металла, а я пытался поймать их и уложить обратно.

Мне подсунули сумасшедшие деньги. Недаром мне не понравилась продавщица. Сколько живу, а ни разу её в этом магазине не видел. Точно. Это она всё подстроила.

Я встал. Монетки танцевали на столе замысловатый танец, кружась, катаясь, звеня и подпрыгивая. Я вышел с кухни и закрыл за собой дверь. Услышал, как с той стороны об неё ударились несколько монет, словно бы брошенных чьей-то рукой.

Я зажал себе уши, закрыл глаза. Постоял немного, повторяя про себя: «Этого не может быть, этого просто не может быть». Открыл глаза. Убрал руки от ушей. Прислушался. Тишина. Направился в комнату. Нет, я не мог просто так свихнуться. Надо было взять в себя в руки и найти всему объяснение.

– Этого не может быть, – произнёс я ещё раз на пороге комнаты и замер как вкопанный.

На моём диване, поджав под себя лапы, лежал огромный амурский тигр – похоже, тот самый, которого я видел вчера. Он смотрел на меня и довольно улыбался. Его хвост спус-

кался с дивана на ковёр и был неподвижен, за исключением белого мехового кончика, который слегка покачивался то вправо, то влево. Я уже собирался было страшно перепугаться, но тигр опередил меня, раскрыв пасть и произнеся молодым человеческим голосом:

– Можете и в меня не верить. Я вам обещаю, что в ближайшие дни здесь будет твориться совершеннейший бред.

Конечно, учитывая опыт всей моей предыдущей жизни, разумнее всего было предположить, что тигр не мог быть настоящим. Но я видел, как колыхается от дыхания его брюхо, как блестят зрачки и шевелятся усы, и всё это вместе выглядело настолько реально, что я боялся тигра. Ему достаточно было совершить всего один прыжок, и я бы оказался в его когтистых лапах... Но... Он же ещё и говорил!

– Меня зовут Василий Иннокентьевич, – произнёс тигр. – Да не тряситесь вы так, не собираюсь я вас есть. И в квартиру я вошёл только потому, что вы дверь забыли закрыкрыкрыкрыррр...

С тигром что-то произошло. Некоторое подобие нервного тика пробежало по его телу, вздыбливая шерсть. Хвост внезапно задымился и скрючился, изобразив перевёрнутый знак вопроса. Тигр зажмурился на секунду, потом продолжил:

– Не обращайтесь внимания на то, что я говорю – у меня неисправности в устройствах ввода-вывода. Меня зовут Конотоп Рах, если я, конечно, не ошибаюсь.

– Вы... Я... – заговорил я, наконец. – Это же невозможно!

– Ой, заладили... Запомните – возможно всё, что вы можете себе представить, и даже то, что вы представить пока ещё не можете, но... О чем, бишь, я? А, да...

Тигр вдруг привстал и потянулся, как кошка, отчего диван жалобно скрипнул. Затем он спрыгнул на пол и сделал шаг по направлению ко мне. Я мысленно напрягся, но пока ещё оставался стоять на месте.

– Я всего лишь хочу, чтобы вы произнесли одно слово, – продолжал тигр. – Ничего страшного, просто одно непонятное вам слово из девятнадцати букв...

– За... чем? – выговорил я.

– Ну, какая вам разница-ца-ца-ца-ца-ца-ца, – его, похоже, опять заклинило, и он замолк на пару секунд. – Так надо, уверяю вас. Если вы не произнесёте его вовремя, очень много плохого может произойти.

Тигр сделал ещё один шаг ко мне, и я почувствовал, что из его пасти пахнет несвежей рыбой. Я отодвинулся к шкафу и начал потеть.

– И что же за слово? – уточнил я.

– «Естрементеракориндо», – сказал тигр. – Видите, как просто – я могу его произнести. А вы?

В моей голове вертелась сотня разных мыслей. Во-первых, я думал о том, что этого не может быть. Во-вторых, что это розыгрыш дрессировщика-чревовещателя. В-третьих, что это голограмма. В-четвёртых, что этого всё-таки не может быть. А в-пятых, кажется, я нащупал стакан.

Я резко метнул стакан в тигра, надеясь, что он пролетит сквозь него, и я пойму, что тигр – всего лишь призрак... Стакан врезался прямо ему в лоб и превратился в брызги воды, которая тут же потекла по его морде и закапала на пол.

– Слушайте, – произнёс тигр поникшим голосом. – Я сейчас обижусь... Я всё-таки известный учёный, а не мусорное ведро...

– Простите, – пролепетал я. Его мокрая морда и правда вызывала жалость.

– Не надо никаких «простите», – ответил тигр. – Скажите лучше «Естрементеракориндо», и я вам всё прощу.

Я раскрыл рот, чтобы произнести это заковыристое слово, но вдруг подумал, что, должно быть, выгляжу сейчас странно, стоя посреди пустой квартиры с перепуганным видом, ведь никакого тигра на самом деле нет. И ещё глупее слушаться его просьб и говорить тарабарщину только потому, что мне показалось, будто бы воображаемый тигр с идиотским именем Конотоп Рах этого хочет.

– Ну, что же вы? – Конотоп поднял на меня морду, и его щелевидные зрачки напряжённо сузились. – Чего вам стоит? Вы же в день произносите сотни слов – «мама», «папа», «динамит», «реструктуризация», «Тьмутаракань». Что вам стоит немного напрячься и добавить к этому бессмысленному ряду ещё одно, настолько же бессмысленное, слово?

Я слушал тигра рассеянно, потому что увидел, что на полу возле самой моей ноги стоит прислонённый к шкафу топор.

– Скажете? – с надеждой в голосе спросил тигр.

– Нет, – ответил я.

– Эх... Ну почему Вам Кого выбрал именно вас?

Он вздохнул и опустил взгляд в пол, предоставляя мне шанс, который я не мог упустить.

Молниеносно схватив топор, я замахнулся и резко обрушил его на затылок тигра. Череп, покрытый полосками разноцветной шерсти, звонко хрустнул, и брызнула кровь. Тигр издал короткий всхлипывающий звук, его тело покачнулось и шлёпнулось на пол, словно набитая костями шкура. Серая густая жидкость вытекла из раны на голове и слилась с узорами ковра.

Я выпустил из рук топор, отвернулся и, покачиваясь, пошёл в ванную.

Снял рубашку, покрывшуюся спереди красными мелкими точками. Открыл кран. Кровь с моих рук стекала в сливное отверстие вместе с тёплой водой. Я посмотрел в зеркало. Несколько капелек крови остались на лбу и щеке. Я вытер их, и теперь вроде бы ничто не напоминало о происшедшем. Кроме того факта, что в моей комнате лежал окровавленный топор и труп тигра.

Стоп. Я замер и нахмурился. Откуда в моей комнате взялся топор? Ну, вроде бы был у отца топор, зарытый глубоко в кладовке, но ведь я его сто лет не видел...

Я сбрызнул лицо холодной водой и уставился на своё отражение. Нашёл тоже чему удивляться – топору. Тигры тоже

обычно не говорят. И слова «естрементеракориндо» в русском языке не существует.

Я опустил взгляд на бак с грязным бельём. Сверху лежала моя рубашка. Я взял её в руки, развернул. На ней не было видно никаких следов крови.

– Так я и думал, – сказал я вслух. – Я схожу с ума.

Я осторожно двинулся в сторону комнаты. Если бы там снова оказался тигр, я бы не выдержал и, наверно, бросился бежать, куда глаза глядят, пока меня не остановят и не отвезут на белой машине с красным крестом в психиатрическое отделение...

Ковёр был девственно чист. Никакого намёка на труп тигра. Даже запаха рыбы я больше не чувствовал. Я сел на диван и задумался о том, что же мне теперь делать. На стене тикали часы. Большая стрелка на двенадцати часах, маленькая на шести. Правда, не такая уж она и маленькая. У неё был точно такой же размер, как и у большой. Никогда не замечал, что на моих часах две большие стрелки.

Я бросил взгляд на электронные часы на руке. Они показывали «27:61». Это не вызвало у меня удивления, скорее досаду.

Я вздрогнул от звонка в дверь. Пошёл открывать. Замок заело, я провозился с минуту. Открыв дверь, я увидел невысокого молодого парня с животиком, одетого в просторную серую футболку и странного покроя черные брюки. Лицо выглядело добродушным, но было мне абсолютно не знакомо.

– Вам кого? – спросил я и осёкся, вспомнив, что эти слова сегодня уже слышал.

– За что же вы его так? – произнёс парень.

– Кого?

– Да брата-то моего дурного, Конотопа. А если б я вам топором по башке? Нехорошо, честное слово...

Я секунду смотрел на его широкую улыбку. Потом резко захлопнул дверь, чувствуя, как меня охватывает ужас.

– Это никогда не кончится, – прошептал я.

Из-за двери послышался грохот, словно по лестнице скачивался набитый камнями мешок. Я постарался успокоиться и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Заглянул в комнату родителей, убедившись, что там никто не прячется. Пошёл снова к себе. Потоптался возле шкафа, глядя на ряды книг. Уставился на сорок седьмой том Хайнлайна, смутно припоминая, что пару дней назад их было всего двадцать пять.

Сел на диван, взял в руку телефон и набрал номер Тамары.

– Да, – ответила она. Голос был недовольным и сонным.

– Привет.

– О Боже... Ты знаешь, сколько сейчас времени?

– Нет, – честно ответил я. – У меня все часы взбесились.

А что, сейчас ночь?

– Вообще-то да, – ответила она.

– Прости...

Я покосился в окно. С улицы лилось яркое летнее солнце.

– Ну, чего ты хотел?

– Слушай... Я не знаю, что мне делать... Я схожу с ума.

Она некоторое время помолчала.

– Из-за меня, что ли?

– Не знаю... Нет... Со мной происходит что-то странное... Сегодня я говорил с тигром...

– Ну и что? Я вот с деревьями иногда разговариваю. Это нормально.

– Нет, ты не понимаешь. Он был тут, у меня дома. Он говорил со мной... И деньги прыгали по столу. Сами собой. И ещё я видел человека без мозгов...

– Ну, это-то не редкость... – отозвалась Тамара. – Извини. Честно говоря, я спросонья мало что понимаю. Но вообще сходи к психоаналитику, – кажется, она зевнула.

– А чем он мне поможет?

– Ну, не знаю. Хуже-то не будет...

– Ну да... Куда уж хуже... – вздохнул я.

– Я знаю одного, – вспомнила Тамара. – Неверов фамилия. Хороший дядечка такой, бородатый, интеллигентный. Сходи, поболтай с ним.

– А это где? И сколько стоит?

Она продиктовала адрес.

– Недорого совсем. Не волнуйся, он тебя не укусит...

Я услышал звук громкого чиха. Или мне опять почудилось?

– Будь здоров, – сказала Тамара.

– Спасибо. Хотя вообще-то я не чихал. А ты тоже это слышала?

– Ага. Ну ладно. Я спать очень хочу. Сходи обязательно. Давай.

– Пока. Спокойной ночи.

Она повесила трубку. Я тоже. У меня появилась надежда. В конце концов, есть же всякие методы. Гипноз там, ауто-тренинг... Я встал и пошёл на кухню, чтобы ещё чего-нибудь поесть. Всё-таки Тамара, несмотря на всю свою неприступность, была хорошим человеком.

Настроение у меня стало намного лучше.

Глава 2. Как утонул Конотоп

Не зря народная мудрость говорит, что утро вечера мудренее. Наутро я чувствовал себя свежим, отдохнувшим и уверенным в себе. Всё казалось до смешного просто. Я пойду к психоаналитику. Если я болен, он поможет мне вылечиться. Если не болен, то не поможет. Я на секунду задумался о том, как назвать такой подход – диалектикой или метафизикой, но, в конце концов, решил, что это неважно, лишь бы он работал.

С другой стороны, если каждое последующее утро мудренее предыдущего вечера, то вечер должен быть тупее утра, иначе мудрёность будет постоянно расти и превысит предельно допустимую для конкретного человека. Хотя, кто знает – может быть, именно поэтому жизнь ограничена во времени?

Возле метро меня попыталась остановить корейка – неужели та же самая? Да нет, скорее всего, просто похожа.

– Вы верите в Бога? – с надеждой спросила она.

– Я теперь во всё верю, – насупившись, ответил я и увернулся от протянутой брошюры.

Мокрый асфальт поблёскивал на солнце и отражал дрожащие стены домов. Я ёжился от промозглого ветра и двигался вперёд, глядя себе под ноги. Я не помнил, когда прошёл дождь. Скорее всего, его просто не было, как не было и этих луж, норовивших просочиться в мои кроссовки и пропитать водой штанины джинсов. Возможно, не было и меня, который брёл по тротуару мимо влажных стен под серым недружелюбным небом. А может быть, и этого неба не было?

Я надеялся, что это скоро узнаю. Доктор Неверов должен был мне объяснить, что есть на самом деле, а что только кажется. Если, конечно, он сам существовал, а не являлся плодом моего больного воображения.

Я на мгновение замер перед старинной дубовой дверью с золотой табличкой «А.В. Неверов, психоаналитик. 1953 – 2008». Собрался с духом и вошёл внутрь. Поднялся по узкой лестнице с деревянными перилами. Вошёл ещё в одну дверь. Увидел девушку в роговых очках, которая сидела за столом и что-то писала.

– Здравствуйте, – сказал я. – А можно мне поговорить с доктором?

– Да, конечно, – ответила она. – Он свободен. Только

оплатите консультацию. Две тысячи семьсот рублей.

Я положил на стол перед ней две бумажки и водрузил сверху огромный пакет мелочи.

– Только вы осторожнее, – предупредил я. – Они прыгучие. – И, не обращая внимания на её вопросительный взгляд, вошёл в кабинет.

Там было пусто. Два кожаных кресла, одно за столом, другое перед ним. Слева кушетка. На стене репродукция картины, изображающей лестницу, ведущую то ли вверх, то ли вниз. Справа вдоль стены – красная пластиковая ширма. Из-за неё раздался хриловатый мужской голос:

– Присаживайтесь.

Я с лёгким недоумением опустил в кресло.

– Не волнуйтесь, – продолжил голос из-за ширмы. – Вы не будете меня видеть, но я вас внимательно слушаю. Это мой метод. Я считаю, что человеку проще излагать свои проблемы, когда он не видит собеседника, а говорит как бы сам с собой. Итак – что привело вас ко мне?

– Э... – сказал я. – Не знаю, с чего начать... Я вижу такие вещи, которые раньше не видел...

– Например?

– Например, лестницу, которая никак не кончается... Или деньги, которые прыгают по столу... Я понимаю, что всё это нереально, но всё равно вижу, и это меня пугает...

– И это всё? – я уловил в голосе то ли раздражение, то ли нетерпение.

– А этого недостаточно? Представьте себе, что вы идёте по лестнице вниз с пятого этажа, а она всё продолжается и продолжается...

– Вы не хотите мне рассказать ещё что-нибудь? О том, что вы видели?

– Ну... – я замялся, потому что почувствовал в себе сомнение – а не зря ли я сюда пришёл? – Ещё я видел тигра...

– Тигра? На Земле? Забавно... – невидимый доктор рассмехался, и это ещё больше насторожило меня. – Но с этого момента прошу вас быть подробнее. Что он говорил?

– Откуда вы знаете, что он вообще говорил?

– Это моя работа. Продолжайте, пожалуйста.

Какой всё-таки у доктора был противный голос... Как он мог понравиться Тамаре, утончённой и интеллигентной, с таким хриплым и скрипучим голосом?

– Э... Он просил меня произнести одно слово.

– Какое слово?

– Естременте... – начал я.

– Стоп! – вскричали за ширмой, и послышался стук упавшего предмета.

– Что-то случилось? – поинтересовался я спокойно.

– Чуть не случилось, – произнёс доктор, и в голосе звучало волнение. – Ни в коем случае не произносите это слово. Если вы будете идти на поводу у своих галлюцинаций, вы больше никогда не сможете излечиться.

– Я и не пошёл на поводу. Я убил этого тигра.

– Замечательно! Просто здорово! Вы хоть понимаете, что тигры не говорят?

– Да, понимаю... Поэтому я и пришёл, собственно...

– Хорошо. Что ещё вы видели?

– Видел старика с дырой в голове.

– В белом костюме? – голос словно бы куда-то спешил. –

Что он вам говорил?

– Доктор, ну какое это имеет значение? – я начал злиться. – Ведь это всё нереально...

– Именно поэтому это важно. Меня интересует то, что происходит в вашем мозгу. Иначе как я смогу вас вылечить?

– Правда... Простите. Он ничего не успел мне сказать. Я убежал. Он только назвал меня по имени и спросил: «Вам кого?» А может, это просто был сторож?

– Владимир, не волнуйтесь. Конечно, нам нужно продолжить наши встречи, но уже сейчас мне ясно, что вы переутомились. Вам нужно уехать подальше отсюда, в безлюдное место, и пожить там некоторое время...

Я вдруг понял, что здесь что-то не так. Откуда доктор знал моё имя? Откуда знал, что старик был в белом костюме? Я повернулся к ширме и попробовал проникнуть взглядом сквозь неё.

– И не верьте тому, что говорят голоса в голове и ваши видения, – продолжал голос.

Странно. Это всё было странно. Если Тамара тоже разговаривала с Неверовым через ширму, откуда она знала, что у

него борода?

Я встал и тихо, на цыпочках, приблизился к краю ширмы.

– Лучше всего вообще ничему не верить. На всякий случай, – говорил голос.

Я заглянул за ширму. Передо мной, развалиясь в кресле, сидела большая лохматая обезьяна, одетая в строгий серый костюм. За ней, на полу, лежал связанный толстой белой верёвкой бородатый человек с кляпом во рту.

– Ну, какого чёрта, Ясоний? – спросила обезьяна. – Что вы тут забыли? Почему не могли сидеть на месте, как нормальный пациент?

В её лапе блеснул пистолет, дуло которого уставилось на меня.

– Может быть, теперь вы честно скажете, что наплёл вам этот старый маразматик с дыркой в голове? Или вы предпочитаете быструю смерть?

– Что происходит? – спросил я.

– Ничего не происходит, – ответила обезьяна, поправляя красный в белую полоску галстук. – Сейчас я вас просто пристрелю.

– Но... За что? – я прикинул расстояние до двери и понял, что у меня нет шансов.

– За большие заслуги перед Империей Седьмой Плиты...

«Эта обезьяна – псих» – понял я.

– С другой стороны, – сказала она, поднимаясь с кресла, – пристрелить вас я всегда успею, а вот выяснить, что задумала

эта дырявая башка... Есть более эффективное оружие...

И обезьяна достала из кармана мобильный телефон. При этом дуло пистолета опустилось, и я прыгнул на дверь. Она с грохотом раскрылась, выпуская меня в коридор.

– Спасите! – услышал я слева от себя.

Секретарша при помощи папки отбивалась от атакующих её прыгающих монет.

Я кое-как сбежал вниз по лестнице, вылетел на улицу и понёсся прочь, не разбирая пути. «Интересно, – подумалось мне, – произошло бы всё это со мной, если бы я как следует выучил теорию вероятностей?» Я споткнулся о кошку, зацепился за пакет с грушами, который нёс длинноволосый кавказец, и свалился на асфальт. Вскочил снова. Посмотрел назад. Погони не было. Или не было вообще ничего? Я отдышался и постарался прийти в себя.

Так. Нужно было рассуждать логически. Я пошёл к психиатру, потому что не верю, что тигры говорят. Но ведь в говорящих обезьян я тоже не верю. Значит, психоаналитика, с которым я только что разговаривал, не существовало. И за мной никто не гнался.

Сразу стало легче. Я зашагал вперёд, насвистывая гимн то ли России, то ли Советского Союза – сейчас уже и не вспомню. Путь мой лежал через величественный Крымский мост, и я тут же вспомнил, что стропы, на которых он подвешен, образуют вовсе не параболу, как многие думают, а цепную линию, у которой совсем другое уравнение в декартовых ко-

ординатах.

Я встал возле перил моста и посмотрел вниз. Подо мной протекала тёмная река, покрытая рябью. В воде плавали каменные берега Москвы, дома, стоящие рядом, другие мосты, облака и серые тучки, и мне хотелось туда же, к ним. Хотя нет... Ещё пару дней назад я рассуждал, какая монотонная и скучная у меня жизнь. А сейчас, когда в ней случилась такая невероятная флуктуация, я вдруг испугался.

Тут я почувствовал, что стало темнее. В воде подо мной отразилась огромная чёрная тень, размытая рябью в колыхающиеся пятна. Я отшатнулся от перил и посмотрел вверх. В облаках прямо над моей головой висел огромный чёрный треугольник. Он быстро снижался, заслоняя всё большую часть неба, и скоро я начал различать отдельные плиты обшивки, смотрящие на меня дула орудий, вырастающие из днища, открывающийся в брюхе прямоугольный люк... Чёрт побери, да это был космический корабль!

Из люка высунулась чёрная труба, изрыгающая короткий факел оранжевого пламени. В моей голове со скоростью света или даже быстрее понеслись мысли. Если корабль завис надо мной, это было не случайно. И если бы я замешкался хоть немного, то, скорее всего, из орудия, которое поворачивалось сейчас ко мне чёрным отверстием дула, извергся бы огромный снап огня, в мгновение ока превративший бы меня в пепел...

Ещё не осознав толком, что делаю, я легко перемахнул че-

рез перила моста и, охваченный потоком холодного влажного воздуха, полетел вниз, к сверкающей водной глади. Я успел подумать, что это, видимо, и есть конец. Ведь наверняка мне всё померещилось: и корабль, и оружие, и обезьяна-психиатр, а реальны только мост, вода и смерть...

Больно ударившись о твёрдую зеркальную поверхность, я потерял способность понимать, что происходит вокруг, и только спустя некоторое время ощутил себя в толще холодной мутной воды, беспомощно машущим руками и ногами. Я отбивался от неё, наступающей со всех сторон, и глотал, думая, что кричу. Вода щекотала нос, затекала в рот и в лёгкие, и я опускался всё глубже, чувствуя, как погибаю.

Мои ноги вдруг коснулись чего-то мягкого, скользкого, что поднималось из глубины, и я обхватил это ногами, оказавшись верхом на мокром покрытом шерстью существе, которое поднимало меня вверх. Секунда, другая, и моя голова поднялась над поверхностью воды, и я смог, прокашлявшись, вдохнуть немного воздуха.

Я вцепился пальцами в мокрую шерсть и приник к ней.

– Полегче, – сказал Конотоп. – Мне не очень нравится, когда меня дёргают за волосы.

Он плыл к берегу, усиленно работая лапами.

– Спасибо, – сказал я. – Я уж думал, что погиб.

– Ну, это теперь вряд ли случится, – отозвался тигр, сплёвывая воду. – Тем более что я не допущу.

– Странно, – произнёс я, чихнув. – Почему-то я думал,

что тигры не умеют плавать.

– Да? – интонация Конотопа была испуганно-смущённой. – Может быть, и не умеют... Я точно не знаю... Не очень знаком с предметом...

Я вдруг понял, что он погружается.

– Помогите, – заговорил он, захлёбываясь. – Похоже, я тону...

Его спина уходила вниз. Я пытался ухватиться за шерсть на его шее, но она выскользнула, и тигр пошёл на глубину, словно свинцовое грузило, оторвавшееся от лески.

Я некоторое время истерично барахтался, беспорядочно дёргаясь и чихая, затем поплыл, как мог, в сторону набережной. Подобравшись к краю парапета, я увидел возвышающегося на нём человека. Это был тот самый парень, который представился братом Конотопа. В руке он держал оружие, похожее на гарпунное ружье.

– Ну что вы за человек такой? – злобно произнёс он. – Вас надо казнить за жестокое обращение с животными. За что вы его утопили?

Я уже карабкался на парапет. С меня текла вода, и ветер пронизывал до костей.

– Я не топил... – проямлил я. В воздухе сверкнул металл, и я почувствовал, как в моё плечо вонзилась острая игла.

Я хотел подняться на ноги, но голова закружилась, и мир завертелся вокруг, словно картинки в пьяном калейдоскопе.

Я падал на бетонную плиту, но чужие мягкие руки подхватили меня, и я отключился.

Глава 3. Пожар

Издалека доносился звук забиваемых в землю свай. Внизу, в темноте, поскрипывали доски. Пространство ходило ходуном, и я всё никак не мог заставить себя раскрыть глаза, потому что не знал, что меня ждёт там, снаружи моей головы.

Наконец веки разлепились, я увидел свет. Я долго не мог сфокусировать зрение – видимо, действовало то, что мне вкололи. Когда картинка стала более или менее чёткой, я понял, что сижу на пыльном чердаке деревянного дома. Попытался пошевелиться, но не смог. Толстая грязная верёвка обхватывала моё туловище, ноги и руки, крепко прижимая меня к металлическому ржавому креслу. Огромный узел находился на запястье моей правой руки, и конец верёвки, напоминающий поникшую змеиную голову, свисал с подлокотника очень близко к моим пальцам. Я попытался его ухватить, но ничего не выходило – слишком туго была притянута к железке рука.

Я огляделся, благо мог свободно вертеть головой. Деревянный пол был покрыт толстым слоем пыли, на котором отпечатались следы ботинок и, похоже, тигриных лап. Справа на полу среди кучи грязного тряпья валялась металлическая труба. Она бы могла мне пригодиться в драке, но для этого мои руки надо было сначала освободить.

Слева в крыше я видел небольшое отверстие, из которого

пробивался свет, но, сколько ни приглядывался, не мог рассмотреть, что за ним. На одной из стропилин стояло перевёрнутое ведро, заполненное водой. Поверхность воды спокойно себя чувствовала под углом градусов шестьдесят к горизонту. Ведро, которое давно должно было упасть вниз, на пол, тоже не собиралось этого делать. Я зажмурил глаза, потом снова открыл. Вода по-прежнему не выливалась. Чёрт с ней, пора было уже привыкнуть ко всем этим странностям.

В дальнем конце чердака в полу виднелся прямоугольный люк. И как только я его заметил, в нём показалась голова человека. Это был тот самый странноватый парень с детским лицом, который выстрелил в меня иглой. Он поднялся из люка и с улыбкой направился ко мне, неся в руке маленький металлический чемоданчик.

– Пришли в себя? – произнёс он. – Отлично. Конотоп, иди сюда! Он очухался, – и, уже снова обращаясь ко мне: – Хотите узнать новости?

– Какие новости? – спросил я. Мой собственный голос звучал тихо и хрипло.

Парень придал своему лицу совершенно дикое выражение, два раза неуклюже подпрыгнул на месте и заорал:

– Северной Америки больше нет!

Со стороны люка к нам приближался тигр.

– Прекрати, Кентел, он не понимает твоего юмора. Впрочем, как и я.

Кентел отошёл в сторону. Конотоп приблизился ко мне и

посмотрел мне в глаза:

– Ну что же, Ясоний, продолжим наши попытки?

– Может быть, вы развяжете меня?

– Потом – возможно. Сначала «Естрементеракориндо».

Я безуспешно попытался ослабить верёвки.

– Может быть, вы хотя бы объясните, что происходит? Тогда мне будет проще решиться.

Тигр издал звук, похожий на смешок.

– Я не мастер насчёт объяснений. Так что буду кракракра... – он сглотнул что-то и скривил морду. – Короче, времени в обрез, поэтому перейдём на «ты». Всё, что тебе нужно знать – Земля в опасности. Есть два способа спасти её. Первый – сделать её безумной. Что, как видишь, уже происходит. Второй – «Естрементеракориндо».

Он улёгся возле моих ног, не отводя от меня взгляда.

– Слушайте... – пробормотал я. – Но ведь этого же всего нет... Ведь не бывает говорящих тигров, обезьян и стариков с дыркой в голове.

– Бывает, – ответил Конотоп. – И я могу тебе это доказать. Хочешь, я откушу тебе ногу?

Несмотря на то, что я был крепко привязан к креслу, я умудрился подпрыгнуть от неожиданности.

– Нет... – сказал я. – Не надо...

– Тогда просто скажи «Естрементеракориндо».

– Но что это значит? Зачем я должен это говорить?

Конотоп вздохнул.

– Ты слишком много думаешь. Зачем все эти вопросы? За тебя всё давно придумали, и тебе нужно только следовать указаниям... Кентел, дай ему ... р-р... лекарство.

Кентел, до сей поры с отсутствовавшим взглядом сидевший на горе тряпок, открыл чемоданчик, что-то достал из него и приблизился ко мне.

– Откройте рот, пожалуйста.

– Зачем? – спросил я, и он проворно сунул мне в рот маленькую пилюлю.

– Что это? – я нащупал таблетку языком и придвинул к губам.

– Это нужно, чтобы ты стал послушнее, – ответил Конотоп.

Я изо всей силы выплюнул таблетку изо рта. Она выпорхнула в воздух и неторопливо полетела по спирали к потолку. «Сильное магнитное поле», – подумал я.

– Нет, ну что за идиот! – возмущённо выкрикнул Конотоп. – Кто же плюётся лекарствами? Кентел, тащи лобзик. Будем вводить таблетку внутривенно.

– Слушаюсь, господин фельдфебель! – бодро выкрикнул Кентел. Он направился быстрым шагом к люку и исчез в нём.

Через мгновение сарай сотрясло сильным ударом, словно в нижний этаж кто-то с большой скоростью въехал на грузовике.

– Что за чёрт? – недоумённо спросил Конотоп. – Никуда не уходи, – он в два прыжка достиг люка и просочился в него

вместе с хвостом.

Сарай вздрогнул ещё раз. Затем наступила тишина. Я пару раз дёрнулся, пытаюсь ослабить верёвки. Безрезультатно. Вообще-то оказаться на чердаке сарая связанным собственными глюками – это чересчур даже для сумасшедшего. Боже мой, неужели никто не сможет мне внятно объяснить, что происходит? Тигр говорил что-то о том, что Землю пытаются сделать безумной. Может быть, это правда? Уж не знаю, что это значит и как это возможно, но ведь могут существовать какие-то секретные военные технологии... А если тигр не врал, то, может быть, действительно стоит произнести это странное бессмысленное слово? Ну, куда они делись? Я уже готов...

Снизу, под полом, что-то тихо потрескивало. Словно шуршала жёсткая сухая бумага, или невидимые ноги топтались по еловым веткам, или... О Боже... Я почувал запах гари.

– Конотоп! – заорал я. – Кентел! Мы горим!

Никто не ответил. А может, они специально подожгли сарай? Может, они хотят, чтобы я сгорел здесь? Но зачем? Наверно, они просто сумасшедшие. Ну да, надо было мне сразу догадаться... Хотя какая теперь разница? Надо выбираться отсюда!

Я напрягся и задвигал рукой, стараясь расшатать ржавый подлокотник. Пружины подо мной скрипели в такт моим судорожным ёрзаниям, но это был единственный заметный результат. Попробовал другой рукой, потом ногами. Кресло

было прочным.

Тем временем чердак начал заполняться дымом. Я чувствовал жар разгорающегося снизу огня. Похоже, для меня дыхание смерти оказалось горячим.

Чёрт побери, я же совсем молодой ещё! Я ещё совсем не жил. Не завёл семью, детей, не сделал ничего полезного для человечества... Я не хотел умирать!

Тяжело дыша, я извивался, словно уж. Верёвка впивалась в кожу. На запястье выступила кровь. Я вспотел – то ли от огня, то ли от волнения, то ли от активных попыток встать с кресла. Пот как смазка теоретически мог бы мне помочь, но у меня всё равно не хватало сил вырваться из пут.

Я устал и безвольно расслабился. Пусть. Я не мог ничего сделать. Если уж суждено умереть, от этого никуда не уйти. Пол в дальнем конце чердака медленно чернел и покрывался язычками пламени, сначала маленькими, затем всё больше. Огонь побежал вверх по стропилам, а дым лез в нос и глаза, и мне становилось тяжело дышать. Я уже представил себе, как корчусь в пламени, которое пожирает мою кожу и мясо, причиняя нестерпимую боль, как лопаются мои глаза и чернеют ногти...

Огонь окружал меня со всех сторон, приближаясь по доскам пола к моим ногам. Дым заполнял помещение так плотно, что я мог видеть метрах в трёх, не больше. Было жарко, мне казалось, что я плавлюсь. Вот сейчас... Сейчас ближайший ко мне огненный ручей дотечёт до моих кроссовок, на-

бросится на них, и начнётся последняя в моей жизни попытка...

Внезапно зашевелился узел верёвки на запястье моей правой руки. Он приподнялся, качнулся пару раз из стороны в сторону, и я вдруг понял, что это голова. Она смотрела на меня своими маленькими чёрными глазками, напоминающими капли смолы, и словно бы пыталась понимать, что творится вокруг.

– Что такое? – прошипела верёвка тихим тоненьким голосом. – Почему так жарко? – Голова завертелась, оглядываясь вокруг. – Чёрт!!! – По верёвке пробежала волна судорог. – Вы что? Изверги! Я же сгорю!

Верёвка напряглась, ослабляя узел, и с усилием вытащила голову из петли, а затем, быстро заскользив кольцами по мне, стала уползать вниз, в отверстие в полу.

Я, не веря своему везению, вскочил с кресла, сбросив с себя её хвост. Надо было пробраться к люку, но впереди вставала стена пламени. Я приблизился, готовясь прыгнуть сквозь него, но на меня пахнуло таким горячим воздухом, что у меня заслезились глаза, и я понял – это нереально.

– Боже... – пробормотал я. – Но ведь должен быть выход...

И тут вода, которая стояла в перевёрнутом ведре прямо над моей головой, вылилась на меня освежающим душем. Я закрыл глаза и метнулся вперёд, сквозь огонь. Дыхание перехватило, жар заставил стиснуть зубы, по коже пронеслись

струи горячего воздуха. Я споткнулся и, похоже, полетел в люк. Всё ещё с закрытыми глазами я упал на что-то мягкое и обжигающее, подпрыгнул от боли и, вскочив, понёсся наобум сквозь застилающий всё дым. Наверно, с момента, когда на меня пролилась вода, прошло секунд пять, а я уже вылетел через ворота наружу, похлопывая руками по тлеющей рубашке. Упал на траву. Стажил дымящиеся кроссовки. Отдышался. Вроде бы цел.

Присев, я осмотрелся. Сарай полыхал вовсю, и дым поднимался над ним чёрным густым рукавом. За ним вставал лес. Слева простиралась холмистая местность, утыканная кустиками, а вдаль, возле другого клочка леса, виднелась деревня. Справа... Я вздрогнул.

Невдалеке от меня на траве стояло огромное чёрное сооружение в виде распластанного по горизонтали треугольника на тонких металлических ножках. Я узнал космический корабль, который атаковал меня сегодня на мосту. В длину он достигал метров пятисот, если не больше. Блестящий, гладкий, покрытый тонким узором из угловатых линий, он казался каменным. Я не видел в нём окон, зато видел, что снизу и с боков он утыкан огромным количеством трубок, в которых легко было угадать стволы неизвестного оружия. Не к добру он здесь появился... Я спешно натянул кроссовки и поднялся, приготовившись бежать.

За моей спиной послышался шум. Я обернулся и увидел такое, от чего волосы на коже встали дыбом. На меня по

воздуху плыло существо. Оно состояло из стопки никак не соединённых между собой вращающихся дисков. Над верхним из них висела сероватая тушка с двумя плавниками и длинной шеей. Шея заканчивалась маленькой узкой головкой с большими мутными глазами, которые смотрели прямо на меня. Существо раскрыло рот, и я увидел в нём частокол из острых шевелящихся зубов. Из рта раздалось шипение и клёкот, похожий на птичий.

Я попятился и почувствовал, что сзади тоже что-то приближается. Обернулся. С разных сторон ко мне летело около десятка подобных существ. За одним из них, словно тележка за вагоном, плыло нечто вроде пылесоса, шланг которого был зажат под мышкой. Из раструба на конце шланга струился небольшой фонтан пламени.

Я завертелся на месте, выискивая в кольце левитирующих монстров брешь, но меня окружили уже слишком плотно. Со всех сторон крутились серые мясистые диски, приковывающие взгляд убегающим в бесконечность узором синеватых прожилок.

Одно из чудовищ оказалось совсем близко ко мне, я поднял глаза и увидел его жилистую острую морду сантиметрах в двадцати от своего лица. Я встретился с ним взглядом. В его водянистых глазах, напоминающих капли болотной мути, плавали чёрные бездонные зрачки, в которые я тут же провалился своим сознанием. Я не мог отвести взгляда от их колышущейся бездны, и всё вокруг меня расплылось в

сплошную неясную дымку. Я почувствовал, как внутри моей головы что-то шуршит, словно взгляд страшного существа шарит по ней невидимой рукой. Эта рука сжалась, и я понял, что меня тянут за собой.

Ноги понесли меня за монстром, который плыл прочь задом наперёд, не отрывая от меня своих жидких глаз. Я смутно осознавал качающиеся вокруг деревья, проплывающую подо мной траву и приближающуюся треугольную чёрную тень, которая постепенно заслоняла собой небо. Затем сознание полностью оставило меня.

Открыв глаза, я ощутил себя лежащим на полу в маленькой низенькой комнатке. Всё здесь – стены, пол, потолок – было сделано из материала, похожего на чёрный мрамор. В середине потолка располагалась круглая вставка из другого, синеватого, камня, который слегка светился, позволяя мне осмотреться.

Я привстал. Дверей в комнате не было. Но как-то я должен был сюда попасть, значит, наверняка существовал и выход. С другой стороны, стоило ли выходить, если снаружи меня караулила толпа летающих зубастых существ, которые только и ждали, когда я приползу к ним в лапы? Хотя нет, лап у них не было.

Я встал на ноги и понял, что в полный рост перемещаться не могу – слишком низкий потолок. Пригнувшись, я обошёл комнатку по периметру, оглядывая стены. Никакого намёка на дверь. Причудливо изогнув шею, осмотрел потолок. Ага

– вот тут, в углу, было что-то похожее на люк. Камень был подогнан плотно, почти без щелей. Я попытался надавить на него – никакого эффекта. Поцарапал ногтями края, думая подцепить крышку – тоже не получилось. Похоже, я отсюда просто так выйти не мог.

Я сел на корточки и задумался. Что вообще происходило? Я уже не верил, что просто схожу с ума. Слишком уж отчётливо я видел этих летающих тварей. Слишком ясно ощущал холод, исходящий из чёрного пола в мои пальцы... А это ещё что?

Я нащупал в полу прямо под собой какую-то неровность. Ну да, это был ещё один люк. Прямоугольная крышка немного выступала из пола, а рядом с ней располагалось небольшое углубление, прикрытое чёрной пластинкой из пластмассы.

Я уцепился пальцами за край крышки и попробовал приподнять. Не помогло. Встал на неё ногами и немного попрыгал, надеясь выдавить. Она не двинулась с места. Да уж, надёжно строили эти безрукие летающие ломтики. Впрочем, у всех есть свои слабые места.

Я надавил рукой на пластмассовый щиток. Он хрустнул и рассыпался. Запустив руку в углубление, я нащупал пучок проводов, обоими концами уходящий внутрь камня. На некоторых из проводов прощупывались загадочные чёрные утолщения – может быть, аналоги наших радиоэлементов.

Не зря это углубление располагалось рядом с люком. Это мог быть, к примеру, замок, или устройство для контроля

двери. Был смысл рискнуть.

Я осторожно отделил пальцами один из проводов и дёрнул на себя. Провод довольно легко порвался, и я почувствовал слабенький разряд тока. Слава Богу, здесь не тысяча вольт, а то бы я уже обуглился. Впрочем, такие тоненькие провода этого бы и сами не выдержали. Я взялся за второй провод и тоже рванул.

Подо мной щёлкнуло, и я понял, что люк, на котором я сидел, проваливается вниз. Я даже не успел ни за что ухватиться, как он раскрылся, а я оказался в воздухе. Я падал вниз из отверстия в днище огромного чёрного корабля, с огромной скоростью летящего над морем. Мокрый ветер подхватил меня и завертел так, что я потерял ориентацию, успев только подумать, что мне конец. Я зажмурил глаза и ощутил сильный удар боком о какие-то мокрые ветви, потом ещё один, уже спиной, потом ещё и ещё. Похоже, я врезался в верхушки деревьев и теперь падал на землю сквозь густые заросли.

Открыв глаза и получив пару раз мокрыми еловыми сучьями по морде, я заскользил по одной из веток вниз и через мгновение довольно-таки тяжело приземлился в песчаный холм.

С минуту я лежал на нём, ожидая, пока перестанут гудеть от удара спина и голова. Мысленно ощупал тело. Ноги и руки были на месте.

Я перекатился на бок и увидел уходящую за горизонт бес-

конечную гладь моря.

Глава 4. Посреди океана

Слегка прихрамывая, я брёл по песчаному побережью и думал о превратностях судьбы. Стоило ли мне радоваться тому, что моя жизнь внезапно изменилась таким причудливым образом? За последние дни я разговаривал с тигром, познакомился с обезьяной-психиатром, ловил прыгающую мелочь, чуть не сгорел, видел живую верёвку, человека без мозгов, летающую таблетку и составленных из кусочков инопланетян. А теперь я шёл по берегу неизвестного мне моря и рассматривал пальмы... Или то были ёлки?

Ближайшая ёлка внезапно облысела и в одно мгновение отрастила на макушке пальмовые листья. Вот, к моим новым знакомым надо было теперь добавить ещё и дерево-трансформер. Нет, приключения – это довольно неплохо, иногда нужна и встряска, но чтобы такое... В конце концов, я хотел домой! Я есть хотел, с удовольствием повалялся бы в постели, посмотрел бы телевизор. Мне к экзамену надо было готовиться...

Я споткнулся и посмотрел себе под ноги. Это была моя кепка. Я поднял её и надел себе на голову. По берегу я шёл всё время в одну сторону, примерно часа полтора. Значит, это был остров. Причём совсем небольшой.

– Странно, – произнёс я задумчиво. – У меня же не было кепки...

Впрочем, всё это казалось теперь не таким уж важным.

Надо было смириться и постепенно приспособливаться к жизни здесь. Я снял кепку и метнул её в море. Она летела долго и, в конце концов, превратилась в маленькую чёрную точку на горизонте.

Насколько я мог судить из моей непродолжительной прогулки, я был единственным обитателем острова. Значит, рассчитывать можно было только на растительную пищу. Я осмотрелся. Справа ёлки. Несъедобные. Слева пальмы. На них висели огромные синие груши. Но уж больно высоко... Можно было пробовать сбить.

Я поднял с песка небольшой камешек и метнул в грушу. Не попал. Кинул другой. Опять мимо. Третий, наконец, попал. Груша лопнула и сдулась, как воздушный шарик. Нет, это были неправильные груши, и есть их, скорее всего, было небезопасно. Так что я вздохнул и направился по узенькой тропинке вглубь острова. Пальмы, ёлки и берёзки двигались вокруг меня в хаотичном порядке, настраивая на романтический лад...

«Интересно, – думал я. – Если здесь никто не живёт, то откуда взялась тропинка? Чтобы её протоптать, много ног должно пройти...» Внезапно тропинка закончилась, и я упёрся в заросли высокой травы. Развернулся. Сзади тоже была трава. Ну да, конечно. Не могло быть на необитаемом острове никакой тропинки. А трава могла быть. И кустики. На ближайшем кустике висели красные ягоды. Был только один способ проверить, съедобные они или нет. Я отправил

одну из ягод в рот и чуть не сломал зуб. Чёрт... Это был камень. Кругленький, красный, на кустике рос. Иначе и быть не могло. Я брёл наобум, раздвигая руками траву, и думал о том, что уже сильно хочу есть. И, наверно, если дело пойдёт так дальше, то просто помру с голоду... Господи, пошли мне немного еды!

Внезапно прямо в траве передо мной вырос огромный белый холодильник. У меня мелькнула мысль, что, пожалуй, я так скоро начну верить в Бога. Я сглотнул слюну и потянулся к блестящей ручке на двери. Дверца, однако, раскрылась сама, и из холодильника вышел старик в белом костюме. Тот самый. Только дыра, которая врезалась мне в память, на этот раз снова была прикрыта белой шляпой.

– Володя! – воскликнул он. – Наконец-то я вас нашёл! Здравствуйте, – он улыбнулся, и я вдруг почувствовал к этому человеку доверие. Добродушные и живые глаза, забавная бородка, одет прилично. Вот только татуировка на щеке несколько смущала. Кажется, «Пейте соки». Что за бред?

– Здравствуйте, – сказал я. – А вы кто?

– Меня зовут Вам Кого. Я – представитель Галактического Конгресса. Мне столько нужно вам рассказать... Пойдёмте, тут есть одно подходящее местечко, я через коробочку видел.

Он раздвинул руками траву, и я увидел симпатичную полянку, утыканную пеньками. Видимо, на этом острове заготавливали лес. Всё было очень логично.

Вам Кого тем временем извлёк из холодильника бутылку водки и пакет – похоже, с закуской, а потом направился на полянку. Я покорно поплёлся за ним.

Мы присели на два пенька. На третьем, побольше, Вам Кого расстелил газетку, разложил на ней сало, помидоры, зелёный лук, хлеб и солёные огурцы. Он распечатал бутылку и начал разливать водку в пластиковые стаканчики.

– Я вообще-то не пью, – сказал я.

– Разрешите мне в этом усомниться, Володя, – Вам Кого шутливо погрозил мне пальцем. – Я видел, как вы недавно покупали пиво.

– Э... Ну да. Но это было первый раз в моей жизни....

– Всё когда-нибудь бывает в первый раз. Предлагаю отметить встречу. По чуть-чуть.

– Ну, хорошо... – Я принял предложенный стаканчик, на дне которого бултыхалось немного прозрачной жидкости. Мы чокнулись. Я опрокинул стаканчик в себя. Поморщился от горечи, быстро зажевал огурцом.

– Вам Кого... – сказал я. – Знаете, я ничего не понимаю. Вы можете мне объяснить, что происходит?

– Попробую. Не возражаете, если я сниму шляпу? Жарко.

– Конечно.

Он стащил шляпу с головы, и я снова уставился на отверстие в его лбу.

– Это вас ранило чем-то? – спросил я наобум.

Он усмехнулся и сунул в рот перо лука.

– Да, можно так выразиться. Но мы отклонились от темы. Дело в том, что Земле угрожает серьёзнейшая опасность.

– Что-то такое я уже слышал... – вспомнил я.

– От Конотопа? – спросил Вам Кого.

– Ну да.

– Прошу вас, будьте с ним осторожны... Хм. Но всё по порядку. Вашу цивилизацию в достаточно отдалённом прошлом создали лаки. Это существа...

– Из летающих дисков? – перебил я.

– Да. Откуда вы знаете?

– Они схватили меня и увезли на своём корабле, но я убежал.

Вам Кого нахмурился.

– Скверно. Очень скверно. Откуда они могли узнать, ума не приложу... Ну, да Бог с ними. Давайте по второй. За успех нашего предприятия!

Я выпил ещё немного и почувствовал, как растекается по моему телу живительная энергия. Мир вокруг стал ярче, и всё было просто здорово. Вам Кого начал рассказывать, и постепенно в моей голове выстраивалась сложная картина происходящего. Рассказывал он сухо, коротко, но я словно бы уже знал всё это, а может быть, моя фантазия дорисовывала остальное, и постепенно я погрузился в новый необыкновенный мир.

Глава 5. Эгозон

Представьте себе, мой читатель, что вы сидите в мягком

уютном кресле, в тёпленькой комнате на семнадцатом этаже огромного здания. Возле вас окно во всю стену, открывающее прекрасный вид на современный большой город. Внизу суэта. Бегают разноцветные человечки размером не более пшеничного зёрнышка, ездят маленькие машинки, которые разве что двумя пальчиками можно ухватить, блестят крохотные оконца, хлопают непрестанно дверцы, звук которых не долетает до вас то ли потому, что его не пропускает стекло, то ли потому, что дверцы эти чересчур ничтожны, и до них вам нет никакого дела.

Вы представляете себя почти что Богом. Вы огромны, могущественны, полны энергии. Вы можете раздавить любого человечка-букашку внизу, а если захотите, то кинете им хлебную крошку, и вся толпа будет питаться ей месяц, непрестанно благодаря вас за щедрость.

Но вот вы поднимаете взгляд и видите уходящие вдаль вереницы одинаковых серых зданий, и осознаёте, что ваша комната – не единственная, что в здании их много, и соседние ничуть не меньше, а может быть, даже чуть теплее и уютнее вашей. А в каждой многоэтажке, которую вы видите из окна – тысячи комнат, и в них люди, и каждый может чувствовать себя не менее значительным, чем вы.

Здания образуют города, их скопления убегают далеко за горизонт, и ваша комната растворяется среди них, словно та самая хлебная крошка, вылетевшая из окна. Что бы вы ни делали в своей комнате, это будет настолько мелко и неза-

метно, что не стоило и стараться.

Потом вы смотрите вверх, и тогда наступает прозрение. Там, в небе, за слоем плотных облаков, есть звезда. И другая, и третья. И масштабы расстояний между ними несравнимы с размерами городов и уж тем более с вашей микроскопической комнатой. И вы внезапно чувствуете, что ваша планета и ваша цивилизация, которая только что вас поглотила, как незаметную крупинку – тоже всего-навсего маленькая точка на фоне неба, состоящего из миллиардов звёзд. А потом вы мысленно видите со стороны свою галактику, и через пропасти в сотни тысяч световых лет – другую, третью... Эти галактики в вашем сознании образуют скопления и метагалактики. Но когда вы, наконец, по-настоящему поймёте, что и они – такие же ничтожные крупинки где-то в глубине бесконечной Вселенной, вы начинаете сходить с ума...

Тройная планета Эгозон находится в той же галактике, что и Земля. Её иногда называют Галактикой Млечный Путь, потому что с Земли, как и с Эгозона, она выглядит белёсой полоской звёзд, пересекающей небо. Звезды кажутся расположенными так плотно, что сливаются воедино, и эта полоска становится похожей на разлитое по небу молоко.

Галактика представляет собой диск, более толстый в центре и более тонкий к краям. Этот диск состоит из миллиардов звёзд и медленно вращается вокруг своего центра, отчего в нём образуются завихрения и спиралевидные полосы. На расстоянии примерно одной трети от центра диска

находится Солнечная система. С другой стороны от центра, почти симметрично ей, расположена звезда Зон. Это звезда-карлик класса G2, по спектру излучения и размерам она очень похожа на Солнце, но с Земли не видна, поскольку в этом районе неба – гигантское скопление звёзд, заслоняющих её собой. Вокруг звезды Зон обращается всего одна планета – Эгозон, но она настолько уникальна, что о ней стоит рассказать особо.

Планета Эгозон состоит, на самом-то деле, из трёх планет, находящихся на равном расстоянии друг от друга в вершинах правильного треугольника. Если сквозь центр этого треугольника провести прямую, перпендикулярную его плоскости, она через сто с лишним миллионов километров как раз воткнётся в центр звезды Зон. Вокруг этой прямой треугольник и вращается. Кроме того, каждая из составляющих его планет также вращается вокруг своей оси.

Земные учёные считают, что тройных планет не существует, так как подобная система неустойчива, и, едва образовавшись, разрушается – через некоторое время одна планета либо падает на другую, либо улетает в космос.

Учёные Эгозона также не могут внятно объяснить феномен существования тройной планеты. Чтобы разрешить эту проблему, они заявляют, что, кроме сил гравитации, между планетами существуют некие информационные взаимодействия, удерживающие их в устойчивом положении. Природа этих взаимодействий не изучена, но, видимо, они существу-

ют – иначе бы тройной планеты давно не стало. Постепенно понятие информационного поля обросло многочисленными маловразумительными и ничего не объясняющими теориями и заняло своё место даже в детских учебниках.

Планеты, составляющие Эгозон, имеют порядковые номера. Эгозон-3 чуть больше размером, чем две другие, но имеет меньшую плотность и представляет собой огромную каплю синей тягучей жидкости со сложным химическим составом. На планете живёт несколько тысяч человек, занятых в основном переработкой данной жидкости в полезные химические соединения – например, лекарства – и отправкой их в разные концы Галактики.

Эгозон-2 – твёрдая планета зеленоватого оттенка, имеющая довольно плотную ядовитую атмосферу. Население её также довольно мало – в основном персонал различных научных лабораторий. Впрочем, планета считается перспективной для дальнейшего освоения.

Что же касается Эгозона-1, то его освоение уже произошло, и очень давно. На планете не было растительности, почти не было водоёмов, нет здесь и коренного населения. Жизнь привнесена сюда искусственно. При объединении нескольких могущественных государств в Империю Седьмой Плиты возникли споры, где поместить её столицу. Чтобы не разжигать вражду между различными областями Империи, решено было построить столицу на пустынной планете, равноудалённой от её внешних границ. Так на Эго-

зоне-1 появился город, снабжённый современными системами очистки воздуха, синтеза воды и органической пищи, появились небольшие парки, фонтаны и даже огромное искусственное море. Город, не мудрствуя лукаво, назвали Эгозоном, как и планету. Постепенно место стало популярным. В столице жили обеспеченные люди – конгрессмены, члены правительства, учёные, поэтому со временем здесь развилась всякого рода торговля, индустрия развлечений, да и просто индустрия, в смысле, промышленность – армию правителей и понаехавших в Эгозон бизнесменов надо было кормить, одевать и снабжать расходуемыми материалами. В конце концов, Эгозон стал столицей в полном смысле этого слова. Сейчас это центр не только государственного управления, но и науки, культуры, предпринимательства. Если вы жили в границах Империи Седьмой Плиты и были хоть капельку одарённым человеком, вы неизбежно рано или поздно попадали на Эгозон. Впрочем, сюда ехали и те, кто не имел особых талантов, а просто хотел доказать, что на что-то способен. Многие из таких людей оказывались вовлечены в политику, и некоторые из них становились впоследствии членами Галактического Конгресса.

Несколько раз в Конгрессе поднимался вопрос о том, что высокая концентрация стратегических ресурсов государства на одной небольшой планете опасна, и предлагались меры по рассредоточению важных служб в разные части Галактики, по ограничению пролёта на Эгозон, но такие законопроекты

либо не находили поддержки большинства, либо оставались на бумаге, фактически не исполняясь. Город рос и уже покрывал около 10 процентов поверхности планеты, не считая окружавшие его со всех сторон площадки для парковки космических кораблей.

«Чем больше город, тем меньше я сам по сравнению с этим городом», – думал молодой человек, сидящий возле большого стеклянного окна в уютной тёплой комнате на семнадцатом этаже здания Галактического Конгресса. У него было гибкое худое тело, непропорционально большая голова, выпуклые глаза, красные от недосыпа, и оттого выделяющиеся на фоне бледного плоского лица, и суховатые руки с тонкими длинными пальцами, которыми он сейчас стискивал мягкие подлокотники чёрного кресла. Молодого человека звали Конотоп Рах.

За окном из дымки проступали очертания соседних зданий, похожих на высокие величественные памятники. Конотоп не мог видеть верхних этажей из-за тумана, и от этого дома казались бесконечными, уходящими своими вершинами в небо. Впереди, через пару кварталов, виднелось громадное, устремлённое ввысь здание университета, а чуть правее, вдалеке, можно было разглядеть полупрозрачный храм Креста-Смесителя. Между домами сновали флаеры, боты, катера и тарелки, а внизу шлялись неторопливые мелкие люди. Город являл собой грандиозное зрелище, не сравнимое ни с чем другим во всей Галактике.

– Вот бы всё это взорвать... – произнёс Конотоп.

Ему казалось чудовищной несправедливостью, что он, постигший десятки абсолютных истин и узнавший, как на самом деле устроен мир, сидит в маленькой комнате маленького здания жалкого Галактического Конгресса на убогой никому не нужной планетке и представляет из себя ничтожно малую песчинку в безграничных просторах Вселенной.

Со стороны донёсся шум.

– Кентел, прекрати, – сказал Конотоп машинально.

Однако шум не смолк. К нему прибавился голос Кентела:

– Всех порублю! – и ещё пара слов, менее разборчиво.

Конотоп вспомнил, что М-камера пропускает звуки только наружу, но не внутрь. Он вздохнул, положил на подоконник розовый шарик, который вертел в руке, и, встав, резко направился к ней.

М-камера представляла собой тёмно-синий блестящий эллипсоид, опутанный проводами. Именно из неё и доносились звуки. Конотоп щёлкнул рубильником на стенке эллипсоида и распахнул дверцу. Из камеры вывалился полноватый молодой человек с абсолютно бессмысленным выражением лица. Это был брат Конотопа, Кентел Рах.

– Тебе вредно там долго находиться, – сказал Конотоп.

Кентел встал и, пошатываясь, направился к своему компьютеру.

– Я всех... порубил... – пробормотал он, устало опускаясь

в кресло.

Конотоп закрыл камеру и задумчиво пошевелил бровями. Кентел, разумеется, был психом и раньше, но М-камера странно на него действовала. На работе это вроде бы пока не сказывалось, однако разговаривать с ним стало намного труднее. Впрочем, Конотоп немного даже завидовал брату – от него веяло пусть безумным, но всё-таки оптимизмом.

– Что-нибудь новое видел? – спросил Конотоп.

– Угу, – Кентел начал лихорадочно стучать пальцами по клавиатуре.

– Что именно?

– Цвета, не связанные с предметами. Прозрачное дерево. Супервизора видел.

– А что такое супервизор?

– Не знаю. Но кусается больно, – Кентел продемонстрировал руку, на которой остались следы маленьких зубов, при этом второй рукой продолжая набирать текст.

Конотоп приблизился к своему компьютеру, стоящему бок о бок с машиной брата и, открыв документ со своими заметками, впечатал: «Супервизор больно кусается». Многолетнее общение с Кентелом приучило его к тому, что в самых нелепых фразах мог оказаться смысл.

– Ещё что? – спросил Конотоп.

Кентел минуту молчал. Потом стал напевать что-то вроде "Пойдём за Империю биться, она нам уже не нужна..." Видимо, это значило, что по существу дела Кентелу добавить

было больше нечего.

Конотоп вернулся в кресло возле окна, погружённый в свои мысли. Его взгляд машинально обшаривал комнату. Стены были сплошь завешаны изображениями всяческого древнего оружия – Кентел увлекался мечами, топорами и арбалетами – и рисунками земной фауны и флоры, которыми, в свою очередь, заразился в последнее время Конотоп. Помимо двух огромных компьютеров с гудящими мощными вентиляторами, научную направленность помещения выдавали макеты недоделанных приборов и особенно М-осциллятор, представляющий из себя раскрытый чемодан, напичканный электроникой и переплетением стеклянных трубок.

Гениальность и простота М-осциллятора удивляла и восхищала самого Конотопа не меньше, чем угнетал тот факт, что его невозможно применить. Впрочем, он подумал об этом не более чем мгновение, поскольку его озарила новая идея.

– Так... – пробормотал он, встал и размашистым шагом заходил взад-вперёд по комнате. – Если замкнуть контур самоидентификации на инициатор среды и усилить обратную связь... Надо попробовать.

Он решительно подошёл к М-камере, произвёл пару манипуляций на пульте, переткнул несколько разъёмов и, открыв дверцу, уселся внутрь.

– Кентел! – попросил он. – Если буду кричать или долго не вылезу, отрубай питание.

– Парадигма в лотосе застряла! – весело отозвался Кентел, не отрываясь от монитора. Похоже, он услышал и всё понял.

– Ага, – поддакнул Конотоп мрачно. – Феерически.

Он закрыл дверцу, исчезнув внутри эллипсоида. Пару секунд Кентел всё так же сидел за компьютером, просматривая длинный текст, исписанный формулами. Затем встал с места, ловко перекувыркнулся и завис вверх ногами, стоя на одном вытянутом указательном пальце руки. При этом было похоже, что он не предпринимает абсолютно никаких усилий – на лице оставалось блаженно-расслабленное выражение довольного жизнью ребёнка. Затем он мягко опустился на ноги, вернулся в кресло и, подобрав со стола несколько леденцов на палочках, разом воткнул их в рот, отчего стал выглядеть словно хомяк, проглотивший дикобраза.

Скоро дверца М-камеры открылась, и наружу вылез Конотоп, уставший, мрачный и молчаливый.

– Фо ты фам фефал? – спросил Кентел.

– Я не понимаю, что ты говоришь, – проворчал Конотоп.

Кентел извлёк изо рта леденцы и произнёс поучительным тоном:

– Значит, у тебя неисправности ввода-вывода.

– Тялавакарудтитавхлетнекежулатсод! – выкрикнул Конотоп, отмахнувшись, и застыл на месте. Его передёрнуло, он рыгнул, испустив изо рта колечко сизого дыма, прослезился и прошептал, испуганно взглянув на Кентела: – Что это бы-

ло?

– Я уже говорил, – ответил Кентел.

– Постой... – пробормотал Конотоп. – Неужели? Но я хотел добиться совсем другого эффекта... А ну-ка, скажи ещё что-нибудь про меня.

– У тебя рука тяжёлая, – сказал Кентел, отвернувшись.

Конотоп вдруг почувствовал, как его правая кисть немеет, а, бросив на неё взгляд, заметил, как кожа до локтя покрывается матовым металлическим блеском. Его повело в сторону – рука заметно перевешивала.

– О Боже! – Конотоп забеспокоился. – Что делать? Да нет, не верю! Это же невозможно. Обычная у меня рука!

К руке вдруг вернулась гибкость, блеск исчез, и Конотоп вздохнул облегчённо. Он подошёл к М-камере, снова начав колдовать с пультом, при этом говоря сам с собой:

– Это сюда... А это сюда... Назовём это автомаразматизмом... Интересный какой эффект, в самом деле...

Внезапно дверь раскрылась, и в комнату ворвался взломаченный худой старик в белом костюме и с седой бородой.

– Добрый день, – сказал он быстро, окидывая помещение слегка насмешливым взглядом. – Замечательно, что вы здесь. Чем занимаетесь?

– Как и всегда – маразмом, – мрачно сказал Конотоп, обернувшись. – Здравствуй, Вам Кого.

– Между прочим, я уже давно хотел поинтересоваться, – вспомнил Вам Кого, – почему ты назвал это явление маразм-

мом? Более подходящего слова не нашлось?

– Маразм, – поучительным тоном произнёс Конотоп, – это состояние, к которому стремится мозг разумного существа в своём пределе. Информационное поле в пределе стремится к максимуму энтропии. То есть мой маразм и тот, который обычно называется маразмом – вещи довольно близкие.

Вам Кого сел в свободное кресло, стоящее напротив Конотопа.

– Хм... Ну, да ладно. Я, собственно, зачем пришёл... На завтра у меня назначена встреча с Председателем Конгресса. Формально повод пустяковый – он встречается со всеми лидерами фракций, чтобы обсудить их позиции перед выборами. Но, боюсь, Так Его начнёт задавать вопросы и по поводу твоей работы.

– С ней всё в порядке.

– Да, я не сомневаюсь. Просто хотелось бы его заинтересовать, чтобы у него не возникло желания прикрыть нашу лавочку... У тебя есть какие-то заметные результаты?

Конотоп усмехнулся.

– Что ты называешь заметными результатами? Разработана теория маразматических пространств. Изучены основные свойства маразма. Создана действующая модель. Есть установка для создания маразматического пространства. Тебе мало?

– Это всё прекрасно, Конотоп, но мне хотелось бы увидеть практическое применение.

– Ну, не знаю, Вам Кого... Я не очень силен в... политическом маркетинге, но подумай сам – ведь это концепция, которая, по сути, проясняет устройство мира.

– Каким же образом?

Конотоп подскочил на месте.

– Вот те на! Ты разговариваешь со мной в сотый раз, предоставляешь мне помещение, спонсируешь проект, и, как выясняется, ни черта в нём не понимаешь?! Ты что, не понимаешь, что мы с тобой тоже в некотором роде живём в марзматическом пространстве?

– Хм... Признаться, нет.

– М-да... Ну ладно. Придётся мне всё объяснять с самого начала, – Конотоп встал, заложив руки за спину, и принялся ходить по сложной траектории между креслом и стеной. – Как ты, должно быть, знаешь, все окружающие нас вещества состоят из микроскопических частиц.

– Ага, – Вам Кого зевнул. – Клетки там, бактерии...

Конотоп поперхнулся.

– Ну, не совсем. В этом стекле, к примеру, нет никаких клеток. Оно представляет собой аморфное твёрдое тело, состоящее из беспорядочно расположенных молекул, те, в свою очередь, из атомов, и так далее. Науке известно на данный момент порядка трёхсот различных частиц – к примеру, электроны, мюоны, бозоны и нейтрино. И количество открытых частиц постоянно растёт, хотя их существование ничего, по сути, не объясняет. Достаточно распространена точ-

ка зрения, что все частицы представляют собой всего лишь волновые функции или, что в некотором смысле то же самое, суперпозицию нескольких базовых полей. Соответственно, управляя этими полями, можно полностью контролировать частицы и материю в целом. Логика взаимодействий во многом определяется одним из этих полей, которое я называю информационным. Пока понятно?

– Да, – кивнул Вам Кого. – А что такое суперпозиция? То есть, в каком же смысле «супер»?

– Гротеск и порнография! – возопил Кентел и хлопнул в ладоши, продолжая пялиться в свой монитор.

Конотоп почесал голову.

– Важно здесь то, что поля взаимодействуют друг с другом, порождая частицы. Условно говоря, одно из полей придаёт частицам массу, другое энергию, третье смысл, и так далее. Законы взаимодействия основываются на прошлом состоянии поля и некоторых параметрах системы. Понимаешь?

– Ну, это я изучал в школе. Седьмой закон термодинамики, сумма углов параболы и всё в этом роде...

– И коты полумёртвые, – подтвердил Кентел, не оборачиваясь. Хотя Конотоп и так мог вообразить себе выражение его лица.

– Короче говоря, – продолжил Конотоп, – материя есть порождение некоторых полей, которые являются, по сути, абстракцией, то есть воплощением идеи, а сама идея и заклю-

чается в материи. То есть материя порождается сама собой, являясь собственным сознанием. Идеальное состояние, в котором находится такая система, я называю маразмом.

– Кхе, – сказал Вам Кого. – Это всё я понял, умом не обделён. Но почему ты говоришь, что мы все в маразме?

Конотоп тяжело вздохнул, извлёк из-под клавиатуры лист бумаги и повесил его на стену поверх фотографии причудливой секиры. Потом взял карандаш и стал чертить на листе кружки, линии и стрелочки.

– Вот. Это некоторый предмет. К примеру, камень, дерево или ты, Вам Кого, собственной персоной. Это окружающий мир. Это информационное поле. Оно пронизывает весь мир и осуществляет связи между объектами и субъектами. Сигналы распространяются по нему мгновенно, так что само понятие сигнала становится довольно расплывчатым... Есть некий образ мира, который создаётся в твоей голове путём восприятия его через глаза, уши, ноздри и... ну, через всякие части тела. Это понятно?

– Да, разумеется.

– Существует несколько слоёв твоего сознания, в которые откладывается информация о мире. Один из глубоких слоёв – условно назовём его подсознанием – соединён с информационным полем и взаимодействует с ним, таким образом изменяя окружающие тебя объекты и субъекты.

– Изменяя? – переспросил Вам Кого.

– Информационное поле и сам мир тесно связаны. По су-

ти, это одно и то же с разных точек зрения. Ну, как предмет и идея этого предмета. Понимаешь?

– Приблизительно.

– Поэтому твоё подсознание отображается на реальность. То есть в следующее мгновение мир становится другим под влиянием твоего подсознания. Ты его снова видишь, он снова в тебе раскладывается по полочкам, и так далее. То же происходит и в камне, и в дереве, только без помощи глаз и ушей. Понял?

– Нет, – покачал головой Вам Кого. – Вот теперь – решительно ничего не понял. Ты что, хочешь сказать, что мир субъективен?

– Нет, я не это хочу сказать. Это совершенно не важно, субъективен мир или нет. Важно, что мир зависит от субъекта, а субъект от мира, и законы этого взаимодействия определяются тем, как сознание субъекта воспринимает мир, и как воспринятые субъектом идеи предметов взаимодействуют в его сознании.

– Ну, предположим, – сказал Вам Кого. – Хотя всё равно не могу взять в толк. Я помню то, что ты рассказывал о марзмати́ческом пространстве. Я полагал, что это чисто теоретическое построение, и что оно никакой связи с реальностью не имеет. Ты ведь говорил тогда о законах марзмати́ческого пространства... Дай припомнить. Ну, что в нём происходят всяческие случайности, что нет понятия времени, что недостижим никакой заранее известный результат...

– Да, – сказал Конотоп, – ты прав. В маразматическом пространстве всё это так. Есть и другие законы.

– А теперь ты говоришь, что мы живём в маразматическом пространстве. Хм... Здесь-то результат достигим, да и понятие времени есть.

– Я рад, что ты это понял. Дело в том, что маразматическое пространство – действительно вещь абстрактная. Мир постепенно стремится к этому состоянию, но на данный момент он не является маразматическим пространством в чистом виде.

– Тогда о чём ты мне только что рассказывал? То бишь, какое это имеет отношение к тому, что есть на самом деле?

– Прямое. Просто в нашем мире процесс отображения подсознания на реальность довольно ограничен. Происходит это в основном из-за того, что сознание связано стереотипами, которые оно наследует от окружающего информационного поля. Субъект не может поверить в совершенно невероятные вещи, поэтому они не могут произойти. Постепенно эти стереотипы ломаются, и маразм становится всё ближе к идеальному.

– М-да, – сказал Вам Кого. – Жаль. А я-то думал, что твоя теория имеет практический смысл.

– Имеет, – сказал Конотоп. – Во-первых, сам процесс отображения никто не отменял, и многие закономерности всё же из неё следуют. А во-вторых, нам никто не мешает создать маразматическое пространство в полном смысле этого

слова. Нужно только немного подправить параметры поля.

– Да? Как же?

– С помощью вот этой установки, – Конотоп махнул рукой в сторону М-осциллятора. – Стереотипы кроются на самом деле не в нас, а в информационном поле. То есть наше мышление также определяется не нами, а окружающим миром. Существуют параметры информационного поля, которые влияют на уровень стереотипов. Я называю главный из них степенью маразматичности, или просто силой маразма. Эта установка позволяет изменять степень маразматичности.

– Ты хочешь сказать, что можешь просто вот так создать здесь это своё маразматическое пространство?! – изумился Вам Кого.

– Теоретически. На самом деле – нет. Чтобы изменить параметры информационного поля, надо подключиться к нему не напрямую, а через субъекта, которому даны права администратора поля... И я, кажется, догадываюсь, как дать такие права, но мне от этого не легче.

– Почему?

Конотоп вздохнул и опустил в кресло.

– Вам Кого, чтобы продолжить работу, мне нужна Седьмая Плита.

Вам Кого закашлялся.

– М-да, Конотоп, ты замахнулся... Вряд ли тебе удастся подобраться к Плите. Впрочем, если тебе нужно использо-

вать какой-то пароль Плиты, я могу помочь. Я же член Конгресса, у меня есть доступ...

– Нет, Вам Кого, дело не в паролях. То есть не только в них.

– Тогда это невозможно. К Плите имеет доступ только Председатель Конгресса.

– Я знаю. И ещё я знаю, что известно достаточно мало паролей Плит. Часть из них известна, но засекречена. Ты сам-то, Вам Кого, много паролей знаешь?

– Немного... Десять... Нет, девять...

– Как насчёт "Естрементеракориндо"?

Вам Кого вскочил.

– Как ты узнал?! Это строго секретный пароль. Я три года работал в Конгрессе, прежде чем услышал о нём.

– Всё очень просто, Вам Кого. Я изучал архивы. Сейчас это секретная информация, а десять веков назад она не была такой уж секретной. И в архиве нашёл один манускрипт, где описываются многие функции Плит, причём не только пароли, но и кнопки, и даже консольные команды... Правда, всё в зашифрованном виде и довольно запутано. Из этого манускрипта я заключил, что Седьмую Плиту можно использовать для подключения к информационному полю. Там это, конечно, прямо не сказано, но я неплохо знаю протоязык, и... Короче, я понял, что мне нужны именно Плиты номер 7 и 17.

Вам Кого покачал головой.

– М-да... Надеюсь, Конотоп, ты никому не проговоришься. Ты хоть понимаешь, что означает Плита для нашей Империи?

– Да, теперь понимаю. Не беспокойся, я никому не скажу. Плита нужна мне чисто с научной точки зрения. Кстати, а как насчёт Семнадцатой Плиты?

– Она находится в свободном доступе. В хранилище заполнишь анкету, и тебя пустят к ней, если надо. А зачем она тебе? Она же не имеет никаких полезных функций.

– Так считается, – усмехнулся Конотоп, – но зачем нужно было создавать Плиту, которая не способна исполнять ни одной команды? На самом-то деле у неё есть одна полезная функция – инициализация параметров информационного поля, если я, конечно, правильно понял манускрипт.

– И что это значит?

– Не знаю, зачем этим пользовались в древности, но для меня это имеет смысл. С помощью Семнадцатой Плиты можно ликвидировать маразм.

В этот момент Кентел громко заорал: "Отечество в опасности!", и начал гоняться за каким-то насекомым с клавиатурой в руках.

– Ладно, – сказал Конотоп. – Что-то я, смотрю, чересчур тебя загрузил.

– Да уж, – подтвердил Вам Кого, вставая.

– Не хочешь побывать в маразме? В виртуальном, конечно.

– Что ж, я бы полюбопытствовал. Так для этого служит твоя М-камера?

– Да. Правда, предупреждаю – могут быть побочные эффекты.

– О, нет. Я виртуальными болезнями не болею.

– Ну, смотри...

Конотоп подвёл Вам Кого к М-камере. Мимо пронёсся Кентел с диким воплем.

– Я включу сначала стандартную степень маразматичности – один Рах, а потом, когда ты освоишься, скажи что-нибудь, и я подниму уровень до трёх Рахов.

Вам Кого сел в камеру.

– Здесь всё просто, – сказал Конотоп. – Звуки снаружи не проникают. Изображение проецируется на внутренние стенки. Осязание подавляется с помощью излучателя, который висит над твоей головой и воздействует на определённые участки мозга. То, что ты увидишь – декодированные образы твоего подсознания. Ну, поехали.

И он закрыл дверцу.

Вам Кого оказался в полной темноте. Через мгновение он осознал, что совершенно ничего не чувствует, даже своего тела. Стояла абсолютная тишина. Вам Кого стало не по себе, и захотелось вырваться из кабины. Но тут накатило приятное тепло, тьма рассеялась, и Вам Кого успокоился. Постепенно изображение стало резким. Вам Кого понял, что сидит за столиком небольшого кафе. Рядом плескалось море, и го-

ризонт был чистым, как капля воды. Судя по растительности вокруг, это была Земля.

Вам Кого любил Землю и чувствовал себя здесь, как дома. Откуда-то слева подплыл неясно прорисованный официант.

– Чего изволите? – спросил он, улыбаясь.

– Сосиску, – сказал Вам Кого. – Нет, две сосиски. И бутылку водки.

Вам Кого вдруг осознал, что произнёс эту фразу вслух, и, скорее всего, Конотоп услышал её. Значит, сейчас должен был усилиться маразм. Однако ничего необычного не происходило. Официант принёс поднос, на котором стояла тарелка с двумя сосисками и капелькой горчицы, рюмка и бутылка "Посольской", которую он и открыл в присутствии Вам Кого. Вам Кого выхватил у официанта бутылку, быстро налил себе полную рюмку и, поднеся к губам, произнёс тост:

– За оппозицию!

Опрокинув рюмку в рот, он почувствовал, как растекается по мозгу опьянение. Закрыв глаза, он представил себе ночную Москву, полную огней. Мимо мчались автомобили, шли люди, в небе парили щиты с рекламой бытовой техники, соков и автомобилей. Да, кстати... Вам Кого встрепенулся и открыл глаза. Он налил вторую рюмку, но вспомнил, что не закусил первую. Надавил вилкой на сосиску и заметил, как она вдруг дёрнулась. Вам Кого замер. Сосиска продолжала извиваться.

– Официант! – крикнул Вам Кого. – Официант! Конотоп!

Последнее было выкрикнуто, так как Вам Кого испугался, что его может стошнить.

В ту же секунду кафе исчезло, и Вам Кого ощутил себя в кресле М-камеры. Дверца открылась. Вам Кого вышел наружу.

– М-да, – пробормотал он. – Впечатляет...

И заметил, что на него как-то странно смотрят Конотоп и Кентел Рахи.

Кентел просто нагло ржал, держась за живот. В ответ на удивлённый взгляд Вам Кого Конотоп подал ему небольшое зеркало. Лицо Вам Кого исказилось от ужаса: в его лбу зияло огромное чёрное отверстие. Кроме того, на щеке появилась татуировка отвратительного фиолетового цвета: "Пейте соки!"

– Что это? – спросил Вам Кого упавшим голосом.

– Я же предупреждал, – сказал Конотоп, – что могут быть последствия. В принципе, я думаю, механизм твоих ассоциаций понятен... Ты подсознательно боишься пить водку и считаешь, что она плохо воздействует на твой мозг. Короче, в душе ты за здоровый образ жизни.

– Но что же мне теперь делать? Жуть какая... Как это могло произойти?

– Не знаю, – ответил Конотоп. – Возможно, ты сильно поверил в происходящее, и отображение из твоего подсознания пошло в реальный мир. Вообще, это интересная идея...

– Боже мой, – растерянно причитал Вам Кого, глядя в зер-

кало на отверстие в голове. А где же то, что было внутри? И как я могу без этого жить?

– Да кому нужен этот хлам? – спросил Конотоп. – Зато теперь можно хранить там что-то полезное.

В доказательство он засунул в дырку в голове Вам Кого маленький розовый шарик. Вам Кого, совершенно раздавленный, рухнул в кресло, плохо понимая, что происходит вокруг.

– Это что, – сказал Конотоп. – Я сегодня добился очень интересного эффекта. Мне случайно удалось выработать в себе свойство автомаразматичности. Вот если Кентел сейчас скажет, что моя рука – тяжёлая...

К Вам Кого постепенно возвращалось восприятие окружающего пространства.

– Дурак ты, Конотоп! – выкрикнул он, вскакивая и выбегая из комнаты. – Дурак, и всё!

Конотоп смотрел ему вслед, и улыбка постепенно сходила с его лица.

– Ну, уж в то, что я дурак, я никогда не поверю, – хмуро сказал он.

– А я муху убил, – вставил Кентел.

– Убийство мух законом не запрещено, – произнёс Конотоп. – Во всяком случае, пока.

Он плюхнулся на диван и в очередной раз крепко задумался.

Глава 6. Протокультура.

Вам Кого проснулся в своей комнате, на полу, в одежде. Рядом валялись две пустые бутылки – "Старка" и "Столичная". Одну из них он помнил, вторую – нет. Вам Кого потрогал дырку в голове. Она была на месте.

– Что за ерунда... – проворчал он. – И болеть-то уже нечему, а болит... – Он пытался сообразить, какой частью тела он теперь думает, но мысли всё уплывали в туман, и Вам Кого оставил их в покое.

Он встал. Прошёл в ванную и прополоскал рот зубной жидкостью. Умылся. Татуировка тоже была на месте.

– Ну и ладно, – сказал Вам Кого. – Вон на Цуркане вообще уроды живут, и ничего. Да и в Конгрессе всяких разных навалом...

Ещё он подумал, что можно носить шляпу, чтобы прикрыла дыру. У него даже где-то было несколько белых шляп... Вам Кого дрожащей рукой причесался, немного подстриг жидкую бороду и вернулся в комнату.

– Надо было привезти с Земли огурчиков, – сказал он себе. – Водки целый склад, а огурчика ни одного...

Он отодвинул дверцу шкафа, за которой висели на плечиках одинаковые белые костюмы, взял один из них и переделался, а старый швырнул в угол.

– Белый цвет – символ чистоты и невинности, – промурлыкал Вам Кого, разглядывая себя в зеркале. Потом дыхнул в пригоршню и понюхал результат.

– М-да... Нехорошо... – сказал он. – Перед встречей с Так

Его – так нажрался.

Вам Кого уважал Председателя Конгресса. Не за должность – до Так Его Председателями часто оказывались всякие проходимцы. Просто Так Его был настоящим человеком. Вам Кого ему верил, хотя и постоянно критиковал за половинчатые и, как ему казалось, недостаточно решительные действия.

Так Его прилетел на Эгозон уже состоявшимся, хотя и малоизвестным, политиком вместе с соратниками по движению "Плотность", которое поддерживало тогдашнего Председателя Конгресса, Центури. Хотя Центури был уже не очень популярен, особенно после скандала с созданием Энергетического фонда, движение постепенно набирало сторонников. В то время приближались очередные выборы в Конгресс. Руководство движения решило, что набрать необходимые голоса сможет только в том случае, если встанет в оппозицию существующей власти, и суетливо начало перекрашиваться. Так Его сразу же вышел из «Плотности» с небольшой группой единомышленников и организовал новое движение, "За Центури". В результате получилось, что оппозиционеров было много, а центристов – ни одного, кроме нового движения. "Плотность" не выдержала конкуренции с "Оппозицией" Вам Кого и "Независимым Конгрессом" Свази, которые набрали свои традиционные 20-25 процентов. Оставшиеся 50 триумфально завоевал Так Его, во многом благодаря своей последовательной и вразумительной ли-

нии поведения. Правда, вскоре после выборов в Конгресс срок полномочий Центури истёк, Председателем был избран Так Его, а движение "За Центури", хотя и сохранило своё название и некоторую поддержку избирателей, стало редеть на глазах. Часть конгрессменов пыталась формировать какие-то свои мелкие группы, другая переметнулась к Свази. В результате после новых выборов в Конгресс фракция Свази заняла 36 процентов мест, "Оппозиция" – 17, "За Центури" – 13, а остальное примерно поровну поделили "Неформалы", "АнтиДиктат", "Партия конструктивных бюрократов" и, как ни странно, "Плотность", которая всё же сумела разобраться со своей идеологией и выбрала позицию неприсоединения, хотя в целом поддерживала политику Так Его.

Политика же эта была довольно простой – полное отсутствие всякой политики. Свою задачу Так Его видел в том, чтобы примирять враждующие группировки, не допускать скандалов и следить за соблюдением закона и порядка. Реально же этого было мало. Ущербность позиции Так Его понимали все, что и давало почву для создания всяческих оппозиционных движений. Вам Кого неоднократно выступал в Конгрессе с предложениями увеличить поддержку фундаментальной науки, бороться с лоббированием и коррупцией в Конгрессе, ввести более жёсткие меры по отношению к территориям, выражающим намерение отделиться, и вообще, вести более активную деятельность. Так Его, однако, был непоколебим в своём убеждении, что политика – это умение

не вдаваться в крайности, и не хотел сдаваться. Отчасти он был прав, так как необдуманные шаги могли обострить и без того непростую ситуацию, но бездействие не могло продолжаться вечно.

Вам Кого в последний раз взглянул на себя в зеркало, вздохнул и направился на встречу. Он пробежал вверх два длинных лестничных пролёта, быстро прошёл по Г-образному коридору, свернул влево, спустился по узкой лестнице, хватаясь на поворотах за перила, преодолел ещё один коридор и оказался в приёмной, у двери в рабочий кабинет Так Его.

– Здравствуйте, Цирикс, – сказал Вам Кого. – Он у себя?

Секретарша задвинула ящик стола, в котором что-то старательно искала, и заметила Вам Кого.

– Что это вы подкрадываетесь, как грабитель? – сказала она. – Здравствуйте. Вы ко мне или к Председателю?

– Для вас я слишком стар, – улыбнулся Вам Кого.

Цирикс хмыкнула:

– Уж если вы старый, то кто же тут молодой? У него Свази. Что-то они разговорились. Подождите.

Вам Кого послушно сел на диван. От нечего делать стал разглядывать Цирикс, которая снова выдвинула ящик и продолжила свои изыскания.

На ней был традиционный деловой костюм – пиджак и брюки из чёрной блестящей кожи. Стриженная, стройная, бледная... Выглядит всё время слегка нервозно. Вам Кого

уважал деловых женщин, тем более что на Эгозоне таких было мало. Женская активность давно вышла из моды, и верхом шика считалось иметь обеспеченного мужа, а самой ничего из себя не представлять, сидеть дома, спать и толстеть, заказывая товары по телефону. Цирикс словно бы вышла из той старой эпохи феминизма, в которой Вам Кого чувствовал себя уютнее. Если бы не годы, он бы обязательно за ней приударил. С другой стороны, у него ещё есть порох в порохницах, и, может быть, эта идея не такая уж безумная...

– А что у вас с головой? – спросила внезапно Цирикс. – На сук напоролись?

– Хм... Нет, – ответил Вам Кого, – мозги взорвались.

– Сходите к врачу, – сочувственным тоном произнесла Цирикс. – С этим не шутят.

– Обязательно, – Вам Кого внутренне улыбнулся, представив перепуганного врача, пытающегося сформулировать диагноз...

Дверь распахнулась. Из кабинета вышла мускулистая крепкая обезьяна в дорогом костюме и с папкой, полной бумаг.

– Здравствуйте, Свази, – Вам Кого встал и пожал Свази руку, мысленно назвав её лапой.

– Здравствуйте, Вам Кого. К Председателю?

После рукопожатия Свази вытер лапу о штанину.

– Да.

– Вам не повезло. Похоже, после меня он совсем не в ду-

хе, – он расплылся в довольной улыбке.

– Посмотрим...

Свази издал нечеловеческий звук – то ли булькнул, то ли хрюкнул – и покинул приёмную.

Вам Кого постучал и заглянул в дверь.

– Разрешите войти?

– Да, Вам Кого, заходите.

Кабинет Так Его мебели почти не имел – только несколько кресел, обтянутых красной ворсистой тканью, и овальный чёрный стол. Немного разнообразила интерьер пустая рамка для фотографии, висевшая на стене. Председатель также поздоровался с Вам Кого за руку и пригласил сесть, а сам занял кресло под рамкой.

Так Его был, в общем-то, ещё не стар. Если бы не огромная лысина да немного усталые глаза, ему можно было бы дать лет сорок. Он был высок, плечист, но слабо развитая мускулатура выдавала в нём кабинетного работника. Голова имела угловатую форму, отчего в фас слегка напоминала телевизор. Гладкая, без морщин, кожа, тщательно подстриженная бородка, аккуратная родинка на темечке – всё казалось к месту, естественно дополняло облик до цельного. Даже металлические протезы ног, торчавшие снизу из-под брюк и заканчивающиеся эллиптической формы чашками, словно бы принадлежали Так Его с самого рождения.

Так Его вздохнул и поделился своими ощущениями:

– Кошмар. У меня всегда после разговоров со Свази бо-

лит голова. Как только заходит речь о важном, он начинает выходить из себя и кричать. А ведь это, возможно, следующий Председатель Конгресса. Куда мы идём?

– Ну, не всё так страшно, – сказал Вам Кого. – Во-первых, Председатель – это ещё не Конгресс, а во-вторых, характер Свази – это не самое плохое, что в нём есть.

– Это-то и пугает, – заметил Так Его. – Впрочем, не будем перемывать ему косточки, тем более что у нас пока нет для этого конкретных поводов. Так вы не рассчитываете получить место Председателя Конгресса?

– Я не сдаюсь, – ответил Вам Кого. – Но, судя по моим данным, популярность нашей фракции невысока. Шансы Свази растут с каждым днём. У меня нет никаких доказательств, но я уверен, что он подкупил лидеров мелких фракций.

– Раз нет доказательств, лучше об этом не говорить. Иначе это становится похожим на клевету. Хотя, если честно, до меня доходили подобные слухи. Итак, Вам Кого, вы до сих пор считаете себя оппозиционером?

– Да. Наша фракция старается находить в работе правительства и Конгресса недостатки, чтобы повысить эффективность работы. Что в этом плохого?

– Ничего плохого. Я просто хотел бы заметить, что позиция вашей фракции наиболее близка моим личным оценкам ситуации. Так что никакая вы не оппозиция, а если и оппозиция, то не мне. Вы нравитесь мне, Вам Кого, и мне очень горько смотреть на то, что контроль над Конгрессом перехо-

дит в руки Свази. Я предпочёл бы передать свои полномочия вам.

– М-да... Свод законов не даёт вам такого права. К сожалению.

Так Его, до этого пристально смотревший на Вам Кого, вздрогнул:

– Послушайте. Я вот на вас всё смотрел, смотрел, и никак не мог понять, что с вами не так. Откуда эта дыра?

– Довольно долго объяснять. Провёл с братьями Рахами неудачный эксперимент.

– Это тоже наверняка отнимет у вас кучу голосов.

Вам Кого развёл руками.

– Знаете, а ведь у нас со Свази заходила речь и о Рахах, – сказал Так Его, вопросительно глядя на Вам Кого. – Он высказывал опасения по поводу того, что вы поместили их лабораторию в здании Конгресса. Я ничего не имею против них и против науки, но Свази довольно резонно считает неуместным проводить эксперименты здесь. Не опасно ли это?

– Конотоп уверял меня, что абсолютно безопасно.

– Глядя на вас, я ему не очень верю. Чем они вообще занимаются? Всё так же этими... маразматическими пространствами?

– Да. И результаты их работы очень впечатляют. Я никогда не видел ничего подобного. Кстати, Конотоп просил меня об одной услуге, и я думаю, мне стоит сказать об этом вам... Нельзя ли разрешить им доступ к Седьмой Плите?

Так Его приподнял брови.

– Вы имеете в виду шину подсознательного доступа?

– Нет, саму Плиту.

– Зачем?

– Конотоп хочет провести эксперименты по созданию маразматических пространств. Он считает, что Плита имеет необходимые ему функции.

– Откуда у него такая информация?

Вам Кого почувствовал, что может нечаянно подставить Конотопа, и поспешил исправить ситуацию:

– Никакой информации у него нет, он основывается на слухах и предположениях. Он хотел бы эти предположения проверить.

– Вам Кого, мы с вами серьёзные ответственные люди. Как бы хорошо я ни относился к вам и Рахам, но Плита – не лучший объект для экспериментов.

– М-да... Я предполагал такой ваш ответ.

– Эксперимент имеет какую-то практическую ценность?

– Конотоп считает, что имеет, и огромную. Я же пока затрудняюсь назвать конкретное применение. Я не специалист.

– Нельзя ли чем-то заменить Плиту?

– Не знаю. Боюсь, что нет.

– Тогда пусть он выбросит это из головы. Если хочет работать дальше, пусть работает. Я даже пока не лишаю его возможности работать в этом здании. По крайней мере, до

тех пор, пока Свази или другие горлопаны не начнут раздувать из этого скандал. Что же касается Плиты, то доступа я не дам. Боюсь, что у нас и так слишком много открытой информации по Плитам, и это становится просто небезопасным. Ну, что вы так смотрите? Вы не согласны?

– Я согласен. У меня просто тоже немного болит голова.

– Пили?

– Простите? А, да. Пил вчера. Вы считаете, что мне не следует употреблять алкоголь?

– Не знаю. Я сам никогда не пробовал, и не могу судить о достоинствах и недостатках этого... процесса.

– Если хотите, могу дать попробовать. У меня достаточно много водки.

– Спасибо за предложение. Возможно, не сейчас. А вы знаете, зачем я позвал вас?

– Чтобы обсудить программу нашего движения, я полагаю.

– Ерунда. Вашу программу я отлично знаю. Что вы можете рассказать о E-761?

– О Земле? Многое могу... Я там был уже раз двадцать, один раз даже прожил пару месяцев... Что вас конкретно интересует?

– Вообще – всё. Но в первую очередь то, что может заинтересовать Конгресс. Что-либо полезное для Империи...

– Я затрудняюсь так сразу назвать...

– Ну, ничего, рассказывайте, что знаете. Чем вас так при-

влекает эта планета? Что в ней необычного?

Вам Кого слегка приободрился, если не сказать – расцвёл.

– Что ж... Вы затронули мою любимую тему. Видите ли, я считаю, что это самая необычная планета – во всяком случае, в нашей Галактике. Впрочем, начну с того, что... У нас есть время?

– Сколько угодно.

– Начну с того, что это просто красивая планета. Множество форм жизни, в том числе огромное разнообразие растительности. Разные климатические зоны, разные составляющие её геологические породы, разные рельефы местности. Да, пожалуй, самое прекрасное, что есть на Земле – это разнообразие.

– Но в этом нет ничего необычного.

– Согласен... Но я не дошёл до самого главного. Ну, во-первых, на Земле живут люди. Такие же, как мы. Я знаю, это тоже довольно распространённая раса, но ведь у нас она взялась из общего источника, а на Земле развилась независимо.

– Не совсем. Жизнь на Земле создали лаки, и они, видимо, запрограммировали создание расы, похожей на нас.

– Я так не думаю. Скорее просто условия жизни на Земле очень похожи на условия жизни на Моуди, где возникла наша раса.

– Так похожи?

– Во многом. Впрочем, и на условия жизни на Эгозоне – ведь он выбран был, прежде всего, потому, что здесь можно

было создать комфортную среду обитания для людей. Периоды обращения Эгозона вокруг Зона и вокруг своей оси довольно близки к аналогичным параметрам Земли.

– Но Эгозон – тройная планета.

– Да, в этом различие. Хотя, знаете, если бы он существовал по нормальным физическим законам, то скорость его движения была бы совсем другой... Масса Эгозона-1 приблизительно равна массе Земли, так же как масса Зона примерно равна массе Солнца, а тройная планета в целом весит намного больше Земли, и, несмотря на это, Эгозон не сходит с орбиты.

– Мы отвлеклись. Парадоксы Эгозона я знаю. Что необычного на Земле?

– Вы что-нибудь знаете о протокультуре?

– То же, что и все.

– Вы знаете, что многие наши имена, названия и даже паролы Плит уходят корнями в протоязык?

– Разумеется.

– Так вот, на Земле есть государство, говорящее на протоязыке. Оно называется "Россия" и составляет довольно большую часть площади суши.

– Но это же чушь, Вам Кого. Земля появилась сравнительно недавно, и связей с нами у них нет, насколько я знаю. Неужели лаки насаждают там протоязык? Зачем?

– В том-то и дело, что лаки не ведут никакой активности на Земле. Никакого насаждения культур, никакого управле-

ния ими – только наблюдение, да и то не слишком тщательное. За всё время, пока существуют люди на Земле, их культура не сохранила никаких достоверных упоминаний о контактах с лаками или об их влиянии на цивилизацию.

– Как же объяснить, что они говорят на протоязыке?

– Не знаю. У меня пока нет объяснения. Я обсуждал эту тему с Рахами, и они считают, что это каким-то образом связано с информационным полем.

Так Его тяжело вздохнул.

– Как только наука находит какой-то факт, который не может объяснить, они начинают говорить об информационном поле...

– Хотел бы замолвить слово в защиту Рахов. Уж если кто-то что-то знает об информационном поле, то это Рахи. Так что я склонен им верить.

– Ну, хорошо. Что ещё необычного на Земле?

– В общем, я бы сказал, там необычно всё. Или всё... обычно. Я хочу сказать, что их культура, в общем, такая же, как наша. Вплоть до многих мелких подробностей. Ну, например, в их сутках 24 часа, в часу 60 минут, а в минуте 60 секунд. Как и у нас. Кстати, если у нас это считают просто исторически сложившимся фактом, на Земле всё это возникло понятным образом – в древности у них существовала цивилизация, использовавшая 60-ричную систему счисления.

– А какой они пользуются сейчас?

– Разумеется, десятичной. Более того, их цифры пишутся

так же, как наши.

– Неужели?

– Не удивляйтесь раньше времени – это ещё не всё. В разных государствах Земли – разное общественное устройство, но во многих странах оно очень напоминает наше – выборный парламент, выборный глава государства. Обычно, правда, глава государства не является сразу главой парламента и правительства – на Земле, как правило, эти функции разделены.

– Но это же неудобно.

– Они считают, что это разумно, что такая система более устойчива. Но дальше о совпадениях... Многие их предметы напоминают наши. Например, радиотелефоны. Правда, у них они устроены по другому принципу, но внешне очень похоже... М-да... Космические корабли у них пока очень примитивны, но в их фантастических фильмах встречаются экземпляры, очень похожие на наши. Да – у них также существуют книги. У них есть и более современные методы хранения информации, но книги, как и у нас, используются, хотя изготавливаются из несколько других материалов.

– Очень интересно.

– У них есть деньги. Правда, строгой привязки денег к энергетическим единицам нет, но сути это не меняет. Что же касается энергетических единиц, то такое понятие на Земле отсутствует, поскольку прямое преобразование энергии ещё не изобретено. А, да – их компьютеры работают на том же

принципе, что у нас, и основой микросхем также является кремний, хотя технологически они пока здорово отстают... У них даже есть аппаратные клавиатуры! Причём исторически на Земле они возникли раньше экранных, а не наоборот, как у нас. Ещё... Хотя, если честно, я сейчас с трудом могу вспомнить что-то, что у нас не так, как у них. Есть мелкие различия, но они не принципиальны. Культуры очень близки, просто удивительно близки, особенно если учитывать расстояние между планетами и технологический уровень землян.

– Ну, хорошо. А водка?

– Да, на Земле больше, чем у нас, распространены различного рода наркотические средства. Основной их смысл, насколько я понимаю, в том, чтобы более полно расслабляться и таким образом повышать эффективность функционирования организма. Хотя не знаю, насколько это себя оправдывает – уж слишком много побочных эффектов. Что касается водки, то это относительно безобидный наркотик. Опасность заключается в чрезмерных дозах, слишком частом употреблении и привыкании. Если употреблять в меру и нечасто, это довольно безопасно. Я вот, к сожалению, пристрастился. Но ощущение непередаваемое – у нас никаких подобных средств нет.

– Знаете, Вам Кого, я вот подумал – вы говорите о всяких совпадениях, и это действительно интересно. А вам не приходило в голову... простите, вы не думали, что это связано с

какой-то временной петлёй... Может быть, наша цивилизация каким-то образом порождена цивилизацией землян через гиперпространство? Я в этом не очень разбираюсь.

– Хм... Трудно сказать. Это требует дальнейшего изучения. Я езжу на Землю не только для того, чтобы получать удовольствие. Я собираю информацию. Я разместил на Земле несколько экосимов для наблюдения. У нас ведь даже нет там постоянной резидентуры.

– Боюсь, что теперь уже и не будет, – голос Так Его стал мрачным. Председатель встал и зашагал из угла в угол, позвякивая металлическими ногами.

Вам Кого почувствовал в себе нарастающую тревогу.

– А в чём дело? Что-то случилось?

– Да, случилось. И после того, что вы мне рассказали, я понимаю, что случилось нечто очень страшное. Вернее, может случиться... Короче говоря, по нашим разведанным, лаки собираются уничтожить Землю.

– Что?! – Вам Кого подпрыгнул на месте. – Этого нельзя допустить. В конце концов, это незаконно. Планета формально принадлежит нам, лакам сдана в аренду. И потом – Кодекс запрещает уничтожение разумных существ.

– Знаю, Вам Кого, знаю. И ваша задача убедить свою фракцию в том, что уничтожение Земли должно быть предотвращено. Но боюсь, что этого будет недостаточно. Вы же знаете Конгресс. У меня нет убедительных доказательств. А когда всё случится, будет уже поздно. Ну, предположим,

что через пару дней намерения лаков станут очевидны. Но большинство Конгресса не поддержит войны с ними, а другого способа остановить лаков я не вижу. Даже если решение будет принято, на мобилизацию наших сил понадобится время, а лаки могут уничтожить планету в любой момент.

– Должно быть какое-то решение... – Вам Кого отчаянно тёр дырку во лбу. – Может быть, создать защитное поле? Хотя они могут ударить через гиперпространство... А если создать его в гиперпространстве?

– У лаков есть Вторая Плита. Они могут обойти ваше поле довольно легко. Кроме того, у нас нет опыта создания таких огромных полей. Как только лаки заметят нашу активность в районе Земли, они просто ударят. Быстро создать поле мы не сможем.

– Может быть, психологически надавить на лаков? Пригрозить? Заплатить?

– Заплатить лакам – само по себе абсурд. Деньги для них не имеют ценности. Даже если мы найдём, чем их заинтересовать, это наверняка будет очень дорого стоить, а большая сумма не пройдёт через Конгресс. Надавить можно, но каким образом? Если пригрозить войной, лаки не испугаются. Война – их любимое занятие.

– А когда лаки намереваются нанести удар?

– Пока они не торопятся. Думаю, пара недель у нас есть.

– Что же вы собираетесь делать?

– Послезавтра созываю заседание Конгресса. Дальше – бу-

дем обсуждать. Боюсь только, что с помощью нашей любимой обезьяны Конгресс слишком затянет обсуждение.

– Почему вы так думаете?

– Слухи, слухи... Не хочу сам их распространять, поэтому лучше умолчу. Думаю, Свази заинтересован в затягивании этого вопроса.

– Вы думаете, лаки...

– Я ничего не знаю. Но, думаю, что Свази получает деньги, и не только от лаков. Если бы были хоть какие-то возможности это доказать, Свази бы очень плохо пришлось. Но он крайне осторожен... Я ещё раз предупреждаю, Вам Кого – это только мои предположения. Не вздумайте распространяться об этом. Я пытаюсь найти на Свази управу, но пока не могу.

– Понимаю. Но что же делать с Землёй?

– Не знаю. Я надеюсь, решение будет найдено. Очень надеюсь. В том числе на вас, Вам Кого. Вы же понимаете – если вы спасёте планету, ваши шансы на выборах сильно возрастут.

– Я? Почему я?

– Мне кажется, вас больше других заботит судьба Земли. Лаков надо остановить. Думайте, ищите какой-то способ. Я со своей стороны обещаю всяческое содействие. Я, кстати, от своего имени направил адмиралу лаков ультиматум с требованием отвести войска на безопасное расстояние под предлогом их близости к нашим стратегическим объектам. При-

грозил разрывом отношений и силовыми методами воздействия, но уже знаю, какой будет ответ. Какие там методы, какие отношения...

– Но что я могу сделать? У меня нет ни войск, ни влияния в Конгрессе.

– У вас, Вам Кого, есть голова на плечах. И прекрасное знание Земли. Кроме того, вы в курсе внутренних интриг Конгресса, это тоже может помочь. Вы же сами понимаете цену нашего решения. Я не перекалдываю это на вас, просто ищу поддержки. В конце концов, если уж говорить честно, с такой же просьбой я обращался и к Свази, и к моему бывшему соратнику Би Хоптону. Но в них я не верю. Не верю, что они по-настоящему захотят участвовать в этом. Вот такие дела.

– Я понял, Так Его. Не знаю, что смогу сделать, но обещаю проявить всяческие старания.

– Ну, раз поняли, идите. Для вас я всегда на связи. Номер мой личный помните?

– Конечно.

– Если будут появляться хоть какие-то идеи или чего-то удастся добиться, звоните. Да, ещё одно... Если возникнет желание связаться с кем-то из лаков, обязательно проконсультируйтесь со мной. Нескоординированные шаги в этом направлении могут навредить.

Вам Кого встал.

– Ну что же... М-да... До свидания.

– Всего хорошего.

Как только Вам Кого покинул кабинет, Так Его достал из внутреннего кармана пиджака радиотелефон и набрал номер.

– Ак? Это вы? Как у вас дела? Я хотел бы вас навестить. Да, прямо сейчас. Это возможно? Хорошо. Сейчас буду.

Он убрал телефон, встал и направился к выходу. У него мелькнула странная мысль, что к разговору с Аком примешивались посторонние шумы, но он приписал это своей мнительности или помехам от других приборов, которых в здании было полно.

Так Его прошёл по коридору к лифту, нажал кнопку и стал ждать. Его одолевало смутное беспокойство, но он не понимал причин. То ли начинала действовать близость смерти, то ли ещё что-то... Центури перед отставкой говорил ему, что он постоянно чувствует себя странно, как будто у него отрезали часть души. Так Его тогда отшутился, сказав, что её тоже можно заменить протезом, как и ноги. Центури усмехнулся и сказал, что сомневается. Впрочем, добавил он, часть души – возможно, а вот всю – нельзя. Так Его сейчас только стал понимать, что он имел в виду. Запрограммированная смерть Председателя Конгресса после истечения срока его полномочий была, может быть, и разумной, но очень жестокой вещью. Когда, кажется, ещё многое можешь сделать, пусть и не на посту Председателя, тебя попросту лишают этой возможности...

Так Его вошёл в лифт, набрал код подвального этажа. Прошипели закрывающиеся двери. Лифт плавно разогнал-ся, и через мгновение так же плавно начал тормозить. Двери раскрылись.

Ак в зелёной форме сил безопасности ждал его.

– Что-то случилось? – спросил он с ходу.

Так Его покачал головой.

– Пока нет. Я хочу убедиться, что всё в порядке.

Они прошли через пару металлических дверей, которые Ак открывал ключами. По обеим сторонам каждой двери стояли офицеры сил безопасности. Так Его и Ак приблизились к гладкой блестящей стене, в левой части которой располагался пульт.

– Всегда ли включено защитное поле? – спросил Так Его.

– Да, Председатель. Как же иначе...

– А если перекрыть подачу энергии? – перебил Так Его.

– Резервный источник полностью заряжен, – ответил Ак. – Не беспокойтесь.

– Возможно ли как-то обойти защитное поле? Телепортироваться сквозь него?

– Нет, Председатель. Оно объёмное. Если вы телепортируетесь в него, оно вас разрушит либо как минимум выбросит наружу. Обойти тоже нельзя – оно существует во всех измерениях, даже виртуальных.

– Что это значит?

– Если кто-то попытается воздействовать на Плиту через

информационное поле, ему потребуется бесконечная энергия. То есть, перекрыты все подходы к Плите, даже теоретически возможные.

Так Его внимательно посмотрел в глаза Ака. Похоже, он знал, что говорил.

В это время вдоль пола проскользила полупрозрачная тень небольшого, с ладонь, предмета, и зависла в углу, куда падала тень Ака. Никто этого не заметил.

Так Его достал из кармана ключ – маленькую металлическую пластинку, покрытую сеткой замысловатых прорезей, и воткнул в щель рядом с пультом.

– Отвернитесь, – приказал он.

Ак послушно повернулся кругом.

Так Его набрал код. Полупрозрачный параллелограмм в углу приподнялся немного выше. Палец Так Его нажал кнопку ввода.

В стене появилась тонкая линия разреза, и половинки разъехались в стороны. Ак повернулся лицом к Так Его.

– Защитное поле отключено, – сказал он.

Так Его кивнул и прошёл в открывшийся зал. В потолке горело несколько прямоугольных ламп. Так Его нажал кнопку на стене.

Пол вздрогнул. Две огромных створки стали подниматься из него вверх, открывая глубокую чёрную шахту. Из шахты шёл белый пар. Так Его подумал, что всё это сооружение здорово напоминает склеп. Ощущение ещё более усилилось,

когда из “могилы” показался парящий в воздухе параллелепипед. Он и впрямь походил по пропорциям на гроб.

Плита поднялась над полом и зависла. Створки захлопнулись. Из них выползли синие мешки из материала, напоминающего резину, и стали надуваться. Через несколько секунд Плита покоилась на толстой мягкой подушке.

Так Его медленно обошёл Плиту, осмотрев со всех сторон.

– Давно я её не видел... Где пульт?

– Под крышкой, – ответил Ак.

– А, да.

Так Его подошёл к стене комнаты, надавил на слегка заметный люк, и он открылся. За люком висел маленький продолговатый пульт дистанционного управления. Однако Так Его не стал его брать, а просто захлопнул крышку.

Он вновь приблизился к Плите с одной из её коротких сторон.

– А вы не знаете, Ак, почему у Плит эти грани называются торцами? – спросил он.

– Не знаю, Председатель. Все привыкли.

Так Его поднёс руку к клавиатуре Плиты, и она подсветилась изнутри.

Он нажал несколько клавиш. По дисплею в верхней части Плиты побежали колонки слов на протоязыке и четырёхзначных чисел.

– А как вы сами считаете, Ак, – произнёс Так Его, набирая

что-то ещё. – Плита достаточно надёжно охраняется?

– Ну, как вам сказать, Председатель... Если кто захочет, всё равно доберётся. Я, признаться, не знаю, какую ценность она представляет, и не могу судить о том, много ли желающих найдётся к ней проникнуть.

– Что же, Ак... Спасибо за честный ответ.

Так Его подошёл к стене и снова нажал кнопку. Подушка начала сдуваться.

– Сегодня же утroyте охрану. Люди должны стоять не только снаружи, но и возле стены. При появлении кого-либо на этаже сразу открывайте огонь. Под мою ответственность.

– Слушаюсь, Председатель. А всё же – в чем дело? Что произошло?

– Дело в том, Ак, что Седьмая Плита представляет ОЧЕНЬ большую ценность. Мы охраняем её недостаточно надёжно. Вы поняли?

– Понял, Председатель. Виноват...

– Пока нет, Ак. Но если кто-то проникнет к Плите, то будете виноваты. Пойдёмте.

Плита уже скрылась под полом. Они вышли из зала. Так Его нажал синюю кнопку на пульте. Стена сомкнулась. Они направились назад, сквозь металлические двери. За ними на уровне пары сантиметров от пола следовал полупрозрачный параллелограмм.

– До свидания, Ак.

– До свидания, Председатель.

Двери лифта закрылись. Так Его нажал кнопку двадцать третьего этажа. Поднявшись, он вышел из лифта и в задумчивости зашагал к себе.

Маленький плоский кристалл двинулся в другом направлении. Он проскользил на лестницу, быстро поднялся между перилами вверх на три этажа, затем свернул в коридор и, миновав несколько метров, быстро залетел в щель под одной из дверей. Табличка на двери гласила: "Свази, руководитель фракции "Независимый Конгресс".

Глава 7. Е-761

Это была очень бурная ночь. Со стороны вряд ли она казалась необычной, но напряжение чувствовалось, словно бы висело в пространстве. Звезды на небе горели всё так же ярко, но этот свет стал острее и почти прожигал собой небо.

Свази в своём кабинете делал бесконечные звонки по разным телефонам.

– Высылаю всё со своим экосимом. Его верните. Нет, здесь изготовить дубликат не могу. Само собой. Ну, видите, какой я скромный. До скорого.

– Кто? Что? Нет. Идите к черту. Мы ещё не рассчитались за прошлый раз. Две с половиной. Вот тогда и поговорим.

– Здравствуй. Всё пока нормально. Думаю, будет принято именно то решение, в котором вы заинтересованы. В смысле, никакого решения. Да, так можно сказать. Нет, не прослушивается. А если и прослушивается, то мной. А, и тобой тоже? Ха-ха-ха! Конечно, нет. Почему? Потому что я знаю,

что с тобой наглеть не надо. Ты и так самый надёжный мой партнёр. Вы – самая мощная сила во Вселенной. Знаю. Разумеется. Пока.

Так Его сидел у себя и также связывался по телефону.

– В любом случае – получите вы ответ или не получите, произойдёт что-то или нет, я жду вашего человека завтра утром. Хорошо. Нет, я хотел бы оставить его у себя. Да. Как его зовут? Сам Дурак? Я записал. Желательно к началу заседания. Разумеется, если что-то экстремальное... экстренное, звоните. Прослушивают, вы думаете? Я проверю. Тогда пользуйтесь красным каналом. Всего хорошего.

Вам Кого никому не звонил. Он заканчивал первую бутылку водки и готовился открыть вторую. Он всё время бормотал вслух, кроме того, в пустом черепе скакали бесконечные беспорядочные мысли, и Вам Кого уже с трудом разбирал, какую мысль он произносит, а какую – нет, и всё сливалось в одну длинную цепочку образов, слов и чувств.

«Боже мой, Боже мой... Земли скоро больше не будет... Если бы лаки представляли, что такое Земля, они бы никогда не смогли этого сделать. Конечно, они не люди, у них совершенно другая психология, и, может быть, они не могут оценить всю красоту Земли, но, если так, зачем её уничтожать? Спросили б меня хотя бы. Сколько же я в общей сложности пробыл на Земле? Почти полгода... Не так много, но эти полгода намного лучше, чем остальные семьдесят с лишним лет...

О, Земля... Реки, деревья, пустыни, болота, тайга... Когда несёшься на корабле над всем этим, иногда кажется, что Земля – живая, что она тянется к тебе травинками и ветвями, выпячивает свои холмы и шёпотом ветра говорит с тобой... А может, и говорит? Может, и вправду она живая? Может быть, она – это большой мозг, который принимает информацию со всех концов Вселенной и впитывает в себя? Да, она совсем не похожа на этот бездушный красный камень, на котором мы все тут сидим...

А люди? Взять любого человека. Хоть бомжа... Поговоришь с ним, и чувствуешь такую психологическую бездну внутри, что иногда невольно хочется дать по морде... И таких миров – миллиарды... Не зря у них много людей занимается искусством – выплёскивают свои миры, потому что в мозгах они не помещаются...

Какая удивительная цивилизация! Книги, фильмы, музыка... Да за одну только 25-ю симфонию Моцарта я готов сам ползть в драку с лаками, если это поможет делу... Наука, философия, религия... Тонны страниц, исписанных рассуждениями в попытках познать мир, и всё это просто исчезнет, никем никогда более не прочитанное.

Деревни, посёлки и города... Здания, наполненные очень разными, забавными и иногда даже милыми существами... Они суетятся, строят свою жизнь, творят – и получается, что напрасно?

Как же я люблю их мир, сотканный из причудливых раз-

нообразных ниточек, полный странных и необычных деталей, которые просто невозможно забыть!

Взять, скажем... Не знаю... К примеру, автобусы... Конечно, у нас тоже раньше было что-то подобное, хоть я этого и не застал... Ощущение непередаваемое... Особенно когда прижмёт к хорошей девушке. Она краснеет, и ты, несмотря на возраст, начинаешь что-то чувствовать... Да, а какие там девушки... Господи, и этого всего скоро совсем не будет. Надо обязательно слетать на Землю и купить ещё водки. Да что я говорю, какая водка... Скоро же ничего не будет, и водка – не самое главное. Хотя не представляю, как я буду обходиться без неё. Правда, у нас тоже стали теперь делать, но до оригинала очень далеко... Какая водка без сивушных масел? У нас этого не понимают. Идиоты... Где им до землян? Как можно уничтожить такую гениальную расу? И контролёры в автобусах – это неподражаемо. Стресс – лучшее средство от старости...

Пиво. Квас. Кола. Пузырики, кофеин... Выпьешь литра три – и мозги колом встают, аж красота... Интересно, а если я сейчас выпил бы колы, ощущение было бы такое же? Мозгов-то нет!

А что я, собственно, веселюсь? Ведь через несколько дней раздастся какой-нибудь взрыв, Земля разлетится на мелкие осколки, и ничего этого не будет, ничего... Может, останутся обломки бетона, обрывки одежды, кости или кровь, но это всё не то... Не будет кваса, не будет водки, не будет Амери-

ки, Африки, Азии. Не будет даже Москвы. Ни Котельнической набережной, ни Крымского моста, ни проклятых полицейских, которые уже два раза обокрали меня пьяного, ни пиратских дисков, ради которых я купил на Митине эту чёртову "Акайву". Да и Митинского рынка не будет. А какой там дух свободы! Россия вскоре просто исчезнет в пламени, и никогда уже не пережить мне дурманящего ощущения анархии и незащищённости...

Не будет Парижа. Не будет Эйфелевой башни, Монмартра, Триумфальной арки. Не будет всех этих художников, музыкантов, Патрисии Каас, фильмов с Бельмондо, Делоном, Депардьё, Луи де Фюнесом. Француженок не будет. Французской кухни.

Не будет Японии, дзен-буддизма... Хоть я толком и не знаю, что это такое, но как звучит! Не будет Мао Цзэдуна... Позвольте, какой Мао Цзэдун? Ну, да чёрт с ним...

Их стиральные машины... Пылесосы... Велосипеды... Нет, ну вот такого у нашей цивилизации никогда не было. Я бы точно не додумался. Ездить на двух колёсах! Гениально! У нас если бы кому и пришло в голову, то распространения не получило бы, все бы посчитали это чудачеством, а у них – нет! Потом эта... варёная колбаса. Что за вкус! Ощущение, что это пластмасса! Как им удалось этого достичь? Я слышал, добавляют перловку, бумагу, нитрат натрия, опилки... Но даже если бы у нас делали по той же технологии, получилось бы совсем не то...

Убийцы, убийцы! Лаков надо судить, и будут судить, да поздно... И потом – что мы сделаем? Наложим какую-нибудь юрисдикцию... то есть контрибуцию... А Землю это не спасёт...»

Вам Кого захотелось ещё раз взглянуть на Землю. Он включил компьютер. Выбрал из меню пункт связи с первым экосимом, Васей. И стал смотреть.

Вам Кого оставил на Земле трёх экосимов для наблюдения за тамошней жизнью и сбора информации. Они неплохо справлялись с задачей. Ещё бы... Экосимы словно приспособлены для слежки.

Собственно, изобрели их не для этого. Лет сто назад было установлено, что кристаллическая структура вещества, которое лаки сбрасывают на планету Криосам как отходы своей пищевой промышленности, имеет свойство самомодифицироваться в некоторых спектрах излучения. Таким образом, стало возможным программировать кристаллы. Можно было придать им искусственный интеллект, научить левитировать, принимать радиосигналы, воспринимать оптическую и звуковую информацию... И всё это – в маленьком почти прозрачном кристалле. В связи с их дешевизной экосимов стали использовать как бойцов. Они могли, разгоняясь до нескольких сотен километров в час, врезаться в противника и наносить ему тяжёлые увечья, при этом выбирая уязвимые места самостоятельно. Могли совершать диверсии на стратегических объектах. Из экосимов формировались отряды, и порой

они стоили целых армий. Впоследствии же стало ясно, что экосим – просто идеальный шпион, его очень трудно заметить. Кроме того, были разработаны специальные экосимы со свойством мимикрии, которые меняли цвет, как хамелеоны. Правда, они не очень прижились из-за сложной и дорогой технологии производства. Зато обычного экосима можно было вдруг обнаружить, скажем, у себя под рабочим столом, и после того, как тот, выбив стекло, мгновенно исчезнет из поля зрения, долго гадать, кто же его подослал. Впрочем, у экосимов был и недостаток – они были склонны развивать свой интеллект, и уже стали появляться профсоюзы экосимов, общества защиты прав экосимов, так что, похоже, недалеко было то время, когда представители экосимов появились бы в Конгрессе.

С момента появления экосимов инженерная мысль не стояла на месте, и было создано некоторое их подобие, основанное на более традиционной элементной базе – терминалы. Они также были интеллектуальны, но использовались обычно в качестве транспортного средства, поэтому изготавливались в форме ботинок или сапог, в отличие от экосимов, которые, как правило, представляли собой плоские параллелограммы, а реже – тетраэдры или кубики. У терминалов было одно неоспоримое достоинство – их легче было расширять с помощью внешних устройств, например, синтезаторов речи или управляющей системы для космического корабля. Существовали даже терминалы с подсоединёнными конечно-

стями, но это уже было экзотикой.

Итак, Вам Кого подключился к Васе, одному из экосимов, который в данный момент висел в листве высокого дерева посреди Москвы и снимал всё происходящее. На экране монитора появилось нерезкое изображение зелёных листьев. За ними виднелась асфальтовая дорожка, по которой шли в обоих направлениях люди.

– Спустись пониже, – сказал Вам Кого в микрофон.

Экосим переместился к основанию ствола, прижимаясь к нему со стороны, противоположной дорожке. Ствол занимал половину кадра.

– Ложись в траву, – посоветовал Вам Кого.

Экосим опустилсЯ ниже. Теперь поле зрения было открытым, но так можно было рассматривать только ноги, ботинки, туфли, колготки, юбки и брюки.

– И всё это скоро взорвётся... – пробормотал Вам Кого.

На экране появилось сообщение от Васи: "Команду не понял".

– Полетай вокруг, осмотрись, – сказал Вам Кого.

Экосим повернулся вправо и заскользил над травой.

Увидев впереди шоссе, Вам Кого узнал местность – Кунцево. Он как-то раз бродил там, и с тех пор часто использовал для приземления, так как оттуда легко можно было добраться до любого района Москвы, и было где спрятать корабль.

Экосим летел низко. Перед Вам Кого проплывали листья

подорожника, жёлтые одуванчики, травинки, по которым ползали муравьи...

Вам Кого налил себе ещё. Он готов был заплакать.

Стал слышен шум автомобилей. Шоссе было уже близко.

– Три бутылки, – донёсся до Вам Кого голос, сопровождающийся звоном мелочи. – Нет, четыре... Нет, пять...

– Кто это говорит? – спросил Вам Кого.

Экосим поднялся выше, и Вам Кого увидел белый киоск, возле окошка которого стоял высокий худощавый молодой человек в джинсах и голубой рубашке. Вам Кого почему-то подумал, что он здорово похож на него самого в молодости. Высокий открытый лоб, продолговатое лицо, большой слегка курносый нос... Выражение лица тоскливое – видимо, у него были проблемы.

Молодой человек принял из окошка по очереди пять бутылок пива, обхватил их левой рукой, прижав к животу, и пошёл по дорожке прочь. Экосим повернулся в его сторону, сопровождая.

В этот момент молодой человек споткнулся о собственную ногу и полетел на асфальт. Раздался звон и хруст разбитых бутылок.

Вам Кого стало его жаль. Впрочем, молодой человек тут же встал, поднял единственную уцелевшую бутылку и растерянно начал рассматривать то её, то лужу с осколками, то огромное пятно на штанах и рубашке...

– У тебя есть на него что-нибудь? – спросил Вам Кого.

"Я его часто вижу. Живёт рядом", – прочитал он ответ Васи.

– Перешли мне, – коротко сказал Вам Кого.

У Вам Кого была довольно большая коллекция данных о разных людях. Он выбирал их бессистемно, просто так. Видимо, это были те люди, которые почему-либо вызывали сочувствие, симпатию или уважение Вам Кого. Поэтому ни одной известной на Земле личности в его коллекции не было.

Вам Кого потянулся к бутылке и увидел, что она пуста. Он собирался было взять ещё одну из бара, но понял, что не очень хочет пить. Он почему-то совершенно не пьянел сегодня.

– Сколько бы я ни пил, – произнёс он, – Земле это не поможет...

Он выключил компьютер и направился к дивану. Несмотря на количество выпитого, спать не хотелось. Вам Кого сел и устался в пластик на полу. Снова потекли мысли.

Как можно остановить лаков? Похоже, никак. Только убивать их всех, а это невозможно. Переубедить ещё трудней. Рычагов давления нет. А если лаки что задумали, их не остановить. Они всегда добьются намеченной цели...

Вам Кого почувствовал в последней фразе что-то знакомое. Он около минуты задумчиво сидел на диване, глядя в пол, и никак не мог понять, что его насторожило. Потом вдруг изменился в лице, вскочил, и, спотыкаясь, побежал к выходу из комнаты и дальше, по коридору.

Он, не стуча, ворвался в комнату Рахов. Там царил темнота.

– Чёрт... – пробормотал Вам Кого. – Я забыл, что ночь...

Внезапно из мрака прямо перед лицом Вам Кого проступила улыбающаяся физиономия Кентела Раха.

– Всё чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть, – быстрым речитативом произнёс он, заставив Вам Кого отшатнуться, и тут же снова исчез во тьме.

– Что случилось, Вам Кого? – донёсся голос Конотопа.

– Это... – промямлил Вам Кого. – Помнишь, ты говорил, что... как это...

Зажёгся свет. Конотоп с пультом в руке полулежал в постели, прищурившись и прикрывая рукой глаза.

– Извини, не понимаю, – сказал он. – О чём ты?

– Я это, – продолжил Вам Кого, – вот что подумал... Ты говорил, что в твоём маразме нельзя добиться цели... Это правда?

– Ну, – сказал Конотоп, присаживаясь на край дивана, – смотря что ты понимаешь под словами "маразм", "цель" и "добиться". Если я тебя понял правильно, то, в принципе, да.

У Вам Кого закружилась голова. Он опустился в кресло возле компьютера и сидел с минуту, наморщив остатки лба. Конотоп тем временем встал, натянул чёрные штаны и свой неизменный полосатый свитер.

– Ты знаешь о Земле? – спросил Вам Кого.

– Что именно?

– Лаки собираются её уничтожить.

– Да? Нет, не знал. Жаль. Я от тебя наслушался о всяких прелестях этой планеты. Даже сам увлёкся слегка. Ну, и чего же ты хочешь?

Конотоп сел в кресло за другим компьютером и повернул его к Вам Кого.

– Я не уверен... Но вот какая проблема – как только мы попытаемся помешать лакам, они тут же ударят по Земле чем-то мощным, и всё. То есть нужно что-то такое, что появляется незаметно для лаков и лишает возможности ликвидировать планету. Твой маразм это может?

В щелевидных зрачках Конотопа появилось оживление.

– Интересная идея... Если разместить установку на Земле, подключить к ней местного жителя и задать в информационном поле достаточно высокий уровень маразма, то лаки могут получить какой угодно результат, кроме того, какой ожидают. Более того, в маразме становится маловероятной чья-либо смерть или полное исчезновение какого-либо объекта... Интересно... Но нереально.

– Почему?

– Ну, во-первых, я не проводил экспериментов с реальным информационным полем, потому что у меня не было доступа к Седьмой Плите. Во-вторых, у меня его всё так же нет. В-третьих, для успешного и быстрого развития маразма нам нужен человек, который, с одной стороны, имеет доступ к шине подсознательного доступа к Плитам, с другой, хоро-

шо знает Землю и, грубо говоря, погружен в местные стереотипы.

– А я?

– Не знаю. Я бы предпочёл человека, который там родился. Иначе твои представления о жизни на Земле окажут на неё слишком большое воздействие. Да нет, Вам Кого, теоретически это интересно, а на самом деле...

– Но у нас нет другого выхода, – сказал Вам Кого.

– Ну как – нет? – возразил Конотоп, зевая. – Есть. Пусть взрывают, а мы потом их всенародно осудим...

И тут лицо Конотопа изменило выражение, отобразив промелькнувшую мысль, за которую он ухватился.

– Постой-ка, Вам Кого... А если мы захотим устроить на Земле маразматическое пространство и дадим одному из землян получить доступ к паролям... Это уже совсем интересно...

– Ты о чём?

– Да так... Ну что же, я готов попробовать. Только повторю – мне нужна Седьмая Плита и землянин, подключённый к шине доступа. Всё остальное – дело техники. Хотя ничего гарантировать не могу.

Глаза Вам Кого вспыхнули:

– Конотоп! Ты гений! Иду к Так Его и добиваюсь решения!

– Подожди до утра, – посоветовал Конотоп, но Вам Кого уже скрылся за поворотом коридора.

– А вчера меня дураком обозвал... – проворчал Конотоп.

– Про кирпич бы не забыть, – поддакнул Кентел.

Конотоп щёлкнул пультом, погасив свет, и начал снова раздеваться.

А Вам Кого уже нёсся по коридору, доставая из кармана телефон.

– Так Его? Здравствуйте...

– Кто это? А... Виделись... Я вообще-то собирался лечь спать... Что у вас?

– Так Его, я знаю, как спасти Землю.

– Да? Хорошо. Я слушаю.

Вам Кого остановился посреди коридора и перевёл дух.

– Конотоп Рах говорит, что в маразме нельзя добиться цели... И он может устроить маразм... Только нужен человек на Земле и Плита. То есть надо его подключить к Плите...

– Вам Кого, я ничего не понимаю. Зайдите ко мне. Не в кабинет. На сороковой. Жду.

Вам Кого помчался к лифту, доехал до сорокового этажа, и молнией залетел в дверь.

Так Его, стоящий у окна своих апартаментов в свободном спортивном костюме, обернулся.

– Вы что, ходить разучились? Присаживайтесь.

Вам Кого сел в кресло и подумал, что все кресла в Конгрессе совершенно одинаковые – черные, блестящие – кроме кресел в кабинете Так Его на двадцать третьем этаже.

– Что молчите? – сказал Так Его, со скрипом располагаясь

на диване. – Рассказывайте.

Вам Кого начал сбивчиво рассказывать. Так Его слушал молча, пару раз переспросив. Потом спросил:

– Закончили? Знаете, Вам Кого... У меня сложилось впечатление, что вы объясняете вещи, в которых ни черта не понимаете. Так?

– Отчасти.

– Так что лучше завтра с утра, часам к одиннадцати, я позову к себе Конотопа. Он сам изложит, что ему нужно, и тогда будем думать. Хотя идея, конечно, бредовая. Вы что, хотите, чтобы у всех землян были дырки в голове, как у вас?

– Лично мне моя дырка не мешает, – Вам Кого почему-то обиделся. – Я лучше буду с дыркой ходить, чем без Земли.

– Ну, хорошо, простите. У вас есть на примете землянин?

– У меня большая картотека.

– Подберите кого-нибудь и передайте данные в канцелярию. Я предупрежу их. Есть место среди почётных членов Конгресса, всё равно никого такие вещи не интересуют... Придумайте ему какие-нибудь заслуги, за которые можно дать это звание...

– За участие в экспериментах большого научного и прикладного значения, – изрёк Вам Кого.

Так Его усмехнулся.

– Ну, хотя бы. За будущее участие... Так что доступ у него будет. Насчёт Плиты – Конотопа я к ней не пущу, но отвечу на все его вопросы и, если надо, выполню с Плитой необхо-

димые действия.

– То есть вы... согласны с моим предложением?

– Я-то согласен. Что мне терять? А Конгресс всё равно не пропустит. Но на всякий случай подготовьте разъяснительную записку для конгрессменов, обсудите в своей фракции, придумайте себе внятное выступление... Побольше громких слов, поменьше подробностей. Поменьше слов типа "марразм". Это отпугивающе звучит. А вообще, как хотите. Всё равно это бесполезно. Так что спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – Вам Кого встал. Он был совершенно растерян.

– Да нет, Вам Кого, всё нормально, – сказал Так Его. – Я очень благодарен вам за предложение. Видите, какие шаги вам навстречу делаю? Просто я реалист. Ну, до завтра. Будем надеяться на лучшее.

Вам Кого вздохнул, кивнул и вышел. По дороге к себе он отчего-то начал пьянеть. Мысли снова стали путаться, ноги заплетаться, и он, кое-как добравшись до своей комнаты и отхлебнув из бутылки пару глотков, рухнул на диван.

Проснулся Вам Кого от стука в дверь. Он сообразил, что, в принципе, одет, и крикнул:

– Войдите!

Это был Конотоп. Он широко улыбался, и Вам Кого чуть не стошнило.

– Доброе утро, Вам Кого.

– Доброе... Какие новости?

– Вот, с Так Его разговаривал. Вроде бы убедил его, что всё вполне безопасно, объяснил суть моей теории... Слушай, меня гложет одна мысль...

– Какая?

Конотоп убрал с лица улыбку.

– Вот ты заработаешь на этом проекте популярность, голоса... Землю свою любимую спасёшь... А я что получу? Что, я так и останусь никому не известным теоретиком марзма? Так и буду получать подачки от всяких сочувствующих политиков типа тебя?

– Хм. Но ты же... Сможешь проверить теорию на практике... И потом, если всё пройдёт удачно, ты станешь известен.

– Боюсь, что это ничего не меняет.

– Так чего же ты хочешь? Ну, хочешь, я предложу Конгрессу наградить вас с Кентелом? Постой. Сколько времени?

– Без пяти два.

– Чёрт!

Вам Кого опаздывал на собрание собственной фракции. В спешке он оделся, схватил первые попавшиеся бумаги и помчался в зал заседаний, где его ждали около пятидесяти человек. Зал представлял собой нечто вроде школьного класса, только побольше и с трибуной вместо учительского стола. Вам Кого встал за трибуну и попытался начать выступление.

– Я поздравляю вас... с наступающей... внеочередной сессией.

У всех членов фракции, которые сидели перед Вам Кого

за столами, взгляды не выражали абсолютно ничего, поэтому энтузиазм Вам Кого продолжил плавное снижение.

– Я хотел вам сказать, – продолжил он, – что на Империю хотят напасть лаки. М-да... То есть они собираются разрушить Землю. Но она – часть нашей Империи. И лучшая её часть. Хм... Я предлагаю это пресечь. Я знаю только один способ – воспользоваться передовыми технологиями и создать на Земле особое положение, в котором лаки будут полностью деморализованы. Хм... То есть, другими словами, маразм.

Вам Кого с трудом понимал, что говорит. Он снова вспомнил об огурчиках, но под рукой был только графин с водой. Им он и воспользовался, отпив прямо из горлышка граммов сто пятьдесят.

– Да... – продолжил он. – Я надеюсь, что вы все поддержите меня. Во-первых, потому, что я лидер вашей фракции. Во-вторых, потому, что предложение дельное, и других предложений нет. В-третьих, если вы против, то почему вы до сих пор в моей фракции? М-да. Прошу голосовать. Хм... Единогласно... – Вам Кого покопался в своих записях. – Кстати, тут я обнаружил, что один из вас не платит членские взносы в кассу движения... Господин Кое Как присутствует?

– Он умер, – ответили из аудитории. – В прошлом году.

– Хм... – сказал Вам Кого. – Сочувствую. Может быть, кто-то за него заплатит? М-да... Ну ладно. Что-то я устал. Предлагаю закончить.

Один из членов фракции – огромный детина с выпученными глазами – встал.

– Я хотел выступить, – обиженным басом произнёс он. – У меня тут речь есть. О роли оппозиции.

– Хм... – сказал Вам Кого. – Похвально. Дайте всем почитать. Ну, до завтра. Не подкачайте на заседании. Всего хорошего. М-да.

Он дрожащими руками собрал свои бумажки и вышел.

К себе Вам Кого вернулся в жутком состоянии. Болела голова. В желудке что-то урчало. Не было никаких сил.

Зазвонил телефон. Это был Так Его.

– Вам Кого?

– Да. Здравствуйте.

– Как ваши дела? Что говорит фракция?

– В нашей фракции каждый может иметь мнение, но оно должно совпадать с моим... Разумеется, поддержали.

– Прекрасно. Вы подготовили документы?

– Ещё нет.

– Займитесь прямо сейчас. Принесёте вечером.

– Хорошо.

Вам Кого, скрепя сердце, сел за компьютер, набрал записку для конгрессменов, попытался написать текст завтрашнего выступления... Ему на глаза попался файл, пересланный вчера экосимом с Земли. Он открыл его. В нём содержалась информация о некоем гражданине России по имени Владимир Каллистратович Ясоний.

"Ну, Ясоний так Ясоний, – подумал Вам Кого. – Какая разница?"

Он встал, подошёл к шкафу и стал искать в ящиках какое-нибудь средство от головной боли. Можно было, конечно, просто выпить, но Вам Кого не стал этого делать. Он знал, что завтра его ждёт очень ответственный день.

Глава 8. Конгресс

В огромном панорамном иллюминаторе висело чёрное бездонное небо, усеянное помигивающими звёздами. Оно казалось неподвижным, но Сам Дурак знал, что корабль летит со скоростью, достаточной для гиперскачка. "Выдержит ли обшивка?" – думал он, вспоминая, как затрясло рубку после первого же выстрела лаков. Сам Дурак представил себе жалкий внешний вид корабля и осторожно, как будто от этого что-нибудь зависело, повернул рычажок гиперпереноса.

Звезды мгновенно размазались в тонкие светящиеся струйки, корабль чуть качнуло, и снаружи, за тонким, но прочным стеклом, воцарился абсолютный мрак. "Вошли очень мягко", – удовлетворённо отметил он, и, выключив основной экран, набрал название пункта назначения: "Центральная база Эгозона-1". В иллюминаторе появилось всё более увеличивающееся изображение тройной планеты – три шарика в вершинах правильного треугольника. Корабль нёсся к самому маленькому из них, красноватому, закутанному в матовую дымку.

Сам Дурак встал с кресла и направился к сливающейся

с перегородкой двери. Та открылась, издав лёгкое приятное шипение. Сам Дурак не спеша сошёл по трапу на первый ярус и заглянул в ближайший иллюминатор, наблюдая, как сквозь туман начинают прорисовываться здания базы. "В Конгресс меня с огнестрельным оружием не пустят", – вспомнил он и, отстегнув с пояса пушку с длинным чёрным стволом, воткнул её в ажурную металлическую стойку для цветов.

Посадка почти не ощущалась благодаря плавному маневрированию и мягкости амортизирующих опор. Сам Дурак терпеливо ждал, пока узкая высокая дверь сложится в гармошку и откроется, образуя несколько ступеней, ведущих на площадку. После почти месячного пребывания в замкнутом мирке корабля масштабы сооружений порта просто поражали. Сам Дурак, задрав голову, пытался разглядеть вершину ближайшего здания, но куда там – она протыкала насквозь низкие облака и терялась в полупрозрачной белой пелене.

Трап за спиной зажужжал, убираясь в серебристый, изъеденный микробомбардировками корпус. Сам Дурак отдал мысленный приказ двум терминалам, надетым на ноги, и, оторвавшись от земли, заскользил над синими шестиугольными плитами. Чем дальше он летел, тем вычурнее становилась форма и отделка зданий – в центре концентрировались богатые фирмы и общегалактические службы. Но путь Сам Дурака лежал ещё дальше – к желтоватому огромному зданию с острым шпилем, которого, правда, сейчас не бы-

ло видно из-за тумана. Над входом светилась ослепительная надпись с завитками и другими шрифтовыми изощрениями: "Галактический Конгресс Империи Седьмой Плиты".

Сам Дурак показал документы охране, прошёл через турникеты и огляделся. Возле лифтов висела схема здания. Кабинет Председателя Конгресса был обозначен звёздочкой на двадцать третьем этаже.

Поднявшись наверх, Сам Дурак сразу же увидел обитую красной тканью дверь и направился к ней. Она была приоткрыта. Сам Дурак собрался с духом и вошёл.

Справа от него стоял стол, за которым сидела молодая приятная девушка в синем кожаном пиджаке. Впрочем, Сам Дурак предпочитал женщин покрупнее, поэтому сразу перешёл к делу.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я к Председателю Конгресса.

– Здравствуйте. Вы из сил безопасности? Посидите, пожалуйста. Он вышел.

Сам Дурак кивнул и, по-военному развернувшись на месте, зашагал к одному из кресел.

Ожидание затянулось. Сам Дурак рассмотрел уже каждую извилину в структуре каменных плит на полу и продумал рапорт с точностью до размера пауз между словами.

Наконец дверь раскрылась, и в приёмную зашёл, позвякивая металлическими ногами, высокий худощавый человек с жидковатой чёрной бородкой.

– Господин Сам Дурак? – спросил он, повернув голову к креслу.

– Да, – Сам Дурак встал и щёлкнул каблуками.

– Коротко доложите, что у вас. Мало времени.

– Лаки никаких заявлений по поводу предъявленных им условий ультиматума не сделали. Ими было произведено несколько обстрелов нашей эскадры. По нашим разведданным, в ближайшие день-два лаки вышлют свой флагман под названием "Лакера" к планете E-761, чему мы не можем воспрепятствовать согласно пункту 402 Галактического свода законов. Разведка сообщает, что на корабле находится аппаратура для фотосъёмки, навигационное оборудование и мощные аннигиляционные заряды, – отчеканил Сам Дурак.

– Короче говоря, они начали, – Так Его яростно взмахнул рукой. – Ну, ещё бы месяц, чтобы как следует разобраться в этой каше! Ладно, спасибо вам.

Так Его развернулся и собрался было удалиться в кабинет, но Сам Дурак успел уточнить:

– Дальнейшие указания, господин Председатель?

Так Его остановился, бросил быстрый взгляд в лицо офицера и произнёс:

– Идите в зал заседаний. Осмотритесь, войдите в курс дела по поводу Земли. Советую познакомиться с Вам Кого, председателем оппозиционной фракции, у вас должно быть досье. Вечером, в семь часов, зайдёте ко мне, посоветуемся.

– Слушаюсь.

Так Его бросился к выходу, теребя пальцами свою бороду. Сам Дурак неторопливо последовал за ним. Войдя в зал, он чуть прищурил глаза – всё блистало в свете невероятно большой люстры со множеством подвесок. Сам Дурак цепким взглядом быстро обшарил помещение, мысленно отметил одно из пустовавших мест и направился к нему. Соседнее кресло занимал седой старик в белом костюме с татуировкой на щеке.

– Простите, я могу здесь сесть? – поинтересовался Сам Дурак.

– Садитесь, – кивнул Вам Кого.

Сам Дурак сел, огляделся. Заседание должно было вот-вот начаться, и конгрессмены занимали места в огромном зале, исполненном преимущественно в светло-жёлтой цветовой гамме – такой цвет имели глянцевые занавески, стены, перила балкона. Перед каждым членом Конгресса стоял жёлтый же микрофон на длинной поворотной штанге и коробочка с кнопками для голосования. Многие листали бумаги. В президиуме Так Его долго разговаривал с кем-то, энергично жестикулируя, затем сел на своё место, включил микрофон и произнёс:

– Приветствую господ членов Конгресса. Заседание считаю открытым. Я собрал вас по чрезвычайному поводу, поэтому повестка дня очевидна, и предлагаю не тратить времени на её обсуждение. Когда я закончу, слово будет предоставлено главам фракций в порядке возрастания их числен-

ности. По каждому выступлению возможны комментарии и вопросы к докладчику. После перерыва проголосуем все поступившие предложения. Кто за такой порядок, прошу проголосовать.

После короткой паузы табло отобразило 288 голосов "за" из 296 присутствующих.

– Хорошо. Итак, наше государство столкнулось со следующей проблемой. Империя Второй Плиты несколько тысяч лет назад арендовала у государства Протео, правопреемницей которого является наша Империя, планету E-761 на неопределённый срок. В последние две тысячи лет они не вносили арендную плату, но Империя не предпринимала никаких шагов по возврату планеты в свои владения, поскольку лаки Империи Второй Плиты фактически не использовали её. Первоначально лаки проводили на Земле эксперименты по созданию разумных форм жизни из биологического материала планеты E-761. Впоследствии они забросили этот эксперимент, и цивилизация развивалась самостоятельно. Нам стало известно, что лаки собираются уничтожить планету вместе со всем, что на ней находится, в том числе с её разумными обитателями. Это действие незаконно. Во-первых, лаки не имеют планету в своём исключительном владении, и никогда не владели ей, более того, договор аренды с ними также можно считать расторгнутым. Во-вторых, Межгалактический Кодекс прав разумных существ, который подписан нашей Империей, исключает уничтожение

разумных существ, кроме случаев ведения объявленной войны. Таким образом, мы должны воспрепятствовать действиям лаков. Дело осложняется тем, что лаки могут уничтожить планету практически в любой момент, и времени у нас очень мало – по моим последним сведениям, два-три дня. Конечно, мы можем не торопиться и ждать, пока лаки сделают то, что хотят, но ценой нашей неповоротливости станут более шести миллиардов жизней.

Я разговаривал с некоторыми экспертами по планете E-761, которая, кстати, называется на языке одного из местных народов Землёй, и они все единодушно заявляют, что, кроме чисто гуманитарной, планета представляет огромную научную и эстетическую ценность. Есть даже отдельные мнения, что наша культура каким-то образом связана с Землёй, и может пострадать вследствие её уничтожения.

Я прошу учесть всё вышеизложенное и предложить пути решения проблемы. Слово предоставляется главе фракции "Плотность" доктору Ле Систу.

На трибуну поднялось существо с синей вытянутой, почти лошадиной, мордой, на четырёх тощих ногах. Оно было завернуто в бирюзовый переливающийся плащ и мелко тряслось.

– Господа, – дрожащим голосом начал Ле Сист. – Я вижу конец нашей Империи. Впервые нам брошен открытый вызов, на который мы не можем достойно ответить. Господин Так Его очень чётко, хотя и кратко, обрисовал проблему, и

всякому гражданину должно быть ясно – нам нечего противопоставить лакам. Мы вынуждены признать своё поражение. Я бы не стал ставить всё произошедшее в вину правительству или Председателю Конгресса. Просто таково реальное положение вещей, и мы ничего не можем с этим поделать. Но я верю – когда-нибудь наша Империя станет богатой и сильной, и мы сможем дать отпор любым агрессивным действиям, как со стороны лаков, так и с любой другой стороны. Наша фракция, – голос Ле Систа усилился и задрожал ещё сильнее, – хочет ответственно заявить: придёт конец нашему унижению, нашему бессилию и позору! И в том случае, если вы поддержите мою кандидатуру на выборах Председателя Конгресса, я положу всю свою жизнь на алтарь нашего государства с тем, чтобы добиться намеченной нами цели. Я ни в коем случае не хочу критиковать господина Так Его, он работал очень плодотворно, но заверяю вас, что я с поддержкой моих сторонников смогу обеспечить дальнейшее процветание Империи ныне и присно и во веки веков!

Ле Сист торжественно оглядел зал. Похоже, он закончил.

Так Его кашлянул и спросил у зала, есть ли вопросы. Вопросы не было.

– Тогда у меня вопрос, уважаемый Ле Сист. Есть ли у вас какие-либо конкретные предложения в связи с угрозой уничтожения Земли?

– По-моему, тут всё ясно, – ответил Ле Сист, помотав мордой из стороны в сторону. – Нам нужно и дальше двигаться

в выбранном направлении.

Так Его не смог сдержать иронии в голосе:

– Ну что же... Спасибо. Слово предоставляется господину Туте Сидиму, главе фракции "Партия конструктивных бюрократов".

Ле Систа сменил грузный потный докладчик с заплывшими жиром глазками.

– В целом я согласен с доктором Ле Систом, – сказал он. – Поэтому не хочу занимать много вашего времени и повторяться. Дать отпор лакам мы, конечно, должны, но какими средствами, господа? Ресурсы Империи отнюдь не беспредельны. Война с Империей Второй Плиты, которую в данном случае представляют лаки, губительна для нашей экономики. Нужны шаги более обдуманные и взвешенные. У меня всё.

– Вопросы, – упавшим голосом сказал Так Его.

Вопросов не было. Так Его прозвенел колокольчиком, привлекая внимание, и встал.

– Господа, – сказал он. – Я хотел бы ещё раз заметить, что жду от вас конкретных предложений. Мне очень интересно услышать ваши мнения о ситуации в целом, но этого мало. Господин Тута Сидим, вы можете сказать что-то более конструктивное?

– Господин Председатель, – ответил Тута Сидим. – Я вполне понимаю ваше возмущение. Мы со своей фракцией довольно долго вчера обсуждали этот вопрос и не нашли

приемлемого выхода. Согласитесь, проблема довольно сложна, и наскоком её не решить. Поэтому я просто хотел бы высказать наше общее мнение – мы поддержим любое разумное предложение, не ведущее к войне с лаками и не противоречащее законодательству.

– Я понял вас, – сказал Так Его. – Спасибо. Слово представляется господину Нибудь, фракция "АнтиДиктат".

Нибудь был родом с планеты Уррен, поэтому имел сероватую кожу и дышал через аппарат, напоминающий респиратор. Кроме того, он слегка шепелявил, тяжело сопел и говорил довольно сбивчиво.

– Господа шлены Конгресса, которые передо мной сидите. Я не понимаю вас вообще. Я <невнятно> шидеть шложа руки на шердце и <невнятно> в голове. Но другого выхода нет, а, мошет быть, и не мошет быть. Короче, я <невнятно> поступить слежующим образом: жабыть о Жемле, жабыть о лаках и заниматься нашими <невнятно> проблемами. Почему наш опять проталкивают выбирать? Либо жакон, либо жизнь. На кой, простите, ляд нужен жакон, который ишключает жижнь из нашего рациона? Жначит, что-то нужно менять – или в наш, или в жаконе, ешли шами мы ижмениться не можем. Ешли моё предложение <невнятно>, то это вшо.

– Господин Нибудь, – уточнил Так Его. – Простите, я не всё хорошо расслышал. Правильно ли я понял, что вы предлагаете ничего не предпринимать по отношению к лакам и пустить всё на самотёк?

– Правильно, – сказал Нибудь. – И, более того, <невнятно> жаконы, которые <невнятно> приводят к жаседаниям типа этого.

– В письменном виде ваши предложения есть? – спросил Так Его.

– Я передам их через шекретариат.

– Есть ещё вопросы к докладчику? В таком случае слово предоставляется господину Пакеру, фракция "Неформалы".

К трибуне явно нехотя прошёл из дальнего конца зала высокий молодой человек в майке и шортах, на лице которого было написано жуткое презрение к происходящему.

– Ну, господа хорошие, я тут слушал всё это и думал – а какого, собственно, хрена? – начал Пакер. – Вот почему лаки тысячу лет не платят нам аренду, а мы молчим? Почему у нашей страны нет сил защищаться от лаков? Почему наш единственный Энергетический фонд, созданный мнооогоуважаемым господином Центури, оказался просто сборищем взяточников, и не накопил энергии даже для освещения этого зала? Вы же все на днях платили за так называемые «дополнительные удобства»? Вижу, что платили. И это вы называете Империей, господа? Что вы собираетесь делать дальше? Распродавать планеты лакам, Лиге Свободных Доменов или ещё кому похуже? Может, нам пора просто выйти на улицу и милостыню просить? Я всё сказал.

– Вопросы есть? – спросил Так Его. – Тогда я хочу уточнить. Господин Пакер, вы предлагаете расформировать Кон-

гресс? Или изменить законы? Что конкретно? И что это даст для спасения Земли?

– Специально для тупых повторяю второй раз, – сказал Пакер. – Я предлагаю всё это прекратить к чёртовой матери, пока мы сами свою страну не угробили.

– Я всё понял, – сказал Так Его. – Насчёт тупых, будем считать, я не слышал.

– Ещё и глухой, – процедил Пакер и удалился с трибуны. Так Его выглядел раздражённым и уставшим.

– Би Хоптон, фракция "За Центури". Вам слово.

Би Хоптон оказался солидным гражданином в очках, подтянутым, но не худым, хотя и не полным. Он выглядел уверенно, движения были аккуратны и размеренны. Он, пока единственный из докладчиков, вышел на трибуну с папкой, раскрыл её и начал читать, изредка поднимая глаза на зал.

– Господа конгрессмены! В нашей долгой истории, – говорил он, – было немало трагических страниц. На Империю неоднократно нападали и даже завоёвывали её части, неоднократно погибали, в том числе массово, наши соотечественники. Случались глобальные стихийные бедствия на многих планетах Империи, иногда происходили вещи, которые вообще трудно было понять. Но Империя всегда выходила из этих трудностей с высоко поднятой головой. В чем же секрет нашей стойкости, и как нам вернуться к её истокам? Всё очень просто – в трудные времена народы нашей Империи сплачивались и составляли единый народ, одну об-

щую нацию – нацию граждан Империи. Исчезали интересы различных политических групп и интересы политиков, исчезали межрасовые, религиозные и даже бытовые конфликты, и все вставали на службу одной идее – идее прочного, независимого, стабильного государства, которое никому не позволит попирать его интересы. Что же мы имеем сейчас? То же, что и обычно с нами бывало перед тяжёлыми войнами. Империя ослаблена, у нас нет единства, мы сдаём противнику всё новые и новые рубежи, иногда не физические, но моральные, что, на самом деле, ещё страшнее. Мы говорим, что у нас нет средств, чтобы защитить наши интересы. Мы говорим, что проиграем войну или увязнем в ней надолго. Я думаю, что это просто иллюзия или страх перед принятием ответственного решения. Оглянитесь вокруг. Мы на самом деле очень богаты. У нас есть триллионы наших сограждан, которые в трудную минуту готовы встать плечом к плечу перед лицом общей опасности, проявить истинный патриотизм и подняться на защиту той главной ценности, которая у нас всех есть – нашей Империи. Можно много говорить о проблемах и слабостях, но давайте же, наконец, станем сильными, чтобы защищать наши интересы, которые никто, кроме нас, защитить не сможет. Если мы проявим слабость, мы обречены на вечное унижение и, в конце концов, на полную деградацию и вымирание. Итак, я вношу совершенно конкретное предложение: мы должны немедленно собраться с силами и объявить Империи Второй Плиты войну. Мне могут

возразить, что Землю это, скорее всего, не спасёт. Возможно, хотя могут быть различные варианты развития событий. Но даже если Земля погибнет, жизни её обитателей не пропадут зря – они будут отданы за единство и процветание нашей Империи, которая, надеюсь, более никогда не окажется на коленях ни перед каким противником. Давайте же не будем опускаться на колени и сейчас. Спасибо за внимание.

Часть зала зааплодировала. Кто-то засвистел. Раздался колокольчик Так Его.

– Вопросы к докладчику есть? – спросил он.

– Свази, независимая фракция, – донёсся голос из динамиков. – У меня сразу три вопроса. Первый вопрос. Не проводил ли господин Би Хоптон оценок, сколько средств нужно на ведение войны с лаками и сколько она может продлиться, а также каково соотношение сил и вооружений наших Империй? Второй вопрос. Мы ведь обсуждаем вопрос о том, как помешать уничтожению жителей планеты Земля. Уменьшит ли война, объявленная лакам, количество жертв? И третий вопрос. Не кажется ли вам, господин Би Хоптон, что вы предлагаете эту политическую авантюру просто для того, чтобы увеличить количество голосов в вашу поддержку на выборах?

– Господин Свази, – ответил Би Хоптон. – Я ценю ваше умение формулировать каверзные вопросы, и только поэтому отвечаю. Первое. Я не мог провести такие оценки, так как не располагал достаточным временем и информацией к на-

чалу этого заседания. Но я хорошо представляю себе как состояние наших ресурсов и армии, так и свой народ. И уверен, что мы можем выиграть войну. Второе. Война, возможно, не уменьшит количество жертв, но послужит перспективе нашего дальнейшего существования. Если лакам не дать отпор, они могут уничтожить не только Землю, не правда ли? Что если Земля – просто пробный шар, используемый для проверки нашей возможности защищаться? И третье. Я всё это говорю совершенно не потому, что выставил кандидатуру на выборы Председателя. Это было бы просто бесполезно. Все знают, что шансов у меня нет. Все знают, что шансы есть только у вас, господин Свази, и все знают, откуда у вас эти шансы. Но я не буду говорить то, что и так все знают, чтобы вы не обвиняли меня в клевете, оскорблениях или в чем вы там обычно обвиняете. Надеюсь, мой ответ вас удовлетворил.

– Больше вопросов нет? – спросил Так Его. – Ну что же... Ваше предложение зарегистрировано. Если позволите, я выскажу небольшой комментарий. Прошу внимания. На мой взгляд, не все, – он обвёл глазами разношёрстную публику, – из собравшихся здесь ясно представляют, насколько серьёзно принимаемое нами решение. Речь идёт об устоях общества и цивилизации – Межгалактическом Кодексе прав разумных существ. Мы его подписали очень давно, и до сих пор строго и неукоснительно соблюдали. Сейчас же, когда лаки грубо попирают Кодекс, мы – единственные, кто может

его защитить. Я уже и не говорю о наших экономических и других интересах. Лаки создали цивилизацию на Земле и только на основании этого спорного факта пытаются присвоить себе право распоряжаться судьбами миллиардов. Земля – свободная зона, которая была предоставлена лакам для экспериментов. Теперь же, когда на ней существует разумная жизнь, статус её, очевидно, изменился, – Так Его поморщился, услышав в зале ровное гудение голосов, звякнул колокольчиком и начал говорить громче. – Лаки не имеют никаких законных прав на ликвидацию планеты, а уж тем более её жителей. Какие выходы предлагались до сих пор? Либо долгая, тяжёлая война, либо презрительное наплевательство на Кодекс.

Зал зашумел ещё сильнее.

– Так вот знайте же, – громовым голосом произнёс Председатель, – есть ещё и третий вариант, о котором все докладчики до сих пор умалчивали.

– Йокесы, что ли? – выкрикнули из зала.

Так Его насупил брови и попытался отыскать взором смельчака. Лицо его потемнело.

– Тот, кто говорит о йокесах, – с расстановкой выговорил он, – слишком много на себя берет. И впредь прошу этого слова при мне не упоминать. Я говорю о другом. Мне странно, что вы все игнорируете розданные вам документы с предложениями фракции "Оппозиция". Может быть, вы посчитаете нечестным то, что я акцентирую внимание именно на

их разработках, но после всех прозвучавших выступлений я понимаю, что, возможно, их предложение может оказаться единственно приемлемым. Я прошу отнестись к нему внимательно и с максимумом терпимости, как бы абсурдно оно ни выглядело. Слово господину Вам Кого, председателю оппозиционной фракции.

Старик, сидящий возле Сам Дурака, победоносно улыбнулся и выскочил в проход. Он пронёсся к трибуне, взлетел на неё с проворностью, не свойственной его возрасту, и заговорил:

– Господа! Наша фракция распространила среди вас... хм... записку, содержащую сведения о последних достижениях науки, а особенно братьев Рахов, в области теоретической маразмологии, и наши, так сказать, предложения по их использованию. Надеюсь, вы ознакомились с ними. Поэтому скажу сразу. Построение маразматического пространства на планете Земля и в её окрестностях даёт нам возможность быстро и *незаметно*, – последнее слово Вам Кого выделил интонацией, да ещё и выставил вверх указательный палец, – для лаков создать условия, в которых уничтожение Земли станет невозможным. В связи с обострившейся ситуацией я считаю это решение единственно правильным. Итак, мы предлагаем, – Вам Кого достал и развернул бумажку, – следующее:

«а) создать на Земле и в её ближайших окрестностях участок маразматического пространства, используя для этого

соответствующие функции Плиты номер Семь и установку, разработанную Кентелом и Конотопом Рахами;

б) за время существования маразматического пространства принять меры, пресекающие незаконные действия лаков, и затем остановить развитие маразма при помощи также находящейся в нашем распоряжении Плиты номер Семнадцать;

в) наградить господ Кентела и Конотопа Рахов Имперской премией за разработку теории, дающей возможность реализовать указанный проект».

Оторвавшись от текста, Вам Кого увидел откровенно потешающийся зал.

Так Его звякнул колокольчиком:

– Тише, господа. Какой у вас вопрос, господин Свази?

– У меня, – сказал широко улыбающийся Свази, – опять-таки несколько вопросов к докладчику, но сначала я позволю себе заметить, что считаю преждевременным решать, кого награждать, а кого наказывать за эфемерную теорию, о которой никто ничего не слышал, не говоря уж о том, чтобы её использовать.

Вам Кого покраснел:

– Я включил этот пункт по просьбе Конотопа Раха и на нём, конечно же, не настаиваю. Просто многолетняя работа Рахов, завершившаяся рядом серьёзных открытий в маразмологии, должна быть, несомненно, отмечена...

Свази кивнул:

– Теперь вопрос. Не можете ли вы сказать, простив мою нескромность, что случилось с вашим лицом за последние дни?

Краснота лица Вам Кого усилилась и теперь, пожалуй, заслуживала занесения в книгу рекордов.

– Не скрою, – ответил Вам Кого, – изменения в моем облике повлечены некоторыми экспериментами в области создания маразматических пространств. Но сейчас весь процесс проработан более тщательно, и никаких эксцессов не должно произойти.

– Но вы признаете, что во время проведения этих самых экспериментов братья Рахи заработали себе некоторые психические отклонения?

Вам Кого натянуто улыбнулся:

– От гения до безумца – лишь шаг, не правда ли? К тому же...

– И последний вопрос, – прервал его Свази. – Не кажется ли уважаемому господину Вам Кого, что, предлагая на рассмотрение Конгресса столь рискованный и не апробированный на деле проект, он нарушает всяческие правила приличия?

Вам Кого стал зеленым, как огурец.

– Господин Свази! – воскликнул он. – Мало того, что вы оскорбляете меня, насмехаясь над моей внешностью, чего я, кстати, не позволяю себе по отношению к вам, – в зале хихикнули, – так вы к тому же обвиняете меня в нечестности!

Я открываю перед вами карты: да, проект практически не проверен, и, запустив его в действие, мы проявим большую долю риска, но это – единственный разумный вариант.

– Вопросов больше нет, – усмехнулся Свази и отвернул от себя микрофон.

Зал шумел. Так Его несколько раз прозвенел колокольчиком, после чего все немного успокоились, и он снова смог говорить.

– Спасибо, Вам Кого. Слово предоставляется господину Свази, фракция "Независимый Конгресс".

К трибуне подошёл Свази. В руке он держал папку, но, не раскрыв её, просто положил рядом с собой.

– Господа! – энергично и эмоционально заговорил он. – Я думаю, вы и сами достаточно умны, чтобы разобраться, что здесь к чему. Меня удивляет разве что господин Председатель Конгресса, который так открыто агитирует за проект постановления оппозиции. Когда это было видано прежде? Уж нет ли здесь личной заинтересованности? Впрочем, чего не знаю, того не знаю, врать не буду. Может быть, просто кто-то из нас сошёл с ума. Я вот лично слушал эту чепуху про склеротическое пространство и думал: а может, всё же йокесы были бы лучше? Нет-нет, я ни к чему не призываю, просто говорю – неужели вы не видите, какую авантюру нам предлагают? Я также был весьма удивлён предложением господина Би Хоптона. Он считает, что патриотические идеи могут подменить собой крейсера, пушки и энергетические

единицы. Может быть, его патриотизм силен настолько, что он один в состоянии справиться с целым флотом лаков? Если так, то извините, господин Би Хоптон, флаг вам в руки. Если нет, то вы просто пудрите нам мозги. Что касается господина Нибудь, то я разобрал всего пару слов – "шложа руки". Но в этом-то и есть, насколько я понял, суть его предложения. И честно говоря, я с ним, в принципе, согласен. Не потому, что я сторонник уничтожения разумных существ, а потому, что я патриот, и патриот истинный. Уж если нам не хватает смелости признать свою слабость, давайте хотя бы не будем лезть на рожон. Что касается остальных докладчиков, то у меня просто нет слов. Но вот сейчас я закончу выступление, и господин Так Его, так мелодично звякающий там, наверху, спросит меня, а есть ли у меня конкретные предложения? Они, разумеется, есть. Но я выскажу их только тогда, когда наш Конгресс перестанет быть продажным и ничего не выражающим органом, когда он станет абсолютно независимым от конъюнктуры, защищающим только свой народ и высшие ценности. Сейчас же мои предложения, разумеется, не пройдут, поэтому разрешите откланяться.

Вопросов не было. Так Его встал и объявил:

– Прошу внимания. Насколько я понимаю, имеется три конструктивных предложения: от фракции "АнтиДиктат", от фракции "За Центури" и от оппозиционной фракции. Есть возражения? Тогда ставлю на голосование в порядке поступления. Предложение первое. Фракция "АнтиДик-

тат" предложила не реагировать на действия лаков, а изменить существующее законодательство с тем, чтобы действия лаков считались законными. Предупреждаю, что это очень спорное предложение, так как противоречит Межгалактическому Кодексу, подписанному нашей Империей. Поэтому предлагаю проголосовать по этому пункту только за первую часть. Итак, кто за то, чтобы никак не препятствовать действиям лаков по уничтожению планеты Земля, прошу голосовать.

Прошла минута. Табло отобразило результат голосования:

"За – 31 голос, 263 против, 2 воздержались".

Так Его продолжил:

– Спасибо. Решение не принято. Предложение второе, от фракции "За Центури". Предложение заключается в том, чтобы немедленно объявить войну Империи Второй Плиты. Кто «за», прошу голосовать.

Послышались щелчки от нажатия кнопок. Табло высветило:

"За – 76 голосов, 217 против, 3 воздержались".

– Спасибо. Решение не принято. Последнее предложение, от фракции "Оппозиция". Кто за то, чтобы пресечь действия лаков путём создания на Земле маразматического пространства?

Сам Дурак следил за взглядом Вам Кого, прикованным к табло. Вам Кого вдруг чертыхнулся и махнул рукой. Сам

Дурак взглянул на табло и увидел:

"За – 54 голоса, 240 против, 2 воздержались".

Колокольчик звенел довольно долго.

– Итак, – раздался громовой голос Так Его, – мы не приняли никакого решения. Нам придётся прервать заседание и завтра продолжить обсуждение этого вопроса. Надеюсь, оно пройдёт в более конструктивном духе. Но, мне кажется, я должен сказать следующее: завтра может быть уже поздно. А это значит, что сегодня, ничего не предприняв, мы попросту предали шесть с лишним миллиардов разумных существ. Если кто-то хотел добиться именно этого, он может радоваться. Все свободны.

Так Его быстро, с нескрываемой досадой, направился к выходу из зала.

Вам Кого проводил его хмурым взглядом, и, встав с места, принялся складывать бумаги в папку, собираясь удалиться, но Сам Дурак перехватил его:

– Простите, господин Вам Кого, – произнёс он. – Меня зовут Сам Дурак, я из сил безопасности, прилетел сюда по распоряжению Председателя. Я очень давно не следил за прессой. Вы не могли бы объяснить мне, что такое маразматическое пространство?

Вам Кого оглядел Сам Дурака с головы до ног и сухо ответил:

– Идёмте в лабораторию. Я всё вам расскажу.

Путь был заковырист и непредсказуем. Вам Кого повора-

чивал то вправо, то влево, а то вдруг взбегал по лестнице вверх. "Как он держит в памяти весь этот лабиринт?" – удивлялся Сам Дурак. Наконец Вам Кого толкнул рукой обитую кожей дверь и пропустил Сам Дурака внутрь.

Два черноволосых молодых человека разом крутанулись в своих поворотных креслах, обратив лица к вошедшим. Один из них, пониже и поплнее, произнёс:

– Жили-были две старухи. Одна скоро померла, а другая скончалась. Вот такая смешная сказка.

Второй, повыше и постройнее, поднялся и протянул Сам Дураку руку:

– Конотоп Рах.

– Сам Дурак, – чуть поклонился Сам Дурак.

– М-м, – сказал Конотоп, блеснув щелевидными зрачками, – а вы знаете, что означает ваше имя на протоязыке?

– Нет, – признался Сам Дурак.

– Вам повезло, – улыбнулся Конотоп.

Братья Рахи отвернулись и синхронно забарабанили по клавиатурам компьютеров. Вам Кого подвёл Сам Дурака к стене, увешанной фотографиями, и показал на приколотый к ней листок бумаги:

– Вот, смотрите, мне Конотоп как раз объяснял. Вот это человек – схематично, конечно. В него входит стрелочка, которая обозначает поступление информации...

– Извините, – перебил Сам Дурак, заметив слева от нарисованной схемы небольшую фотографию причудливого ору-

дия. – А это что?

Вам Кого посмотрел на него с непониманием, и Сам Дурак поторопился пояснить:

– У меня профессиональная привычка собирать информацию.

– Это Царь-Пушка, – ответил Вам Кого. – В Москве стоит, город такой на Земле. Очень большая, но, я слышал, ни разу не стреляла. Хотя это к делу не относится... Хм... И вот человек получает извне различные образы, воображает себе Бог знает что, и то, что получается в результате, попадает сюда, в устройство, которое генерирует маразматическое пространство.

– Вам Кого, ты искажаешь факты, – возразил подкравшийся внезапно Конотоп. – Нет никакого устройства, которое генерирует маразматическое пространство. Маразматическое пространство существует везде и всегда. Образы подсознания в данном случае используются при новом построении Вселенной, которая каждый миг рождается заново. А та закорючка, в которую ты ткнул пальцем – это дерево, я для примера нарисовал.

– А это что? – Сам Дурак заинтересовался ещё одной фотографией, где был изображён голый мужчина с факелом в руке.

– Это единственная сохранившаяся фотография Колосса Родосского, – сказал Вам Кого. – Огромная статуя бога Солнца на Земле, одно из так называемых чудес света, разрушена

землетрясением. Это японские фашисты фотографировали перед капитуляцией во Второй Мировой войне. Но мы снова не о том. В маразме всё происходит случайным образом, поэтому вероятности всех событий малы...

– Вам Кого, ты неправ, – снова вмешался Конотоп. – Ничто никогда не происходит случайным образом...

– А это что за зверь? – спросил Сам Дурак.

– Это амурский тигр, – сказал Конотоп. – Крупное, сильное животное, обитает на Земле, достигает веса в 300 килограммов, но постепенно вымирает. Осталось не более 500 особей.

– Пойдите... – Сам Дурак перевёл взгляд на Конотопа, затем снова на фотографию. – Вы же – вылитый тигр! Полоски на свитере, вытянутые зрачки, строение тела и... Что происходит?

– И правда... – произнёс Конотоп Рах, становясь на четыре лапы и хлопнув по полу моментально отросшим хвостом. – Как я не замечал раньше?

Он прошёлся вокруг изумлённого Сам Дурака, демонстрируя великолепную блестящую шерсть, а затем удалился в сторону компьютера.

Вам Кого похлопал Сам Дурака плечу:

– Успокойтесь, попейте водички, – и пояснил: – После эксперимента, проведённого на себе, Конотоп стал так называемым автомаразматиком – он часто верит тому, что о нём говорят, и трансформируется соответственно.

– Точно-точно, – донёлся со стороны голос Кентела. – Очень много зеркал.

Сам Дураку стало не по себе, и он принял предложенный стакан с водой:

– И вы считаете, что подобный эксперимент с целой планетой не опасен?

Вам Кого почесал дырку во лбу. Из неё вывалился маленький розовый шарик, который он, впрочем, тут же вернул на место.

– Опасен, конечно, – вздохнул он, – но разве можно выиграть, не рискнув?

...В это время капитан Ак обходил посты сил безопасности. Спустившись на цокольный этаж, он удовлетворённо отметил, что охранники находятся на месте и не расслабляются. Двое с лазерными винтовками сразу перед лифтом, ещё двое у двери. Один, с флистерным пистолетом и коротким кинжалом, стоял у правой стены. У всех также были тепловые гранаты и дубинки на поясе.

– Как служба? – спросил Ак.

– Служим, как можем! – отчеканили офицеры.

– Хорошо, молодцы, – сказал Ак. – Так держать. Смена через час.

Он открыл ключом железную дверь. За ней оказалась небольшая комнатка, в которой, словно селёдки в бочке, располагались ещё шестеро охранников с бластерами.

– Отлично, – сказал Ак и, обращаясь к одному из них,

спросил: – Капрал Сох Мыш! Каковы будут ваши действия, если эта дверь откроется, а за ней вы увидите десять вооружённых врагов?

– Брошу гранату, капитан, а затем открою огонь!

Ак задумался.

– А если они успеют первыми?

– Не успеют. Мы всё время следим за этой дверью.

– Что ж, хорошо.

Ак открыл следующую дверь. В этом помещении, у стены с пультом, стояли ещё четыре капрала с лазерными винтовками, один с флистером и один – с микроднехт-пушкой. Все нацелились на Ака, но, узнав, тут же опустили оружие.

– Отлично, – сказал Ак. – А что если сюда войдёт Председатель Конгресса?

Тот, что с флистером, ответил:

– О его приходе оповестят по радио. Если не было оповещения, это замаскированный враг.

– Капрал Малодыр, – повернулся Ак к одному из караульных, – для чего служит нарезка в стволе лазерной винтовки?

– Винтовая нарезка ствола улучшает! Дальнобойность и кучность! Лазерного луча! – проорал лысоватый низенький капрал, выкатив глаза на лоб от усердия.

– Хорошо, – сказал Ак, слегка поморщившись. – Будьте начеку. Через час вас...

Он застыл, не договорив.

В воздухе прямо перед ним появилось прозрачное облако.

Оно быстро расширилось, превращаясь в сверкающий, словно бы стеклянный, эллипс. На лицах капралов застыла полная растерянность.

– Что стоите?! – крикнул Ак. – Огонь!

Он выхватил короткий бластер и выстрелил в линзу. Остальные тоже начали палить. Один из них, попавший под удар днехт-пушки другого, закричал и рухнул на пол, дымясь... Через мгновение он взорвался. Линза же всё росла.

– Все сюда! – скомандовал Ак.

Из соседних комнат высыпали другие охранники. Всё помещение заполнилось лучами лазеров и бластерными импульсами. Ак почувствовал, что ему задело плечо.

– Смотрите, куда стреляете, кретины! – закричал он.

В этот момент в линзе открылось чёрное отверстие. Из него хлынул поток жаркого оранжевого пламени. Раздались вскрики от боли. Ак на мгновение ослеп. Он быстро упал на пол вниз лицом и почувствовал, как огонь прокатился по его спине. Ак мгновение терпел, потом перевернулся на спину. Он был почти цел, только дико жгло кожу на плечах. Возле Ака на полу сидел капрал с обожжённым лицом, пытающийся снять с предохранителя флистер. Вокруг были разбросаны обожжённые тела и оружие. Из дыры в пространстве медленно выплывало существо, состоящее из нескольких соосно вращающихся друг над другом дисков. Над верхним диском располагалась короткая тушка с двумя щупальцами, напоминающими плавники, и тонкой длинной шеей. Под од-

ним из плавников была зажата выходная труба огнемёта. Сам огнемёт плыл в воздухе рядом.

Лак вертел вокруг своей острой мордой и хлопал веками огромных лягушачьих глаз. В его пасти был зажат, словно сигарета, металлический ствол замысловатого оружия. Лак медленно шевелил зубами, передвигая ствол в дальний угол рта.

Оцепенение Ака прошло. Он схватил с пола лазерную винтовку и выпустил из неё толстый красный луч. На одном из дисков лака образовалось дымящееся чёрное кольцо. Лак взглянул прямо в глаза Ака, и тот почувствовал, как затуманивается его сознание. Он выстрелил ещё и ещё, но сила в руках иссякала, и он не попадал. Лак зубом надавил на курок. Раздалась очередь. Ак почувствовал боль в животе и подступающую к горлу кровь.

У капрала, наконец, зарядился флистер, и он выстрелил в лака. Лак озарился яркой вспышкой. Из дыры тем временем выплывали второй и третий. Лак надвигался на капрала, а пистолет заряжался снова.

– Крест... – умолял капрал. – Смеситель... Пожалуйста, скорей...

Диски лака мягко обхватили его голову с обеих сторон. Капрал захрипел. Диски сошлись, вращаясь, словно жернова, и с хрустом разбрызгали по стене кровь и мозги капрала. Тело обмякло и шлёпнулось вниз.

Лаки двинулись к стене. Один из них высунул язык, на ко-

тором лежала металлическая пластинка с прорезями, и воткнул в щель. Он что-то прошипел другому, и тот плавником набрал код. Дыра в пространстве стала расширяться, захватывая раздвигающуюся стену. Сквозь дыру было видно помещение внутри космического корабля, в котором беспорядочно перемещались сотни других лаков. Оно расширилось вместе с дырой, захватывая всё большую часть зала. Лак нажал на кнопку в углу. Стали подниматься створки, скрывающие шахту с Плитой. Другой лак тем временем заглянул под щиток, за которым хранился пульт, и слизнул его в свою пасть.

Из ямы в полу показалась Плита, покачивающаяся в воздухе. Лаки поплыли назад, в отверстие, присоединяясь к своим собратьям. Дыра в пространстве всё расширялась, надвигаясь на Плиту. Через пару секунд Плита оказалась уже посреди лаков, на их корабле, вместе с пневмоподушкой и частью пола. В тот же миг дыра схлопнулась. По помещению пронёсся ветерок. Наступила тишина. Только искрились провода, торчащие из чёрной шахты, напоминающей могилу, да из соседней комнаты доносился тихий стон.

Глава 9. Мудрость Соломона.

Вокруг стола в кабинете Так Его собрались все приглашённые: Вам Кого, Кентел Рах, Конотоп в образе огромного амурского тигра и Сам Дурак, который переоделся в светло-серый гражданский костюм, но при этом не выпускал из рук портативного складного меча.

"Один алкаш с вытекшими мозгами, – думал Так Его. – Один диверсант. Два полных психа, один из которых к тому же тигр. И я – приговорённый к смерти инвалид".

Он обвёл сидящих сочувственным взглядом и понял, что помощников в данном случае выбирать не приходится. В подтверждение его мыслей Кентел Рах неожиданно пробормотал:

– И зачем люди бьют друг друга по башкам? – после чего попытался достать кончика носа пальцем ноги.

Так Его вздохнул:

– Давайте займёмся делом. Вам Кого, вы обещали мне сегодня доложить ваш подробный план.

– Он готов, – кивнул Вам Кого. – Если Конгресс примет наше предложение, послезавтра я прибуду на Землю и соответствующим образом подготовлю выбранного нами человека.

– Кто он? – спросил Так Его.

Вам Кого протянул Председателю фотографию молодого парня с наивным, но приятным лицом, потом достал из кармана сложенный вчетверо листок и, развернув, прочитал:

– Владимир Каллистратович Ясоний, 21 год, не женат, проживает в городе Москва, в микрорайоне Кунцево. Заочно причислен к членам Галактического Конгресса по моему личному ходатайству с тем, чтобы обеспечить ему подключение в шину подсознательного доступа к паролям. Студент 3-го курса. Коэффициент интеллекта 138, но особых способ-

ностей ни в чём не проявил. Натура реалистичная, никогда не состоял на учёте в психиатрических клиниках или диспансерах.

– Хорошо, – сказал Так Его. – Как вы собираетесь действовать дальше?

Заговорил Конотоп:

– Для создания маразматического пространства на Земле необходимы три условия – подключение Ясония к Плите с соответствующими полномочиями, нажатие на нижний торец Седьмой Плиты и включение моей установки на достаточно небольшом расстоянии, до одного километра, от очага маразма, то есть от того же Ясония. Первое уже сделано. На Плиту можете нажать вы. Что же касается третьего, решено, что Вам Кого летит на Землю с установкой и приводит её в действие неподалёку от дома Ясония, в здании школы-интерната. К тому времени он должен перегоре... перегоре... перегоре...

– Что с вами? – спросил Так Его.

– Простите, – сказал Конотоп. – У меня ввод-вывод сбоит, ерунда. Так вот, к тому времени Вам Кого уже встретится с Ясонием, перерегорит с ним и проконтролирует все процессы на месте. Я буду держать с ним связь.

– Параллельно с этим, – продолжил Вам Кого, – вы в Конгрессе добиваетесь принятия решения об оттеснении лаков на безопасное расстояние. Когда это будет достигнуто, Конотоп привезёт на Землю Плиту номер 17 и ликвидирует ма-

разм.

– Привозить нежелательно, – возразил Конотоп. – Плита инициализирует всё информационное поле сразу, так что место её активизации неважно. А в маразматическом пространстве она, вполне возможно, не работает.

Так Его сосредоточенно барабанил пальцами по столу и молчал.

– Что-нибудь не так, господин Председатель? – поинтересовался участливо Вам Кого.

Так Его поднял глаза и, вытянув губы трубочкой, что-то прикинул в голове. Наконец молчание было нарушено.

– Я просчитываю варианты, – заговорил Председатель, – и не вижу ничего лучше вашего плана. Однако дело обстоит не так просто. Загвоздка в двух, нет, даже в трёх пунктах. Во-первых, благодаря некоторым слишком ярким лидерам независимой фракции вроде нашего горячо любимого друга Свази...

– Вонючая обезьяна, – прорычал Конотоп, хлестнув по полу хвостом.

– Так вот, – продолжал Председатель, – благодаря им Конгресс никогда не одобрит вашего предложения. Завтрашнее заседание будет не меньшей фикцией, чем сегодняшнее, а ждать мы не можем. Во-вторых, я только что получил сообщение, которое меня потрясло и, возможно, шокирует вас. Примерно час назад лаки захватили оплот нашей Империи – Седьмую Плиту.

Вам Кого подскочил на месте. Сам Дурак присвистнул. Конотоп вонзил когти в обивку кресла. Кентел Рах возмущённо произнёс "Узурпаторы!" и смачно сплюнул в центр стола.

Так Его развёл руками:

– Ничего не поделаешь, это факт. Ваш план, в таком виде, каков он есть, теперь не проходит. И третья неприятность. Как вы знаете, через несколько дней истекает срок моего правления. Я должен буду умереть, временно передав одному из членов Конгресса высшие полномочия. Я подготовил документы на ваше имя, Вам Кого. Но в тот же день будут проведены выборы, на которых, скорее всего, победит Свази.

Вам Кого нахмурился:

– Значит, вы вызвали нас для того, чтобы сообщить, что всё пропало?

– Не совсем так, – на лице Так Его появилось нечто, отдалённо напоминающее улыбку. – Я принял решение, но, боюсь, вы его не одобрите. Прежде всего, господа, я хочу задать вам несколько вопросов. Господин Конотоп Рах, как вы оцениваете состояние ваших разработок по созданию маразматических пространств? Только честно.

Конотоп кашлянул.

– Если бы не спешность решения проблемы, я бы настаивал на продолжении работы над проектом. Я не провёл ни одного эксперимента с Плитой и с реальными маразматическими пространствами. Плохо изучены побочные эффекты и

последствия эксперимента. Маразм – не такая простая штука, как кажется. Он склонен развиваться, а не просто существовать. Заманчиво, конечно, использовать его в таком хорошем деле, но...

– Понятно, – сокрушённо махнул рукой Так Его. – Вопрос к господину Вам Кого. – Почему вы выбрали в качестве ответственного субъекта именно Ясония?

– Понимаете, – смутился Вам Кого, – я выбирал из большого количества жителей Земли, и решающим фактором здесь являлась большая ответственность, лежащая на человека. Мы ведь подключаем его к шине подсознательного доступа к паролям, и мало ли что взбредёт ему в голову... Ясоний – средний человек, ничем не выделяется, без особых амбиций, и, по-моему, он является идеальной кандидатурой... А если честно, я выбрал его наугад. Именно из-за громадной ответственности я лично хотел прибыть на Землю, хотя это и небезопасно. Я попытаюсь оградить его от посторонних вмешательств со стороны, например, других членов Конгресса, защитить в трудной ситуации, дать совет...

Так Его вздохнул:

– Ясно. А теперь, господин Сам Дурак, поведайте нам о своих подвигах. Где вы служили, какие задания выполняли и всё такое прочее...

Сам Дурак на мгновение растерялся, вспомнив, что докладывать Председателю положено стоя, но, сообразив, что встреча носит неофициальный характер, сообщил:

– Я с момента окончания военного училища служу в частях Имперской Безопасности и выполняю задания совершенно различные. В основном они были связаны с особым риском или опасностью, как то: ликвидация последствий крупных аварий и перевоз секретных грузов в обстановке ведущейся войны, диверсии и террористические акты в тылу врага, проведение переворотов в недружественных государствах...

Так Его чихнул, и Сам Дурак сообразил, что он выбалтывает секретную информацию.

– Ну, неважно, – сказал он. – В моём распоряжении находится несколько десятков экосимов и около сотни терминалов, кроме того, мой корабль оснащён самым современным оружием из всего, что имеется в войсках нашей Империи.

Так Его выдвинул кресло из-за стола и встал, начав ходить из угла в угол.

– Дело в следующем, – сказал он. – Лично мне в моём положении решение Конгресса глубоко безразлично. За несколько отпущенных мне дней они даже осудить меня в случае поражения не успеют. Слово, в общем-то, за вами. Я предлагаю вам нарушить один закон во имя спасения другого, а на деле – во имя шести миллиардов разумных существ, обречённых на гибель. Если вы согласитесь, операцию можно начать уже с завтрашнего утра. Собравшись на заседание, Конгресс окажется перед фактом. В случае неудачи вас будут судить – и правильно сделают, но, победив, вы обеспе-

чите себе славу и высокое положение.

– Простите, господин Председатель, – заговорил Вам Кого, – но ведь реализация плана невозможна без Седьмой Плиты.

Так Его повернулся к Сам Дураку:

– Можете ли вы пробраться на флагман лаков и нажать на нижний торец Плиты?

– А у меня есть полчаса времени?

– У вас вся ночь впереди.

– В таком случае ответ утвердительный.

Председатель обратился к Вам Кого:

– Насколько я понял, вы согласны?

– Да, – ответил Вам Кого, – я рискну.

– Хорошо, – Так Его остановился и, скрипнув протезами, вернулся в кресло. – Должен вас предупредить – только слаженные действия приведут к успеху. И ещё – опасайтесь Свази. Он упрям, как осёл, кроме того, ходят слухи, что он связан даже с йокесами... Впрочем, время – деньги, а для вас, господа, и нечто большее.

– Я и господин Сам Дурак должны приступить прямо сейчас? – уточнил Вам Кого.

Так Его кивнул:

– Разумеется. Я же отвечаю за своевременный подвод войск. Желаю удачи.

Через полминуты кабинет опустел. Так Его запер дверь и, сопровождаемый металлическим стуком, зашагал к лифту.

Глава 10. Противостояние.

Стояла дивная ночь. Впервые за последние дни туман рассеялся, небо над космопортом стало безоблачным, и в нём рассыпались тысячи разноцветных звёзд. Вам Кого шёл очень быстро, вспоминая, не забыл ли он чего, не просчитался ли... Но нет – вроде бы всё было учтено. Только одно начинало его немного пугать – страх перед неизвестностью, которая скрывалась за словами "маразматическое пространство". Но он старался не думать об этом, повторяя про себя, что ради спасения Земли пойдёт на всё. И теперь Вам Кого, готовый к любым неожиданностям, приближался к взлётно-посадочной площадке базы.

"Ого, – подумал он вдруг. – А это ещё что такое?"

Возле выхода из ангара стояло несколько кораблей, и среди них – огромный чёрный диск, принадлежащий Конотопу.

"Куда он собрался лететь?" – удивился Вам Кого и, замедлив шаг, пригляделся к кораблю. У погрузочного люка виднелась фигура Кентела.

Вам Кого взглянул на часы. Время ещё было. Он постоял немного и всё-таки направился к орбитальной базе Рахов.

– Эй! – крикнул он, не дойдя нескольких метров. – Что-нибудь случилось?

Кентел Рах обернулся:

– Корреспондируем корреспондентам корреспонденцию, – промурлыкал он нараспев.

"Ну ладно, – подумал Вам Кого, – я всё равно ничего не

добьюсь от этого ненормального". Он повернулся к своему кораблю, но сердце у него было не на месте. Уж больно в странный момент Рахи приводили в порядок свою переписку. Вам Кого перепрыгнул через несколько ступеней трапа и, захлопнув люк, задумался. "Так, – в сотый раз проверил он себя. – Два терминала, две телепортационные установки типа "Коробочка", М-осциллятор... Но, чёрт побери, что же они всё-таки делают?"

Вам Кого давно заметил, что слова Кентела, какими бы идиотскими ни казались, почти всегда имеют смысл. Он сел за пульт и, применив секретный ключ члена Конгресса, попросил дать информацию по текущей переписке Конотопа с внешним миром. Получив сообщение, Вам Кого ахнул: несколько минут назад Рахи отправили письмо, адресованное землянину со странной фамилией Ясоний.

– В этой игре не всё чисто, – произнёс Вам Кого и завёл двигатели. Корабль задрожал, оторвавшись от площадки, и стал плавно подниматься вверх. Эгозон удалялся, и чем меньше становился медленно вращающийся треугольник в иллюминаторе, тем страшнее становилось Вам Кого. Всего через несколько часов он сделает первые шаги в неизведанном ещё мире, имя которому Маразм... От этого начинало подташнивать.

– Ничего, – бормотал Вам Кого, – я обгоню это письмо. Не знаю, что в нём, но так мы не договаривались. Кошка полосатая...

Он не знал, что в это время за его небольшим кораблём, напоминающим серебристую птичку, наблюдают из окна здания Конгресса. Свази держал наготове радиотелефон, но ещё не мог решить, что именно предпринять, так как не вполне понимал происходящее.

Сначала до него дошли слухи о таинственном вечернем совещании у Так Его. Потом он заметил, как Вам Кого и Кентел Рах выносят из здания Конгресса телепортационную установку. Теперь на его глазах с космодрома стартовал корабль Вам Кого.

– Вам Кого пошёл гулять, – пробормотал Свази. – Как же это он так – пропускает заседание Конгресса...

А за кораблём Вам Кого, уже превратившимся в маленькую сверкающую звёздочку, поднималась громадная плоская лепёшка с включёнными прожекторами. Свази скорчил обиженную мину:

– Так не пойдёт, господа из оппозиции. Я тоже давно не нюхал свежего воздуха – и, нажав на хрустнувшую кнопку селектора, приказал:

– Дайте мне Центральную базу.

– База слушает, – послышалось из динамика.

– Подготовьте к вылету челнок номер 23, – проговорил

Свази.

– Цель вылета?

– Личные проблемы, – Свази расплылся в улыбке и заложил за голову волосатую ногу.

– Пункт назначения?

Свази задумался, но всего лишь на миг:

– Солнечная система. Планета Земля.

– Принято, – селектор затих.

Свази заглянул в папку для бумаг, убедившись, что небольшой личный пистолет находится на месте, и засунул папку в чемоданчик вместе с радиотелефоном и толстенным описанием планеты Земля.

– По крайней мере, я действую в рамках закона, – произнёс он и зашлёпал босыми ступнями в сторону выхода.

Вам Кого тем временем уже входил в гиперпространство. Он покоился в мягком кресле и думал о том, что же замышляет Конотоп. Теперь уже всё казалось ему очевидным, но он не хотел верить своей догадке.

– Неужели Конотоп сошёл с ума? – бормотал Вам Кого. – Неужели?

Корабль вышел из гиперпространства на небольшой высоте над Землёй – видимо, Вам Кого неточно задал координаты. На него надвигался огромный город, заполненный огнями. Вам Кого быстро включил автопилот и почувствовал, как его прижимает к креслу – торможение было слишком резким. Кровь отлила от головы, и Вам Кого собрал себя в кулак, чтобы не отключиться...

Постепенно корабль выровнялся и заскользил над поверхностью Земли по горизонтали. Вам Кого выбрал указателем на карте конечный пункт маршрута. Корабль начал снижать-

ся, заходя на посадку вдоль русла небольшой речки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.